

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1884.

ДЕКАБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

- Слово въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы.
Настоятеля Харьковскаго Кафедральнаго собора . . . . . Протоіерея Т. Павлова.
Голосъ изъ юго-западнаго православнаго славянства по по-
воду статей г. Соловьева о соединеніи съ Римомъ . . . . . А. Н.
Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пони-
маніи Слова Божія (окончаніе) . . . . . Т. Стоянова.

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

- Составъ философіи. Профессора Московской духовной
академіи . . . . . В. Нудряцева.
Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской
духовной академіи . . . . . П. Линицаго.
Письма философа Сенени (продолженіе). . . . . * * *

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Уставы и штаты православныхъ духов-
ныхъ семинарій и училищъ (продолженіе).—Росписаніе очереднаго проповѣданія Слова
Божія протоіереями и священниками г. Харькова и подгородныхъ селеній на 1885 годъ.—
Списокъ лицъ, коимъ, на основаніи § 10 Высочайше утвержденныхъ правилъ о церковно-при-
ходскихъ школахъ, предоставлено право преподаванія простаго (унисоннаго) пѣнія въ
церковно-приходскихъ школахъ.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонер-
скаго Общества.—Отъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго
училищнаго Совѣта.—Епархіальныя извѣщенія.—Списокъ пожертвованій на возобновеніе
пострадавшаго отъ пожара семинарскаго храма.—Вѣдомость о количествѣ свѣчей, отпущен-
ныхъ изъ Бѣлопольскаго склада Епархіальнаго свѣчнаго завода.—Извѣстія в замѣткѣ.—
Объявленія.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, пзьясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жпзни, однимъ словомъ все составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жпзни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такеъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особомъ нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жпзни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жпзни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи и въ свѣчпой лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова.

Такъ какъ нѣкоторыя статьи этого журнала, особенно касающіяся текущихъ церковныхъ событій, будутъ находиться въ связи съ статьями, помѣщенными въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ минувшаго года: то лица, желающія слѣдить за послѣдовательною связью этихъ событій, могутъ пріобрѣтать „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, въ редакціи новаго журнала, по уменьшенной цѣнѣ, имено по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστις νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр XI, 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ. Декабря 15 дня 1884 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ*.

СЛОВО

въ день Введенія во храмъ Пресвят. Богородицы.

*Оставьте дѣтей приходящи ко Мнѣ
и не браните ихъ: матиць бо есть цар-
ствіе Божіе. Мар. X, 14.*

Св. Церковь воспоминаетъ нынѣ то событіе, когда праведные родители Іоакимъ и Анна дарованную имъ Богомъ дочь, Св. Дѣву Марію, ввели во храмъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ Ея жизни. Въ этомъ событіи заключается великій урокъ — какъ нужно смотрѣть на рожденіе дѣтей и съ какого времени должно начинать ихъ воспитаніе.

Св. люди древняго, ветхозавѣтнаго міра и жившіе послѣ явленія въ міръ Спасителя смотрѣли на рожденіе дѣтей какъ на проявленіе любви Божіей къ человеку и въ родившемся новомъ человекѣ видѣли даръ Божій, пришельца отъ Бога. Поэтому супруги, долго не имѣвшіе дѣтей, со скорбнымъ сердцемъ видѣли въ этомъ если не гнѣвъ Божій, то лишеніе Божіей милости. Они покаяніемъ очищали свою душу, возвышались къ Богу молитвою, помыслами духовными и подвигами св. жизни и во дни этого высокаго духовнаго настроенія получали то, чего долго ожидали и о чемъ пламенно молились. Это духовное настроеніе, какъ святое наследство, переходило къ ихъ дѣтямъ. Раждаемое было свято.

Такъ мать великаго пророка Самуила въ пламенной молитвѣ изливаетъ предъ Богомъ душу свою, моля Его о дарованіи ей сына. Это молитвенное настроеніе не было въ ней только минутнымъ порывомъ сердца. Оно продолжалось и до рожденія и послѣ рожденія *дарованнаго Богомъ сына*. Давши сыну святое наслѣдіе своей души, она приводитъ его въ Скинію, въ святое мѣсто, гдѣ онъ обильно могъ питаться духомъ божественнаго закона и возрастать и укрѣпляться духовными силами, чтобы быть безстрашнымъ провозвѣстникомъ и крѣпкимъ охранителемъ правды Божіей среди людей. Св. Захарія, въ минуты благоговѣйнаго служенія Богу во храмѣ, видитъ небеснаго вѣстника, слышитъ радостную вѣсть о сверхъестественномъ, при его глубокой старости, рожденіи великаго сына — Предтечи ожидаемаго въ міръ Спасителя, сомнѣвается и исцѣляется отъ болѣзни сомнѣнія чудесною нѣмотою. Праведная Елизавета радуется высокою духовною радостію, ожидая исполненія словъ небеснаго вѣстника и эта радость согрѣваетъ и возвышаетъ ея душу до рожденія и послѣ рожденія великаго сына. Она слышитъ голосъ привѣтствія пришедшей къ ней Матери Господа, исполняется Духа Святаго, который таинственно сообщается заключенному еще въ утробѣ матери младенцу. Какая таинственная и чудная связь между духовною природою матери и ея младенца! Какое высокое и святое наслѣдіе мать можетъ передать своимъ дѣтямъ! Св. родители великаго пророка отъ времени рожденія и до отшествія его въ пустыню поддерживали и возгрѣвали въ немъ огонь Св. Духа своею вѣрою, молитвою, примѣромъ и наставленіями въ святой жизни.

Такое же духовное наслѣдіе — смиреніе, любовь и преданность Богу — святые и праведные Иоакимъ и Анна передали своей Пресвятой Дщери — Матери Господа.

Они приводятъ Ее во храмъ еще въ ранніе годы Ея дѣтства, чтобы охранить дѣтскую, воспріимчивую и впечатлительную душу отъ суеты и соблазновъ міра, дать Ей возможность всегда видѣть величіе храма Божія, тысячи благоговѣнно молящихся въ немъ вѣрующихъ, слышать ихъ молитвенныя воздыханія, звуки священныхъ богодухновенныхъ пѣсней, внимать Слову Божію, питаться имъ и возрастать духовно—чтобы быть достойною воспріять въ Себя и родить имѣющаго явиться въ міръ Спасителя міра. Здѣсь, во св. храмѣ, путемъ глубочайшаго смиренія, она достигла той чистоты, святости и славы, которыя поставили Ее не только выше всѣхъ св. людей, но и превыше всѣхъ ангеловъ Божіихъ.

Что св. бытописатели передаютъ намъ о немногихъ великихъ праведникахъ и святыхъ, о благотворномъ вліяніи св. родителей на зарожденіе и развитіе въ ихъ дѣтяхъ великихъ духовныхъ силъ,—тоже, въ большей или меньшей степени, можно разумѣть и о всѣхъ святыхъ праведникахъ, просіявшихъ богоугодною жизнью во все времена ветхозавѣтной и новозавѣтной Церкви. Это подтверждаютъ сказанія о жизни св. угодниковъ Божіихъ.

Рожденіе добраго плода отъ добраго корня такъ-же естественно, какъ неестественно, чтобы отъ злаго корня выросло доброе дерево и приносило добрые плоды.

Послѣ св. Церкви, которой Самъ Господь даровалъ власть и силу приводить насъ къ Богу и Спасителю.—добрая, вѣрующая семья, а въ ней мать-христіанка есть первая и лучшая руководительница въ этомъ св. дѣлѣ. Она должна и она можетъ вводить свое дитя въ міръ правды, добра и любви, въ міръ спасаемыхъ Богомъ и блаженныхъ существъ,—въ этотъ великій, духовный, Божій храмъ.

Первое существо, съ которымъ тѣсно связана жизнь дитяти и въ которомъ для него заключается весь міръ—это его мать.—Что оно въ ней видитъ, слышитъ и замѣчаетъ!

Добрая христіанка-мать уложила свое дитя въ колыбель. У этой колыбели она еще долго сидитъ и дитя долго слышитъ тихій, молитвенный шопоть матери. Она молится, чтобы Господь послалъ ангела-хранителя души и тѣла младенца и онъ засыпаетъ подъ освѣщеніемъ крестнаго знаменія, подъ тихій шопоть молитвы. Дитя проснулось бодрое послѣ крѣпкаго, покойнаго сна. Оно сердцемъ и глазами ищетъ своей матери и его глаза останавливаются на свѣтломъ лицѣ матери. Она стоитъ предъ образомъ Спасителя и Божіей Матери, и одинъ и тотъ же свѣтъ горящей лампы освѣняетъ и святые лики и лицо его матери. Взоръ дитяти переходитъ отъ св. ликовъ и останавливается на лицѣ матери и оно любящимъ сердцемъ читаетъ на этомъ лицѣ выраженіе чего-то высшаго, святаго, неземнаго. Въ продолженіи дня оно слышитъ слова мира и любви, не слышитъ грозныхъ словъ гнѣва и вражды, не видитъ бурныхъ семейныхъ сценъ.

Дитя уже вышло изъ колыбели, но оно привыкло къ тому, чтобы мать предъ сномъ помолилась надъ нимъ и своею рукою освѣтила его крестнымъ знаменіемъ. Оно ищетъ матери и находитъ ее. Въ тихую, теплую, лунную ночь она стоитъ и молится подъ открытымъ небомъ. Ея лицо освѣщено луннымъ свѣтомъ; на нее смотрятъ тысячи звѣздъ. Дитя съ благоговѣніемъ останавливается предъ этой величественной картиной. Смотритъ, испытываетъ высокое наслажденіе и переживаетъ то, чего не забудетъ во всю свою жизнь, что не изгладится потомъ никакими впечатлѣніями, хотя-бы послѣ пришлось ему видѣть много величественнаго въ природѣ и прекраснаго въ искусствѣ. Это помнятъ и всю жизнь будутъ помнить дѣти, которыя росли въ деревнѣ, среди природы и доброй семьи. Не что иное, блестящее въ семейной обстановкѣ и въ жизни матери, не произ-

ведеть такого глубокаго впечатлѣнія! Дорогіе уборы матери, роскошная обстановка дома, среди которой дитя видѣло свою мать, не оставятъ въ душѣ дитяти никакихъ добрыхъ и прочныхъ слѣдовъ.

Дитя привыкло къ обычному, ежедневному порядку въ домѣ. Но оно замѣчаетъ, что этотъ порядокъ измѣняется: видитъ усиленную дѣятельность старшихъ членовъ семьи, заботу о чистотѣ и убранствѣ дома, нетерпѣливое ожиданіе кого-то другаго и видитъ радостную встрѣчу новыхъ, незнакомыхъ еще лицъ, слышитъ оживленную съ ними бесѣду родныхъ и чувствуетъ, что они переживаютъ радостныя минуты въ жизни. Это—ожиданіе и встрѣча близкихъ родныхъ или друзей. Дитя, привыкшее жить одной жизнью съ доброй семьей, участвуетъ въ заботахъ и радостяхъ семьи. Къ роднымъ и друзьямъ отца и матери и оно невольно чувствуетъ любовь: съ любовью смотритъ на ихъ лица, съ любовью слушаетъ ихъ бесѣду. Кругъ его любви расширяется, число любимыхъ существъ увеличивается. Семья проводила родныхъ и дитя уже не видитъ ихъ. Но въ его душѣ осталась любовь къ нимъ и способность любить тѣхъ, кого оно не видитъ.—Въ другой разъ, дитя видитъ такія же усиленные и заботливыя приготовленія. Всѣ одѣты въ лучшія, новыя одежды и оно съ радостію смотритъ на свой новый нарядъ. Ожидаютъ кого-то роднаго и дорогаго для семьи; но никто не пришелъ въ семью. А мать зажгла свѣчи и лампады предъ святыми иконами и засіяли свѣтлые лики. Семья молилась предъ ними и послѣ молитвенной бесѣды у всѣхъ на лицѣ сіяла радость. Они говорили съ кѣмъ-то невидимымъ, какъ съ близкимъ для нихъ, какъ съ роднымъ. Это было ожиданіе и встрѣча праздника, встрѣча Того, Кто послалъ этотъ свѣтлый день и даровалъ эту радость, Кто былъ незримымъ, но дорогимъ Гостемъ семьи.

Дитя чувствовало присутствіе среди семьи незримаго Гостя, съ Которымъ бесѣдовала семья, Который далъ особый, благоговѣйный строй жизни на весь день. Мать можетъ ввести дитя въ этотъ строй, если расскажетъ ему исторію и смыслъ праздника.

Чтобы поддержать и усилить святое настроеніе души дитяти, мать поведетъ его туда, гдѣ множество молящихся въ благоговѣйномъ настроеніи изливаютъ свою душу предъ Господомъ, чтобы родное ей существо стало причастно великому сонму вѣрующихъ, вступило въ живой союзъ съ Церковію Христовою, а чрезъ нее и со Христомъ. Дитя входитъ во храмъ и видитъ цѣлыя сонмы ликовъ святыхъ, которые смотрятъ на него какъ-бы съ небесной высоты. Они освѣщены свѣтомъ горящихъ свѣчей. Взоръ дитяти поднимается въ высоту храма, гдѣ носятся облака благовонныхъ куреній. Оно видитъ цѣлыя сонмы благоговѣйно преклоняющихся въ молитвѣ предъ святыми ликами угодниковъ. Его ухо впервые слышитъ стройное и торжественное пѣніе. Въ высокомъ, радостномъ, хотя и безотчетномъ духовномъ настроеніи, оно слѣдитъ взоромъ за родною матерью и видитъ, что она вошла въ великую, святую, но родную ей семью, и оно само безсознательно дѣлается живымъ членомъ этой святой семьи. Многимъ изъ насъ въ каждомъ святомъ храмѣ случалось видѣть, какъ рядомъ съ молящеюся, колѣнопреклоненною матерью, малыя двухъ и трехлѣтнія дѣти, преклоняли колѣни, поднимали свой дѣтскій взоръ туда въ высоту, какъ-бы искали взоромъ кого-то, пытались осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ и склоняли долу свое дѣтское чело, какъ это дѣлала ихъ мать, какъ это дѣлали всѣ другіе. Если ваша душа радовалась при видѣ этого явленія, то еще большею радостію радовались ихъ небесные ангелы и радовался Христосъ, къ Которому ма-

тери привели своихъ дѣтей, чтобы Онъ обнялъ ихъ духомъ Своей любви, невидимо возложилъ на нихъ Свои руки и благословилъ ихъ. Вѣрующая мать утѣшается тою мыслию, что ея дитя вступило въ чертогъ Царя Небеснаго, въ общество святыхъ и ангеловъ Божіихъ. Это утѣшеніе выше и благотворнѣе того, какое испытываетъ иная мать, когда впервые вводитъ свое дитя въ блестящее общество и ея дитя привлекаетъ на себя общественное вниманіе.

Мать-христіанка, посѣщая св. храмъ и съ глубокою вѣрою приобщаясь Христу въ таинствѣ св. тѣла и крови Его, вкушала высокую духовную радость, ибо вступала въ таинственное родство со Христомъ, ощущала въ себѣ Его присутствіе. Она хочетъ переживать эту высокую радость въ дитятѣ-младенцѣ и приносить его къ св. чашѣ, чтобы оно было ей сугубо родное по духу чрезъ Христа и утѣшается мыслию, что въ него вселился Христосъ и оно живетъ во Христѣ. Дитя растетъ и развивается духовно, умственно. Теперь лучшія и высшія желанія матери направлены къ тому, чтобы дитя сознательно и, по возможности, разумно вступило въ тѣсный, родственныи союзъ со Христомъ. Она передаетъ дѣтскому сердцу свою любовь ко Христу, говоритъ о величій и необъятности Его любви къ человѣку, старается пробудить въ дѣтской любящей душѣ потребность тѣснѣйшаго, родственнаго союза со Христомъ. Мать достигла святой цѣли. Дитя ощущаетъ въ себѣ присутствіе Христа, а мать внушаетъ ему, чтобы оно благоговѣнно чтило присущаго ему Христа молитвою и строгою осмотрительностію въ словѣ и дѣлѣ, въ мысляхъ и желаніяхъ, чтобы его души не оставилъ Тотъ, въ Комъ одномъ оно найдетъ силу и крѣпость здѣсь на землѣ и вѣчную радость на небѣ.

Когда мать посѣяла въ душѣ дитяти сѣмена духов-

ной жизни, которою живетъ она сама,—она становится для него солнцемъ: и взоромъ и всѣми силами своей души дитя влечется къ этому солнцу, какъ полевая трава, какъ цвѣтокъ, чтобы пользоваться его отраднымъ свѣтомъ и животворной теплотой. Оно хочетъ жить одною съ ней духовною жизнью. Оно ищетъ утѣшенія и радости въ томъ, что утѣшаетъ и радуется родное ему существо—его мать.

Дитя увидѣло, что омрачился свѣтлый ликъ матери, что ея глаза наполнились слезами. Ее постигло горе; людская неправда нанесла ей тяжелую обиду. Но дитя не слышало отъ матери ни жалобы на людей, ни ропота и негодованія. Оно слышало слова молитвы о прощеніи и вразумленіи обидѣвшихъ ее. Оно увидѣло, какъ лицо матери стало опять покойно, а въ глазахъ, вмѣсто слезъ, засіяла небесная радость прощающей любви. Понятнымъ дѣтскому уму и сердцу языкомъ мать говорила о великомъ Голгоетскомъ Страдальцѣ и передала Его молитву за враговъ, молитву нечеловѣческую и неземную. Дитя вкусило небесную сладость всепрощающей любви. Душа его была во Христѣ и Христосъ былъ въ храминѣ его души. Если чистая, дѣтская душа испытываетъ, и не однажды, подобную духовную сладость, это постепенно можетъ сдѣлаться потребностію души, и она будетъ искать того, что можетъ удовлетворить этой потребности. А жизнь среди людей представить къ этому не мало случаевъ!

Когда дитя будетъ способно находить услажденіе въ милости, прощеніи, въ любви,—оно будетъ равнодушно къ тѣмъ удовольствіямъ и наслажденіямъ, которыми такъ часто и такъ заботливо матери стараются развивать прихотливость физическаго и душевнаго вкуса своихъ дѣтей, къ ущербу высшаго, духовнаго вкуса.

Продолжая жить и развиваться въ доброй христіан-

ской семьѣ, дѣти рано могутъ привыкать къ той духовной гармоніи, какая должна быть между чувствомъ и словомъ, между словомъ и дѣломъ. Въ доброй и честной семьѣ что чувствуютъ къ тому или другому лицу въ сердцѣ, то и высказываютъ, такъ и дѣйствуютъ въ отношеніи къ нему. Дитя не замѣчало той раздвоенности и фальши, какую дѣти часто замѣчаютъ, когда старшіе говорятъ такъ, а дѣйствуютъ иначе: говорятъ о человѣкѣ съ враждой и презрѣніемъ, а встрѣчаютъ его съ притворной любовью и уваженіемъ. Когда въ дѣтской душѣ рано будетъ развито чувство и пониманіе правды, то всякое проявленіе лжи и неправды въ словѣ и дѣлѣ—будетъ также непріятно и болѣзненно дѣйствовать на это чувство, какъ на слухъ, привыкшій къ музыкальной гармоніи, непріятно и болѣзненно дѣйствуетъ каждая фальшивая нота въ музыкѣ и пѣніи. Отъ фальшивыхъ и раздражающихъ слухъ звуковъ пѣнія и игры или уходятъ, или стараются ихъ поправить и возстановить гармонію. Когда въ человѣкѣ рано будетъ развита потребность гармоніи жизни, правды жизни, то онъ способенъ будетъ искать и находить въ правдѣ такое-же наслажденіе, какое голодный находитъ въ здоровой и питательной пищѣ и жаждущій — въ чистой и свѣжей водѣ.

Добрая христіанская семья посѣщаетъ Христа и вводитъ Его въ свой домъ въ образѣ страждущихъ меньшихъ Его братій и вводитъ своего младшаго члена въ это близкое и родственное общеніе со Христомъ. Его ведутъ въ бѣдный домъ осиротѣвшей семьи и несутъ туда и вещественную помощь и сердечное участіе, или принимаютъ подъ свой кровъ семью, потерявшую свой домъ и безпріютную и окружаютъ несчастныхъ заботами, ласками, любовью. Дитя видитъ и чувствуетъ, что эти заботы и ласки искренни и не-

поддѣльны, что эта любовь оживляетъ душу несчастныхъ, сіяетъ радостью на ихъ лицѣ и въ ихъ глазахъ. Оно видѣло глубокія раны, чувствовало чужую боль, и видѣло, какъ лили вино и цѣлебный елей на эти раны, какъ они заживлялись и какъ облегчалась боль. Оно утѣшено—утѣщеніемъ несчастныхъ, радуется ихъ радостію, живетъ одною съ ними жизнію. Эти святые чувства глубоко западутъ въ его душу. Когда-нибудь, въ возрастѣ болѣе зрѣломъ, оно будетъ въ роскошномъ домѣ, въ блестящемъ обществѣ, будетъ слушать его шумный говоръ, искусныя игры и искусственное веселье и, пришедши домой, будетъ чувствовать пустоту въ душѣ. „Такъ много затрачено на веселый и роскошный пиръ, и былъ онъ такъ скученъ и скуденъ для души. Не потому-ли, —спросить онъ себя,—что тамъ не было родныхъ Христу, Его братьевъ, что тамъ не было Христа?“

Такъ въ утробѣ матерей должна зарождаться и отъ лѣтъ ранняго дѣтства должна развиваться духовная жизнь человѣка. Еще въ утро жизни онъ долженъ стремиться туда, гдѣ обитаетъ Богъ, гдѣ живетъ миръ, любовь, правда и добро, дабы лѣсть грѣха не оболестила его и злоба не похитила и не отторгнула его отъ семьи и общества спасаемыхъ, отъ Бога и спасенія.

Матери-христіанки! Приводите вашихъ дѣтей ко Христу! Онъ съ негодованіемъ смотритъ на тѣхъ, которые возбраняютъ дѣтямъ приходить къ Нему. Онъ съ любовію ожидаетъ къ Себѣ вашихъ дѣтей, чтобы этою любовію обнять ихъ, возложить руки Свой на нихъ и благословить ихъ. (Мар. X, 16.)

Протоіерей М. Павловъ.

ГОЛОСЪ

изъ

ЮГОЗАПАДНАГО ПРАВОСЛАВНАГО СЛАВЯНСТВА

по поводу статей г. Соловьева о соединеніи съ Римомъ.

Напечатанныя въ книжкахъ „Извѣстій С.-Петербургскаго Славянскаго благотворительнаго Общества“ за текущій годъ статьи г. Соловьева о томъ, что должны дѣлать, по его мнѣнію, славяне, чтобы освободиться отъ той церковной замкнутости, въ которой они находятся въ настоящее время,—эти статьи произвели немалый шумъ во всемъ славянствѣ, не только въ православномъ, но и въ неправославномъ. Что было напечатано по поводу этихъ статей гг. Кирѣевымъ, Аксаковымъ, Бережковымъ и др.,—извѣстно. По всей вѣроятности извѣстны и побѣдныя пѣсни, которыя стали воспѣвать послѣ этихъ статей римско-католическія церковныя газеты, что воть-де, наконецъ, и въ Россіи убѣдились въ несостоятельности православной Церкви и въ необходимости соединиться съ римскою церковію. Но что, кажется, въ Россіи неизвѣстно, это—какое впечатлѣніе произвели упомянутыя статьи на православныхъ, нерусскихъ славянъ.

„Извѣстія“ читаются у насъ съ большимъ интересомъ, потому, что ихъ считаютъ единственнымъ въ настоящее время органомъ, который занимается исключительно славянскими вопросами и поддерживаетъ духовную связь между всеми славянами. Главнымъ же образомъ интересны „Извѣстія“ для православныхъ славянъ потому, что имъ извѣстно, что въ ихъ программѣ первое мѣсто занимаетъ *правословіе*. При такомъ

взглядѣ на этотъ журналъ, уже само собою понятно, какое впечатлѣніе могли произвести статьи г. Соловьева, напечатанныя въ немъ, въ особенности же, когда редація журнала сочла нужнымъ, хотя и въ неопредѣленныхъ словахъ выразить свое одобреніе основнѣйшей мысли автора. Произошелъ настоящій хаосъ въ умахъ, и стали наконецъ другъ друга спрашивать, чей же органъ „Извѣстія?“ Печатавъ въ 3-мъ своемъ номерѣ письмо г. Соловьева, редація высказала сожалѣніе, что крупныя недоразумѣнія появились вслѣдствіе этихъ статей и что большинству публики пришло на умъ обращеніе въ католичество, подчищеніе папѣ, римская пропаганда, іезуитизмъ.

Православные нерусскіе славяне находятся, по всей вѣроятности, на очень низкой степени культуры и неспособны понимать всѣ высокія мысли, которыя имъ проповѣдуются; и вслѣдствіе этого, можетъ быть, въ упомянутыхъ статьяхъ г. Соловьева не нашли ничего другаго кромѣ того, что съ удивленіемъ привела редація „Извѣстій“,—нашли *воззваніе къ унии съ Римомъ*, и ничего больше. Можетъ быть, нѣкоторые не находятъ ничего худаго въ томъ, что Церковь православная выставляется ничтожною, что православное духовенство представляется лишеннымъ всякой жизни и движенія, что папство превозносится какъ идеаль церковнаго благоустройства, что непогрѣшимость папы изображается какъ самое великое благо для христіанства и т. п. Для насъ между тѣмъ это святотатство, и мы очень жалѣемъ, что неспособны подняться такъ высоко мыслию, чтобы увидѣть въ этомъ не униженіе православной Церкви, а нѣчто напротивъ доброе. Редація „Извѣстій“ должна бы была знать объ этомъ, и на это бы ей слѣдовало обращать вниманіе, когда печатаетъ разныя статьи, зная, что ея журналъ читаютъ нерусскіе славяне съ величайшимъ вниманіемъ. Какъ бы впрочемъ ни было, но у насъ обращено вниманіе на слѣдующія мѣста изъ упомянутыхъ статей г. Соловьева и изъ этихъ мѣстъ выведено именно то, чего не хотѣла вывести редація.

„Главная настоящая нужда нашего народа—это недостатокъ высшаго духовнаго вліянія и руководительства, недостаточная дѣйственность христіанскаго начала въ жизни. Но можетъ

ли христіанское начало быть дѣйственнымъ, когда сама его носительница въ мірѣ—христіанская церковь лишена внутренняго единства и согласія? Возстановленіе этого единства и согласія, положительная духовная реформа—вотъ наша главная нужда... Та великая духовная реформа, которую мы желаемъ и предвидимъ (возсоединеніе церквей) должна дать намъ церковную дружину, должна превратить наше во многихъ отношеніяхъ почтенное, но къ сожалѣнію недостаточно авторитетное и дѣйственное духовенство, въ дѣятельный подвижный и властный союзъ духовныхъ учителей и руководителей народной жизни, истинныхъ показателей пути, которыхъ желаетъ, которыхъ ищетъ нашъ народъ, неудовлетворяемый ни мірскою интеллигенціей, ни теперешнимъ духовенствомъ". Этимъ порицаніемъ предъцѣлымъ міромъ православной Церкви и ея духовенства г. Соловьевъ былъ еще недоволенъ, этого еще было ему недостаточно, и онъ въ слѣдующей книжкѣ „Извѣстій“, еще съ большею силою, продолжаетъ: „Гдѣ же власть у насъ? Ни единоличнаго, ни соборнаго правительства, представляющаго собою всю восточную Церковь, не существуетъ. Съ радостію послушали бы мы голоса Церкви, но этотъ голосъ не раздастся. И наша мѣстная русская Церковь, давно не имѣющая вполнѣ каноническаго строя и никѣмъ іерархически не представляемая, осуждена на безмолвіе“.—Если такъ жалко положеніе православной Церкви, что ей нѣтъ уже выхода изъ него, что нужно дѣлать, чтобы спасти ее отъ конечной пропасти? И г. Соловьевъ отвѣчаетъ: „Необходимо для духовнаго обновленія отреченіе отъ церковной исключительности и замкнутости, необходимо свободное и открытое общеніе съ духовными силами церковнаго Запада... Отъ насъ требуется прежде всего другое настроеніе, болѣе христіанское, и другіе взгляды, болѣе справедливыя по отношенію къ церковному Западу“. Если намъ православнымъ нужна церковная реформа, если мы приведены въ розстройство, если у насъ нѣтъ согласія, такъ намъ необходимо отречься отъ себя въ церковномъ отношеніи, и вступить въ общеніе съ западною церковію, съ римскимъ папою, котораго г. Соловьевъ представляетъ настоящимъ идеаломъ, даже въ вопросѣ инфаллибилитета. „Какъ-бы кто ни относился къ этому ученію

объ инфаллибилитетѣ“,—продолжаетъ онъ вразумлять упорныхъ православныхъ, не признающихъ непогрѣшимость римскаго орacula,—„во всякомъ случаѣ должно признать, что въ немъ нѣтъ ничего уничтожающаго церковный характеръ католичества; авторитетъ здѣсь не отдѣляется отъ преданія, папа не отдѣляетъ себя отъ церкви, не присвоиваетъ себѣ никакого безусловнаго авторитета, не даетъ себѣ никакой произвольной и деспотической власти, ибо онъ пользуется *per assistentiam Divinam* (черезъ божественное соприсутствіе) только тою властію, которою Христосъ благоволилъ снабдить свою Церковь“. Тутъ пожалуй другой назоветъ г. Соловьева диллетантомъ-богословомъ, когда онъ не знаетъ, что папа *infallibilis* (непогрѣшимъ) именно *ex sese, non autem ex consensu ecclesiae* (самъ по себѣ; а не по согласію съ церковію), какъ это читается въ 4-й главѣ перваго догматическаго постановленія Ватиканскаго собора! А чтобы вполне увѣнчать свое дѣло, г. Соловьевъ въ концѣ послѣдней своей статьи по вопросу о воссоединеніи съ Римомъ не побоялся святотатственно назвать православную Церковь *ложью*, а римско-католическую *истиной*, и заключаетъ, что нуженъ выборъ „между единствомъ и разборомъ, между истинною и ложью“, а чтобы выбрать истину, призываетъ Божию помощь для совершенія нужнаго для этого нравственнаго подвига!.

Вотъ на что обращено было вниманіе со стороны славянъ въ статьяхъ г. Соловьева! Мы привели эти мѣста изъ статей его, потому что эти самыя мѣста были приведены въ папскихъ газетахъ. На оговорки въ частностяхъ, которыя встрѣчаются въ статьяхъ г. Соловьева, особенно-же послѣ возраженій, напечатанныхъ на нихъ, папскія газеты не обратили вниманія; да въ самомъ дѣлѣ и не было нужды, потому что эти оговорки касаются только частныхъ, главная-же мысль остается одна и та-же,—нужно отречься отъ православія и подчиниться папѣ, ибо въ православной Церкви нѣтъ авторитета, объединяющаго всѣхъ, а такой авторитетъ православные найдутъ въ папѣ! А какъ торжествовали паписты послѣ упомянутыхъ статей, видно изъ слѣдующаго. Какъ только папскія газеты познакомились съ ними, сей-часъ въ одинъ голосъ стали восхвалять русскихъ за ихъ благое намѣреніе вступить въ связь съ *истинною* Церковію и упрекать православныхъ славянъ,

что они одни упорствуютъ и отвращаются отъ матери-Церкви, между тѣмъ вотъ могущественная Россія поняла невыгодное положеніе своей схизмы и обращается къ источнику истины! А тутъ уже и свой силлогизмъ былъ у нихъ готовъ: если русскіе готовы вступить въ единеніе съ Римомъ, а они во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ выше прочихъ славянъ и ихъ учителя, то и всѣ православные славяне должны послушать голоса своихъ учителей и вступить вслѣдъ за ними въ единеніе съ Римомъ. При такомъ положеніи вещей можно-ли было славянамъ иначе отнестись къ статьямъ г. Соловьева, нежели какъ они отнеслись, — и выраженіемъ чего служатъ настоящія строки?

Не для вразумленія русскихъ мы пишемъ это, потому что, насколько намъ извѣстно, ни г. Соловьевъ, ни всѣ силы міра сего не будутъ въ состояніи оторвать русскій народъ отъ своего святаго православія, къ тому-же статьи его и опровергнуты уже надлежащимъ образомъ, — такъ не для вразумленія русскихъ мы это пишемъ, но для того только, чтобы и г. Соловьевъ и всѣ прочіе увидѣли, какъ судятъ о папствѣ славяне, и насколько можно рассчитывать на нихъ, если-бы кому нибудь вздумалось бросать ихъ въ объятія папства. Больно и подумать, что объ этомъ нужно намъ писать, отвѣчая голосу изъ Россіи, призывающему къ уни, какъ будто мало неприятностей приходится намъ испытывать отъ римской пропаганды, повторяющей намъ это каждый день, и противу которой мы должны бороться всѣми силами нашими!

Исключительно на православіе славяне полагаютъ всю свою надежду. Православіе одно можетъ обезпечить ихъ національную самостоятельность; безъ православія, чистаго отъ всякой примѣси, немислима эта самостоятельность. Оно одно своимъ живымъ, свободнымъ духомъ можетъ обезпечить свободное церковно-народное развитіе всякаго народа и свободное развитіе славянской Церкви. Папство по своему устройству, по основной своей идеѣ, этого не можетъ сдѣлать. Идея свободы немислима въ папствѣ; тутъ нужно подчиниться авторитету въ безусловномъ смыслѣ, и гдѣ это подчиненіе составляетъ первое условіе, тамъ о свободѣ не можетъ быть и рѣчи. Нужно

ли для этого обращаться за доказательствами изъ исторіи? Моравская славянская Церковь процвѣтала, Моравское княжество было могущественно, пока православіе въ немъ исповѣдывалось,—а что сдѣлалось съ Моравіей, когда прогнавъ былъ изъ нея св. Меѳодій и ученики его? И это было тысячу лѣтъ тому назадъ, когда папство и не думало сдѣлаться такимъ грознымъ абсолютистомъ, каково оно теперь. Возьмемъ примѣръ изъ настоящаго положенія славянскаго міра. Какія изъ славянскихъ народностей самостоятельны въ политическомъ отношеніи? Чехи-ли, хорваты-ли, поляки-ли, словенцы-ли, словаки ли, или напротивъ русскіе, болгаре и сербы? Очевидно, свободны тѣ, которыя остались вѣрны православной Церкви, а которыя покорились папѣ, тѣ потеряли свою самостоятельность; а судя по даннымъ исторіи славянской за послѣднее время, мы-бы могли смѣло сказать, что этой самостоятельности никогда они и не будутъ имѣть. Примѣровъ множество мы можемъ найти каждый день, что и чехъ и хорватъ и другіе славяне неправославные дѣлаются вѣмцами, венграми и т. п., и забываютъ совсѣмъ о своемъ славянскомъ происхожденіи; а найдется-ли одинъ случай, чтобы русскій, болгаринъ или сербъ, оставаясь вѣрнымъ православію, забылъ свою славянскую національность и претворился въ чужестранца? Ясно видно изъ этого, что только православіе можетъ обезпечить славянскую національность, и никто другой, а меньше всего папство. Проповѣдывать послѣ этого славянамъ подчиненіе папѣ значитъ желать уничтоженія славянской народности. Какъ однако не исчезли чехи и другіе славяне, которые признаютъ папу?—скажетъ кто-нибудь. Отъ того, отвѣтимъ, что живо еще въ нихъ преданіе о древнемъ православіи, которое они нѣкогда исповѣдывали, и что три православныя славянскія государства, хотя не политическое, а все-же духовное вліяніе имѣютъ на нихъ. Въ нашъ вѣкъ, когда идея національности сдѣлалась господствующею, отступничества въ чужую народность со стороны неправославныхъ славянъ не такъ, скажемъ, велики; но не такъ было прежде, когда тысячи славянскихъ семействъ дѣлались или вѣмцами или мадьярами, и становились злѣйшими врагами славянъ, чѣмъ самые вѣмцы или мадьяры. А

чѣмъ-же мы можемъ ручаться, что эта національная идея будетъ всегда господствующею, и что ей на смѣну не явится какая-нибудь другая теорія?

Мы остановились на этой чертѣ православія, чтобы показать какъ славяне внѣ Россіи высоко уважаютъ православіе, не только за святость его въ самомъ себѣ, но и потому въ особенности, что оно обезпечиваетъ имъ ихъ народность. Обращаемся къ папству съ другой стороны, къ стремленіямъ его въ настоящее время, къ тому, каково папство теперь, особенно-же послѣ 70—года, и посмотримъ, въ самомъ-ли дѣлѣ оно идеаль, къ которому должны стремиться православные и для котораго-бы должны были они жертвовать своимъ православіемъ.

„Для христіанскаго народа высшее благо есть воплощеніе христіанства въ жизни, созданіе вселенской христіанской культуры“,—говоритъ прекрасно г. Соловьевъ. И въ самомъ дѣлѣ, только въ этомъ и состоитъ настоящее благо для человѣчества; это—задача, которую христіанскій народъ долженъ стараться осуществить на дѣлѣ, потому что такова, по словамъ Спасителя, послѣдняя цѣль человѣчества. Думаетъ-ли серьезно г. Соловьевъ, что именно папствомъ достигнется эта задача?

Намъ помнится одна серьезная статья, напечатанная нѣсколько времени тому назадъ въ *Kölnische Zeitung*, которая самымъ нагляднымъ образомъ представляла, что такое настоящая римская церковь. Вся тактика Рима вотъ нѣсколько лѣтъ уже устремлялась, какъ и теперь стремится, къ двумъ цѣлямъ: во-первыхъ, чтобы изъ національной политики сдѣлать средство для римской церкви, во-вторыхъ, чтобы вѣру народовъ сдѣлать средствомъ для римской политики. Это общая тактика римской церкви. Основная идея римской церкви строго и исключительно политическая. *Omnia pro dominatione* (все ради господства)—вотъ основаніе римской догматики, римской морали, да и самаго римскаго богослуженія. Если обратимъ вниманіе на тѣхъ святыхъ, которые канонизованы въ новѣйшее время въ Римѣ, нельзя не видѣть, что это были слѣпныя орудія римской власти, фанатики или инквизиторы, вообще-же такія лица, которыя оказали услуги Риму въ политическомъ отношеніи. И такихъ людей приказываетъ Римъ своимъ вѣрнымъ почитать какъ

святыхъ! Посмотрите на всю римскую церковь, зайдите отъ алтаря въ конфессіонаріумъ (исповѣдальню), отъ конфессіонаріума на кафедру проповѣдника, и вездѣ вы встрѣтитесь только съ политикою, а съ вѣрою—нигдѣ. Прежде тотъ, кто исповѣдывался, получалъ отпущеніе грѣховъ, если онъ искренно раскаялся предъ священнослужителемъ. Нынѣ-же, ультрамонтанскій священникъ на исповѣди распрашиваетъ кающагося о самыхъ ничтожныхъ мелочахъ, и хитрыми вопросами старается открыть всѣ семейныя тайны, а очень часто и политическія стремленія, которыя сокрыты отъ прочихъ смертныхъ. Римская исповѣдь, какъ настоящее инквизиторское испытаніе исповѣдывающагося, въ особенности-же въ рукахъ іезуитовъ, совсѣмъ не старается привести грѣшника къ раскаянію въ своихъ грѣхахъ; напротивъ, цѣль этой римской исповѣди—въ томъ, чтобы представить въ самыхъ мрачныхъ краскахъ все, что противорѣчитъ мірскимъ интересамъ Рима. Эта тактика, которою самымъ искуснымъ и лукавымъ образомъ пользуются хитрые исповѣдники, имѣетъ громадный успѣхъ. Она захватываетъ въ свои руки женщинъ, пользуясь самымъ безсовѣстнымъ образомъ ихъ религіозными чувствами. Чрезъ женщинъ они завладѣваютъ семействами, а затѣмъ обществомъ, такъ что весьма многіе, сами того не замѣчая, дѣлаются покорными орудіями римской политики. То же самое нужно сказать и относительно проповѣдниковъ. О евангеліи римскіе проповѣдники меньше всего говорятъ, а главное ихъ вниманіе обращено на то, чтобы расположить слушателей въ пользу мірской власти папы.

Это мы находимъ внутри храма, и тоже самое можемъ найти и внѣ храма въ римской церкви. Политическіе маневры встрѣчаютъ насъ вездѣ. Папскій силлябусъ 1864 года, этотъ новый догматическій законъ римской церкви, въ которомъ папа идентифицированный (отождествленный) съ католической церковію, называетъ себя господиномъ и верховнымъ учителемъ философіи, науки, государственнаго права и вѣры,—папскій этотъ силлябусъ служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ этого. Да что другое значили всѣ тѣ *propositiones* (предположенія) на Ватиканскомъ соборѣ, которыя хотѣлъ соборъ провозгласить какъ догматы вѣроученія, и которыхъ не провозгласилъ по причинѣ

франко-нѣмецкой войны,—какъ не исключительно политическія стремленія, имѣвшія цѣлью все христіанскія правительства подчинить римской власти и подавить всякую свободу?

Все ультрамонтанскіе догматы имѣютъ въ основаніи политическую идею. Если мы выйдемъ въ сущность этихъ догматовъ римскихъ, мы увидимъ, что политика въ нихъ была не только первымъ источникомъ, но и главною ихъ цѣлью. Всякій безпристрастный наблюдатель, который захочетъ приемотрѣться къ римскимъ догматамъ, установленнымъ послѣ раздѣленія церкви, не становясь на политическую точку зрѣнія, скоро убѣдится, что въ нихъ нѣтъ ничего общаго съ Евангеліемъ, ни съ преданіемъ древней Церкви, но что они все провозглашались въ такія именно времена, когда папство, чувствуя себя несовсѣмъ крѣпко на политическомъ поприщѣ, старалось незаконныя свои права установить догматами вѣры. Въ настоящее время политическій духъ и характеръ римской церкви таковъ, что только люди, не видящіе своими глазами, или совсѣмъ слѣпые, могутъ говорить о религіозномъ значеніи римской церкви, о ея богословскомъ духѣ и т. под. Достаточно обратить вниманіе на то, что папсты никогда не отдѣляютъ религіозныхъ вопросовъ отъ политическихъ. Они всегда вступаютъ въ связь съ такими политическими партіями, которыя болѣе другихъ обѣщаютъ помощь въ приведеніи въ дѣло плановъ римской политики. Это доказываетъ, что римская вѣра сама по себѣ слаба и безсильна, и что безъ политической помощи она-бы совсѣмъ исчезла. Апостоль Павелъ говоритъ, что онъ живъ, потому что въ немъ живетъ Христосъ, а римская церковь можетъ сказать, что она жива, потому что въ ней живетъ политика. Жизненное начало въ ней не Христосъ, а политика.

Намъ-бы хотѣлось напомнить г. Соловьеву о томъ, какъ поступало папство съ тѣми католиками, которые осмѣлились оставаться на чисто христіанскомъ и церковномъ началѣ, и которые не хотѣли содѣйствовать цѣлямъ его, а старались восстановить значеніе Церкви согласно съ началами евангелія. Папство увидѣло въ этихъ стремленіяхъ опасность для своихъ временныхъ интересовъ и не только не приняло услуги этихъ

благонамѣренныхъ людей, напротивъ открыло противъ нихъ самое ужасное и нечестное гоненіе. Они были преданы всею душею римской церкви, готовы были жертвовать и своею жизнію для нея, но они не хотѣли, чтобы римская церковь осталась въ томъ жалкомъ положеніи, въ которое ее поставила римская политика,—и папа и Ватиканъ ихъ предали изверженію. Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ показываютъ, что папство не щадитъ и самыхъ вѣрныхъ своихъ служителей, если только они осмѣливаются не одобрять римскую политику. Это были: Duranloup, Montalambert, Lacordaire, Du Falloux, Rosmini, Silvio Pellico, Balbo и множество другихъ лучшихъ умовъ римской церкви!

Обращая вниманіе на настоящее положеніе римской церкви, одинъ изъ современныхъ намъ писателей, и кажется одинъ изъ лучшихъ богослововъ римской церкви (Ab. Cursi), спрашиваетъ, существуетъ-ли еще Христосъ въ Церкви? „Нѣтъ Его въ Церкви“,—отвѣчаетъ онъ,— „Онъ первый сосланъ вмѣстѣ съ Своими примѣрами, съ Своимъ ученіемъ, съ вѣчными Его надеждами, которыя одни составляютъ настоящій свѣтъ, могущій руководить человѣка въ этой временной жизни“.

Вотъ каково настоящее папство. И эту картину папства, мы не выдумали изъ своей головы; такъ о немъ судятъ самые лучшіе римско-католическіе умы. Но „намъ нужно не только осуждать, но и оправдывать католичество“,—поучаетъ г. Соловьевъ; а католичество—это папство, какъ объ этомъ свидѣтельствуется *constitutio dogmatica* (догматическое постановленіе) Ватиканскаго собора. Кто пишетъ, что нужно оправдывать папство, тотъ не знаетъ, что такое папство, и какова его исторія,—и мы должны бы были написать полную исторію папства, чтобы доказать г. Соловьеву, что напротивъ нужно осуждать папство и все то, что оно сдѣлало въ теченіи десяти вѣковъ, начиная съ папы Никлая I и до настоящаго папы. Да, впрочемъ, не стоитъ времени на это, потому что такъ много объ этомъ написано, и по всей вѣроятности хорошо извѣстно и г. Соловьеву...

При такомъ положеніи вещей мы совѣтовали-бы г. Соловьеву не заниматься болѣе этимъ вопросомъ, потому что о немъ въ настоящее время по меньшей мѣрѣ непрактично говорить.

И здѣсь бы лучше всего было припомнить слова константинопольскаго патріарха Анепма, высказанныя имъ 1868 года въ отвѣтъ на папское посланіе, приглашавшее его къ участию въ созываемомъ папою „вселенскомъ“ соборѣ. „Мы думаемъ“,—сказалъ патріархъ,—„наилучшаго рѣшенія подобныхъ вопросовъ пужно искать въ исторіи. Назадъ тому десять вѣковъ существовала единая Церковь, исповѣдующая одни и тѣ-же догматы, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, въ новомъ, какъ и въ древнемъ Римѣ. Перепесемъ въ эту эпоху и посмотримъ, кто прибавилъ и кто убавилъ. Уничтожимъ нововведенія, если они окажутся,—и тогда мы всѣ придемъ къ одному и тому-же католическому православію, отъ котораго мало-по-малу удалился Римъ первыхъ вѣковъ, образовавъ пропасть, которая пасъ раздѣляетъ вновь являющимися догматами и правилами, не имѣющими основанія въ священномъ преданіи“. Съ папствомъ Григорія великаго православные готовы сегодня и всегда вступить въ единеніе, но съ настоящимъ папствомъ—никогда. Папство Григорія великаго мы будемъ всегда защищать, а папство Пія IX или Льва XIII мы будемъ всегда и безъ всякихъ оговорокъ только осуждать.

Мы сказали, что, можетъ быть, мы не въ состояніи понять нѣкоторыя высокія мысли въ родѣ тѣхъ, которыя теперь проповѣдуетъ г. Соловьевъ, говоря о папѣ. Такъ пусть онъ ихъ не печатаетъ въ „Извѣстіяхъ“, которыя у славянъ читаются, и такимъ образомъ мы не будемъ соблазняться и не будемъ, принуждены защищать свое православіе отъ новыхъ пападеній по поводу голоса изъ Россіи, призывающаго славянъ къ униіи съ Римомъ.

А. Ж.

ПРОТЕСТАНТСКАЯ МЫСЛЬ

О

СВОБОДНОМЪ И НЕЗАВИСИМОМЪ ПОНИМАНІИ СЛОВА БОЖІЯ.

(Окончаніе *).

V.

Когда думаютъ спастиcя лишь одною силою вѣры, а не содержаніемъ ея (*fides, qua creditur*, а не *fides, quae creditur*), когда ищутъ богопросвѣщенія и богоозаренія индивидуальнаго, единичнаго, а не въ живомъ союзѣ съ Церковію, въ покорномъ подчиненіи ея руководству, ученію и освящающему дѣйствию, тогда вопросъ о силѣ вѣры становится существеннымъ; тогда съ полнымъ правомъ могутъ спрашивать о несомнѣнныхъ, дѣйствительныхъ и очевидныхъ признакахъ этой сильной вѣры. Недостаточно заявить о себѣ: „я имѣю сильную, спасающую вѣру“; надобно еще, чтобы это индивидуальное убѣжденіе было наглядно, очевидно, убѣдительно, не только для самого вѣрующаго, но и для другихъ людей. И вотъ при этомъ-то вопросѣ отерывается широкое поле для всѣхъ мистико-пѣтистическихъ увлеченій, оболещеній и даже крайностей. Теософы спасаютъ себя отъ этихъ оболещеній и крайностей, благодаря своему глубокому научному и богословскому образованію. Но не то происходитъ съ темными и малопросвѣщенными массами простаго народа. Среди этого народа, на ряду съ отрицаніемъ всякой религіозности и увлеченіемъ социализмомъ, идетъ широкая волна мистико-пѣтистическаго направленія, нерѣдко самаго фантастическаго, причудливаго и цевѣротнаго. Современный намъ спиритизмъ, напр., возникъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 22.

первоначально на протестантской почвѣ и, по свидѣтельству Фихте Младшаго, развился преимущественно потому, что „широко распространившійся теоретическій и практическій матеріализмъ, съ одной стороны, и на безчисленныя секты разбившаяся церковная вѣра съ другой, не удовлетворяли человѣчества“. А между тѣмъ, въ спиритизмѣ обѣщается нѣчто положительное, опытное, твердо устанавливаемое личнымъ опытомъ. (Der jetzige Spiritualismus, S. 49—50). Мы не приписываемъ на себя задачи прослѣдить вплоть современное намъ мистико-пнэстическое направление протестантскихъ обществъ, столь разнообразное и иногда столь уродливое. Сами протестанты, говоря о своихъ мистическихъ сектахъ, не иначе называютъ ихъ, какъ „Schwärmerkirchen, т. е. „мечтательными или сумасбродными церквами“. Но говоря о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія въ протестантствѣ, въ связи съ непосредственнымъ богопросвѣщеніемъ и богоосвященіемъ, будто-бы опытнымъ и очевиднымъ, мы должны нѣсколько остановиться на *методизмѣ*, составляющемъ внутри протестантскихъ обществъ не столько отдѣльную секту, сколько особенное мистико-пнэстическое направление. Это направление, получившее свое названіе отъ особенной *методы* чтенія Священнаго Писанія и благодатнаго освященія, уживается со всякимъ вѣроисповѣданіемъ, со всѣми протестантскими сектами и, зародившись первоначально въ протестантской Англіи и Америкѣ, легко проникаетъ и въ католическіе приходы Франціи, Швейцаріи, Бельгіи и пр. Въ шестидесятыхъ годахъ послѣдователей этого направленія насчитывали отъ 4—6 милліоновъ. Мы считаемъ необходимымъ остановиться на этомъ направленіи тѣмъ болѣе, что оно, по нашему мнѣнію, проникаетъ и въ наше отечество, хотя нѣсколько въ видоизмѣненной формѣ, — въ формѣ *редстокизма*, *пашковщины*, *штундизма* и пр. Методисты выслалаютъ своихъ проповѣдниковъ повсюду, и именно Англія служитъ европейскимъ центромъ методизма.

Методизмъ выступилъ изъ того положенія, что истинный христіанинъ можетъ достигать и въ этой жизни полнаго нравственнаго

совершенства и можетъ входить въ живое, непосредственное и очевидное богообщеніе индивидуальными средствами. Подъ вліяніемъ возникшихъ споровъ, Веслей, основатель методизма, смягчилъ нѣсколько это рѣзкое методистское положеніе, совершенно противорѣчившее первоначальному протестантскому ученію. Но, прочитавши введеніе Лютера въ „Посланіи къ Римлянамъ“, онъ пришелъ къ своеобразному убѣжденію въ томъ, что благодатное возбужденіе, благодатное начало истинно христіанской жизни должно совершаться внезапно, ясно и очевидно. Веслей, по его мнѣнію, самымъ точнымъ образомъ могъ указать годъ, мѣсяць и число, когда онъ получилъ прощеніе грѣховъ и сподобился благодатнаго общенія съ Богомъ. Старая протестантская теорія оправданія учила, что вѣрующіе должны быть убѣждены въ своемъ спасеніи. Поэтому методисты попросту спросили: существуютъ-ли несомнѣнные, опытные признаки наступленія прощенія грѣховъ и принятія благодати столько-же очевидные, какъ очевидно то, что солнце свѣтитъ? Отвѣтъ былъ: „да, существуютъ“. Первоначальный моментъ перехода изъ состоянія осужденія въ состояніе божественнаго сыноположенія долженъ сопровождаться несомнѣнными, очевидными признаками. Вызвать этотъ первоначальный моментъ, съ его несомнѣнными признаками, при посредствѣ особенной методы чтенія и толкованія Священнаго Писанія и стало задачею методизма. Уже первымъ проповѣдникамъ методизма, какъ говорятъ они, удавалось достигать первоначальнаго момента благодатнаго обращенія въ такой степени, что ихъ послѣдователи „при каждой методической проповѣди исхищались изъ глубокаго мрака въ область свѣта, коего блескъ, разливавшійся на нихъ *внезапно*, причинялъ имъ даже на первыхъ порахъ великую боль“. Въ полной силѣ это состояніе случалось, впрочемъ, не со всѣми, у другихъ оно выражалось лишь религіозною сентиментальностью, слезливостію, внезапнымъ восхищеніемъ и пр.

Какимъ-же путемъ, какимъ методомъ достигается эта внезапная очевидность благодатнаго состоянія? Очень просто. Для этого надобно только достаточно подготовить методистскихъ свобод-

ныхъ понимателей Слова Божія, надобно имѣть проповѣдниковъ, обладающихъ сильною энергіею и способныхъ потрясать своихъ слушателей страшными изображеніями грѣховныхъ состояній, напр., адскихъ мученій, и это продолжать до тѣхъ поръ, пока слушатели не прійдутъ въ состояніе скорби, сокрушенія, ужаса и пр. Когда наступитъ полное сокрушеніе во грѣхахъ слушателей, надобно, чтобы тотъ-же или другой проповѣдникъ изобразилъ и нарисовалъ предъ ними свѣтлыя картины благодатныхъ состояній, напр., райскаго блаженства, и это попеременно изображеніе горя и радости, ужасныхъ и свѣтлыхъ картинъ продолжалось-бы до тѣхъ поръ, пока у слушателей разовьется какое-то особенное тѣлесное состояніе, сопровождающееся даже конвульсивными движеніями. Впрочемъ конвульсивное состояніе чаще всего случается въ Америкѣ, въ Европѣ-же оно бываетъ рѣдко, а потому въ Европѣ довольствуются болѣе легкими признаками обращенія. Когда наступятъ эти признаки, тогда слушателей привѣтствуютъ съ наступленіемъ несомнѣннаго „начала обращенія“. Эта первоначальная простая метода „обращенія“ впоследствии была улучшена, развита и соединена съ нѣкоторыми случайными обстоятельствами или обычаями. Веслей проповѣдывалъ на перекресткахъ дорогъ, среди полей, въ лѣсахъ, даже при ночномъ освѣщеніи. Замѣтили, что подобная обстановка способствовала скорѣйшему появленію „начала обращенія“, и это случайное обстоятельство стало у американскихъ методистовъ правиломъ. Такъ возникли знаменитые Camp-meetings, т. е. полевые или лагерныя собранія. Въ послѣдствіи времени образовалась также практика собирать особенно сокрушенныхъ слушателей въ особое мѣсто, на отдѣльныя скамьи предъ алтаремъ для нѣкоторыхъ особенныхъ сектантскихъ дѣйствій, каковыя скамьи и получили спеціальное названіе „скамьи сокрушенія“. Какъ послѣ „начала обращенія“ среди слушателей раздается громкій и радостный крикъ восторга, такъ предъ самымъ „началомъ“ раздаются весьма частыя жалобныя стоны, слезы и вздохи; все это естественно не можетъ оставаться безъ сильнаго возбуждающаго дѣйствія на со-

бравшуюся темную общину. „Скамья сокрушенія или печали“ (anxious bench) стала поэтому постоянною, принадлежностію методистскаго спасенія; первоначально-же она была чисто американскимъ изобрѣтеніемъ. Вообще методизмъ, хотя возникъ въ Англіи, но полное образованіе и развитіе его „новыхъ правилъ спасенія“ (такъ называются эти единственные въ своемъ родѣ средства спасенія) принадлежитъ только Америкѣ. Въ Европѣ не соблюдаютъ всѣхъ этихъ правилъ, да и самое „начало спасенія“ не сопровождается въ старомъ свѣтѣ такою необыкновенною силою, какъ здѣсь, въ новомъ. Приведемъ, по Юргу, у котораго мы замѣствуемъ всѣ эти свѣдѣнія, два примѣра, взятые имъ у нѣмецкихъ очевидцевъ методистскаго „начала спасенія“ въ Америкѣ.

Первый примѣръ представляетъ, какъ методистскій проповѣдникъ, съ свойственною имъ проповѣдникамъ жестякуляціею, пластичностію и драматичностію, изображаетъ проклятіе, тяготящее надъ грѣшниками въ аду и какъ грѣшники сознаютъ, что будутъ мучиться „вѣчно“. Проповѣдникъ производитъ сильное, потрясающее впечатлѣніе на своихъ слушателей. Очевидецъ говоритъ: „больше ничего нельзя было понять, потому что вся сцена внезапно перемѣнилась. Въ самомъ дѣлѣ, открылось страшное зрѣлище! Даже вопли несчастныхъ грѣшниковъ, кажется, не могутъ раздаваться въ аду съ такою силою, какъ раздались въ концѣ проповѣди вопли цѣлой общины! Съ криками ухъ! и ой! падаютъ женщины, кружатся мужчины, какъ будто-бы совѣсть причиняетъ имъ нестерпимую боль. Во всѣхъ углахъ стонутъ и плачутъ сокрушающіеся о грѣхахъ души. Глухо гремѣтъ грудное „Господи помилуй!“ Съ полу раздаются и поднимаются многочисленные голоса, разливая какъ будто-бы полусдержанныя мольбы о благодати. Нѣкоторые дѣлаютъ прыжки, какъ будто-бы ранше пулею, и потомъ съ воплемъ бросаются на колѣни. Другіе, немного по сдержаннѣе, проявляютъ свои чувствованія посредствомъ движенія и топанья ногами. Только немногіе сохранили настолько благоразумія, чтобы прійти на помощь упавшимъ отъ безспія женщинамъ, изъ которыхъ одна, высокая мулатка, въ велико-

лѣнной атласной одеждѣ, съ шумомъ, какъ башня Силоамская, растянулась поперекъ дверей, именно у моихъ ногъ и особенно нуждалась въ помощи. И все сильнѣе и сильнѣе выражался моли́твенный жаръ, сильнѣе и сильнѣе раздавались скорбные голоса. Грѣшныя, ужаснѣе которыхъ не можетъ представить себѣ никакое воображеніе, ежеминутно представлялись изумленному взору. Однимъ словомъ, это была сцена, при созерцаніи которой, казалось, дѣйствительно находишься на днѣ самой преисподней“. Другой примѣръ. „Я наблюдалъ въ методистскомъ церковномъ собраніи одного негра, когда онъ слушалъ побаяныя увѣщанія проповѣдника, участвовалъ въ пѣніи общими и вторилъ этому пѣнію своеобразнымъ ритмомъ. Онъ дрожалъ и двигался, стоналъ и взывалъ, пока отъ истощенія силъ не свалился съ „скамьи грѣшниковъ“ и въ безчувственномъ состояніи не былъ вынесенъ нѣкоторыми членами на открытое мѣсто, гдѣ находился бассейнъ съ холодною водою для помощи въ подобныхъ случаяхъ. Страшный видъ, поразительное зрѣлище! Но это было простое, ердпнарное „богослуженіе“ методизма. Главную-же силу свою оно имѣетъ въ такъ называемыхъ Camp-meetings (полевые митинги). Тамъ методистскія упражненія продолжаются цѣлый день и часто простираются до ночи, гдѣ-нибудь въ глубинѣ лѣса, какъ какое-нибудь фантастическое зрѣлище съ факелами и огнемъ; проповѣдь слѣдуетъ за проповѣдью, поражая жесткія сердца, пока, наконецъ, самые упрямые буквально не извергаются на землю, и лежатъ на ней дрожа, трепеща и стона. Тогда выступаетъ утѣшающій проповѣдникъ, чтобы одушевить унавившихъ духомъ, и такъ продолжается это долго, попеременно чередуясь радостными восклицаніями и скорбными стопами, утѣшеніемъ и страхомъ, торжествомъ и печалію. Пролсходяція при этомъ органическія явленія одинъ наблюдатель великаго методистскаго „возрожденія“ раздѣлялъ на четыре категоріи: на категорію людей надающихъ, дрожащихъ, топалющихъ и кричащихъ. „Если *паденье* преимущественно случается съ женщинами, то съ мужчинами чаще случается дрожаніе (jerking) и особенно съ сильными,

атлетически сложенными натурами. Это самые обыкновенные и самые поразительные явления. Первый известный мнѣ случай подобнаго рода устроенъ былъ методистскою общиною на горѣ Восточнаго Озера, гдѣ многія тысячи людей обоего пола, собравшись для приобщенія евхаристіею, были поражены удивительными мускульными конвульсіями. Подверженные имъ были внезапно проникнуты электрическими содроганіями и тремтаніями, скоро сообщившимися всѣмъ членамъ, первамъ и мускуламъ. Ближайшая форма, въ которой все это обнаруживалось, было поднятіе и опусканіе руки, внизъ отъ локтя, совершавшееся чрезвычайно быстро и возобновлявшееся послѣ короткаго промежутка. Это было самымъ обыкновеннымъ и чаще всего представлявшимся родомъ движенія. Но конвульсивныя движенія не ограничивались одними руками, а переходили во многихъ случаяхъ и на другія части тѣла. Когда потрясались мускулы шейныхъ позвонковъ, тогда страшнымъ образомъ тряслась и двигалась голова на право и на лѣво, вверхъ и внизъ, и совершалось это почти съ быстротою молніи, такъ что даже трудно наблюдать это явленіе. При этомъ грудь вздымается, дыханіе превращается въ одышку, чело и щеки увлажняются потомъ, черты лица принимаютъ страшное выраженіе, голова не остается ни на минуту въ покоѣ, глаза расширяются. У женщинъ, имѣющихъ длинныя волосы, косы вздымаются и электризуются. У другихъ, наконецъ, электрическая сила распространяется по всему тѣлу и увлекаетъ и повергаетъ ихъ съ конвульсивными движеніями на встрѣчающіеся въ мѣстахъ собранія или, если это бываетъ въ церкви, на скамьи и стулья съ ежеминутною опасностію причинить себѣ увѣчье. Напрасна была-бы всякая попытка успокоить или остановить возбужденнаго; даже на подобную попытку никто не рѣшается, такъ какъ предразсудочно думаютъ, что насильное прекращеніе всего этого было-бы противоборствомъ Духу Святому; вообще только рѣдко отваживаются на противоборство, обыкновенно-же параксизму предоставляютъ самому пройти мало-по-малу. Въ пользу ненамѣренности подобнаго состоянія свидѣтельствуетъ уже то об-

стоятельство, что подобныя явленія продолжаются не смотря на всѣ успія подверженныхъ имъ прекратить ихъ, такъ что, при всякомъ новомъ движеніи, они возобновляются и даже учащаются. Но ненамѣренность этихъ явленій еще яснѣе отърывается изъ того, что люди, прішедшіе посмѣяться надъ этими вѣрующими — падающими, дрожащими, вертящимися и пр. столько же, какъ и другіе подвергаются мистической силѣ и часто еще скорѣе и сильнѣе, чѣмъ другіе, хотя они и сопровождаютъ начало судорогъ порицаніями и ругательствами“.

Такимъ образомъ, посредствомъ своихъ новыхъ правилъ, методы пріобрѣтаютъ быструю и очевидную увѣренность въ томъ, что они безгрѣшны дѣти Божіи и несомнѣнно святы. Конечно подобнаго освященія недостаточно въ одинъ разъ навсегда. Но иначе думаетъ одна кальвинистическая партія методизма, которая крѣпко держится ученія о предопредѣленіи и утверждаетъ непроборимость разъ пріобрѣтенной благодати, а потому рѣшительную безгрѣшность своихъ членовъ, на практикѣ же ничѣмъ не доказываетъ своей святости. Противъ этой партіи возстали многіе методисты, а отсюда возникла формальная и почти единственная *догматическая* рознь внутри методистскаго общества. Но примиреніе было восстановлено, на основаніи котораго во всякомъ случаѣ требуется періодическое повтореніе методистскаго освященія и для кальвинистскихъ послѣдователей методизма. При посредствѣ этого освященія увѣряются постоянно въ высшей степени своего нравственнаго совершенства. Какими-же однако слѣдствіями сопровождается это методистское освященіе? Какова жизнь методистовъ? Практическія слѣдствія этого убѣжденія въ очевидной святости таковы, что всѣ, кто только не методистъ, жалуются на ихъ „фарисейское высокомеріе“ и „безграничную дерзость“, между тѣмъ, какъ сами методисты поносятъ и порицаютъ всѣ другія церкви, какъ будто-бы среди нихъ совершенно нѣтъ людей благочестивыхъ; жалуются на ихъ крайнюю нетерпимость, съ которою они, слѣдуя за своими необразованными и фанатическими проповѣдниками, осуждаютъ всѣхъ не-методистовъ, хотя

бы они были благочестивыми и добрыми людьми за то только, что *обращены не по ихнему*; жалуется на ихъ страсть къ про-пагандѣ, на ихъ притворство и духовную гордость, съ которыми они даютъ чувствовать свое облагодатствованное состояніе и въ мірскихъ дѣлахъ; на ихъ ограниченную слѣпоту, съ которою они въ одно и тоже время осуждаютъ и ученость и богословіе, какъ опасныя для ихъ практической благочестивой жизни. Въ послѣднемъ отношеніи, впрочемъ, они нѣсколько уступили обстоятельствамъ времени, и то ради собственной суетности. Характеристично, что методисты, если обладаютъ кое-какою ученостію, то обыкновенно преувеличиваютъ ее до крайности, и даже на церковную кафедру вносятъ тщеславный отпечатокъ своей суетности.

Но довольно о методизмѣ, какъ мистико-піэтетическомъ направленіи въ протестантствѣ. Мы не говоримъ уже о другихъ мистическихъ и піэтетическихъ сектахъ, столь многочисленныхъ и разнообразныхъ, и иногда даже не имѣющихъ ничего общаго съ христіанствомъ. Мы старались только показать, къ какимъ страннымъ, незлымъ и уродливымъ крайностямъ можно приходить, когда думаютъ снастись одною вѣрою, на основаніи своего лишь свободнаго пониманія Слова Божія, внѣ живаго союза и руководства святой Церкви и при отсутствіи богословскаго образованія, которое до нѣкоторой степени еще можетъ замѣнить собою церковное руководство. Въ этомъ нельзя обманываться. Даже сами протестанты, по крайней мѣрѣ наиболѣе безпристрастныя, сознаются въ этомъ. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ известный церковный историкъ Шаффъ, разсуждая о методизмѣ. „Методизмъ, говоритъ онъ, не довольствуется обыкновенными, отъ Бога данными благодатными средствами и очень мало имѣетъ дѣла собственно съ священнодѣйствіями, хотя онъ строго держится, по преданію, крещенія дѣтей, и четыре раза въ году совершаетъ евхаристію, какъ простое воспоминаніе объ Иисусѣ Христѣ. Онъ гораздо болѣе довѣряетъ субъективному спасенію и возбудительному впечатлѣнію, чѣмъ объективнымъ церковнымъ постановленіямъ и ихъ дѣйственности, правда болѣе тихой, но за то болѣе вѣрной. Ме-

тодисты не только отвергаютъ конфирмацію, какъ бесполезный и даже лицемѣрный формализмъ, но и самую пледю объективной благодати въ крещеніи и часто самымъ страннымъ образомъ пренебрегаютъ всѣмъ религіознымъ воспитаніемъ дѣтей изъ за пустаго богоскусительнаго ожиданія, что нерво-потрясающая покаянная проповѣдь въ собраніяхъ на колѣ или нѣсколько часовъ на „скамьѣ сокрушенія“ (т. е. въ церквѣ) могутъ замѣнить трудный процессъ родительскаго воспитанія, церковнаго попеченія и правильнаго пастырскаго руководства. Ничего нѣтъ удивительнаго поэтому, что юное поколѣніе возрастаетъ среди подобныхъ впечатлѣній столь грубымъ и безнравственнымъ, и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ быстро воспламенявшійся огонь методистскихъ собраний, поднимавшійся такъ высоко, потухаетъ и замѣняется полною смертію съ легкомысленною насмѣшкою надъ всею религіею“.

Протестанты думаютъ снастись силою своей вѣры, этою силою надѣются возбудить себя разъ и навсегда къ духовной жизни и даже войти въ непосредственное богообщеніе, безъ какихъ-либо освящающихъ и просвѣщающихъ дѣйствій святой Церкви. Но достаточно-ли этого индивидуальнаго условія, одной этой собственной силы вѣры для достиженія столь высокихъ цѣлей, какъ духовная жизнь и богообщеніе? Рѣшительно нѣтъ! Православная Церковь тоже говоритъ о благодатномъ возбужденіи, могущественномъ, сильномъ, имѣющемъ рѣшительное вліяніе на всю жизнь христіанина; но она усволяетъ его непрерывному дѣйствию самой благодати и непрестаннымъ усиліямъ самого-же человѣка. Это возбужденіе, которое составляетъ собою первый моментъ благодатнаго дѣятельнаго возрожденія и подъ которымъ надобно разумѣть какъ самое благодатное дѣйствіе на душу грѣшника, такъ и то состояніе, въ которое душа поставляется этимъ дѣйствіемъ благодати, — это возбужденіе всецѣло принадлежитъ, безъ сомнѣнія, благодати. Какъ при обращеніи изъ язычества, по словамъ митрополита Московскаго Макарія, кромѣ виѣшней проповѣди Евангелія, безъ которой невозможно увѣровать въ Господа Іисуса, необходимо еще внутреннее дѣйствіе Божіе, которое-бы предва-

рительно отверзло сердце невѣрующаго въ принятію и уразумѣнію проповѣди и, такимъ образомъ, послужило къ самому началу и зарожденію въ немъ вѣры (Догм. т. IV, § 187, стр. 30); такъ тоже самое должно сказать и о благодатномъ возбужденіи грѣшниковъ въ нѣдрахъ христіанства. Первоначальное дѣйствіе благодати—возбужденіе, безусловно принадлежитъ ей. Минута, способъ, обстоятельства этого возбужденія совершенно сокрыты въ премудромъ распоряженіи Божіей благодати. Она приходитъ не съ усмотрѣніемъ, открываетъ грѣшнику очи на его печальное положеніе неожиданно для него самого, хотя, безъ сомнѣнія, соображается всегда съ его нравственною приѣмлемостію (Пис. В. 1, стр. 167). „Въ моментъ воздѣйствія благодати, говоритъ одинъ отечественный богословъ, человѣкъ хорошо видитъ все безобразіе свое внутри, и не только видитъ, но и чувствуетъ... Его грызетъ совѣсть... Но тутъ-же дается ему нѣкоторое ощущеніе и сладости жизни въ Богѣ. Если не дать сего, — сладость грѣха, какъ уже извѣданная, сильнѣе влекла-бы его къ себѣ, нежели добро, и выборъ-бы падалъ не на сторону сего послѣдняго, какъ и бываетъ въ задумываньяхъ перемѣниться *безъ благодатнаго возбужденія*. Ибо то общій законъ: *ignoti nulla cupido*, т. е. чего не знаемъ, того и не желаемъ. Но когда въ благодатномъ возбужденіи дается ему вкусить сладость добра, то оно начинаетъ привлекать его къ себѣ, какъ уже извѣданное, опытно и ощущаемое“ *). Что же именно совершаетъ возбужденіе въ душѣ грѣшника? Вотъ его дѣйствія. Въ отношеніи къ сердцу—*умиленіе*, а въ отношеніи къ уму—*видѣніе*. Отечественные моралисты говорятъ: „умиленіе есть первое духовное ощущеніе, доставляемое сердцу осѣнившею его божественною благодатію. Оно состоитъ изъ вкушенія богоугодной печали, растворенной благодатнымъ утѣшеніемъ, и отверзаетъ предъ умомъ доселѣ невидѣнное зрѣлище. Отъ духовнаго ощущенія является духовное видѣніе, какъ Священное Писаніе говоритъ: *вкусите и видите* (Пс. 33, 9). Отъ видѣнія

*) „Путь ко спасенію, краткій очеркъ аскетикъ“, соч. еписк. Теофана. Изд. 3. 1875 г. стр. 138.

усугубляется ощущеніе. Съ прекращеніемъ ощущенія прекращается видѣніе. Невѣдомо оно приходитъ, невѣдомо отходитъ, не завися отъ нашего произвола, а завися лишь отъ устройства божественнаго. Въ чемъ-же состоятъ эти видѣнія? По словамъ св. Исаака Сиріи: „въ теплыхъ помысленіяхъ въ глубинѣ души“ *). Первое-же дѣйствіе благодатнаго пробужденія грѣшника въ отношеніи къ волѣ состоитъ въ извлеченіи души изъ грѣховнаго строя жизни—внутренней и внѣшней и въ свободномъ возвышеніи надъ теченіемъ ея. Здѣсь, слѣдовательно, полагается первая возможность истинному сознанію своей личности и психическому своей свободы изъ привычнаго потока жизни. „Благодать, говорятъ наши богословы, извлекаетъ человѣка изъ узъ грѣха и *поставляетъ его на точку безразличія между добромъ и зломъ.* Всѣ воли нашей, въ которыхъ она склоняется то на ту, то на другую сторону, должны стоять теперь въ уровень. Возбужденный *поставляется благодатию въ среднее между грѣхомъ и добродѣтелью состояніе.* Человѣкъ стоитъ теперь точно между двумя распутиями и ему предлежитъ рѣшительный выборъ“ **).

Но благодатное возбужденіе составляетъ собою только первоначальный моментъ истинно христіанской жизни; оно вноситъ въ душу христіанина только тотъ ростокъ, который долженъ со временемъ возрасти, принести роскошный цвѣтъ и плодъ при заботливомъ уходѣ св. Церкви, при освѣщеніи, орошеніи и согреваніи благодати и ея таинствъ и при непрерывныхъ усиліяхъ со стороны самого человѣка. Эта могущественная благодатная помощь, при которой *человѣкъ вся можетъ о укрѣпляющемъ его Иисусѣ* (Филлп. 4, 13), и даруется новообращенному и новооправданному крещеніемъ въ таинствѣ мурономазанія и причащенія, а падшему и вновь оправдываемому въ таинствѣ покаянія, св. евхаристіи, равно какъ и прочихъ таинствахъ, при искреннемъ соединеніи христіанина съ божественнымъ Спасителемъ, чуднымъ источникомъ новой жизни и всякой благодатной

*) Аскетич. опыты епископа Игнатія. Т. II. стр. 429—430 1865 г.

**) „Путь ко спасенію“, *ibid.* стр. 139.

помощи. Потому что все старанія возвышаться въ духовной жизни собственными только человѣческими успліями, какъ это бываетъ у разныхъ мистиковъ, осуждены и отвергнуты словомъ Самого Спасителя, Который сказалъ: *еще не съѣсте плоти Сына Человѣческаго, не пиете крови Его, живота не имате въ себѣ.* (Іоан. 6, 53). *Кто пребудетъ во Мнѣ и Азъ въ немъ,* сказалъ Господь, *тотъ только сотворитъ плодъ много; яко безъ Мене не можете творити ничесоже.* Съ этого только времени христіанинъ, чудно укрѣпленный божественною помощію, можетъ вступитъ на узкій путь, ведущій въ царствіе Божіе (Мѣ. 7, 13), приобретаемое съ большими усиліями (Мѣ. 11, 12). Теперь только онъ можетъ вступитъ въ борьбу съ враждебными силами, загорающими входъ въ это царство. Теперь только онъ можетъ возрастать въ духовной жизни, достигать богообщенія и богопроевѣщенія и вообще высшихъ духовныхъ дарованій. Впрочемъ св. подвижники и въ этомъ состояніи предохраняютъ насъ отъ преждевременнаго несанія и ожиданія этихъ духовныхъ дарованій. „Вслп и нѣкоторые изъ отцевъ, говорятъ, напр. преподобный Исаакъ Сиринъ, написали о томъ, что есть чистота души, что безстрастіе, что видѣніе, то написали не съ тѣмъ, чтобы мы искали ихъ преждевременно и съ ожиданіемъ. Сказано Писаніемъ: *не придетъ царствіе Божіе съ соблюденіемъ* (Лук. XVII, 20). Тѣ, въ которыхъ живетъ ожиданіе, стяжали гордыню и надеіе... Исканіе и ожиданіе высокихъ Божіихъ даровъ отвергнуто Церковію Божіею. Это не признакъ любви къ Богу, это—недугъ души“ (Исаака Сиринна, слово 55). Вообще св. отцы и учителя Церкви, на основаніи Слова Божія (І. Іоан. II, 13), указываютъ три послѣдовательные возраста духовнаго преусовершенія: младенческій, юношескій и мужескій или совершенный. Но указывая эти три возраста духовной жизни, они однако-же замѣчаютъ, что напрасно было-бы желаніе узнать, гдѣ именно и когда совершается поворотъ съ возраста младенческаго на юношескій, или съ юношескаго на совершенный, потому что движеніе духовной жизни въ насъ, какъ движеніе тѣни солнечной, или какъ возрастаніе организма, совер-

шается безъ скачковъ, съ незамѣтною послѣдовательностію. Кроме указанныхъ нами трехъ основныхъ степеней духовной жизни, есть еще много посредствующихъ и переходныхъ степеней, которыхъ нѣтъ возможности не только съ точностію охарактеризовать, но даже и перечислить. Отчего-же зависить это? Чѣмъ обуславливается многочисленность степеней нравственнаго совершенства? Конечно, прежде всего, ходомъ естественнаго развитія природныхъ силъ и дарованій человѣка; но главнымъ образомъ различіемъ благодатной помощи, благодатныхъ дарованій, распределяемыхъ Духомъ Св. съ мудрою предусмотрительностію и прозорливостію, на сколько это *коемуждо полезно* (I Кор. 12, 4—9). Вообще касательно этого предмета мы ограничимся слѣдующими замѣчаніями:

1. Указывая три степени нравственнаго совершенства, христіанское ученіе не устанавливаетъ какую-либо неизмѣнную программу для точнаго измѣренія успѣховъ и роста духовной жизни. Возможна такая программа для измѣренія успѣховъ въ дѣлахъ человѣческихъ, но не въ христіанской жизни, всегда отличающейся характеромъ таинственности и сокровенности. Въ духовной жизни каждый идетъ своимъ путемъ, сообразно съ своими индивидуальными склонностями, расположеніями и внѣшними обстоятельствами. А потому, что однимъ достигается очень легко и чѣмъ онъ овладѣваетъ даже на низшихъ степеняхъ нравственнаго совершенства, то другимъ достигается съ большими успѣхами и при томъ только на высшихъ степеняхъ этого совершенства. Одинъ Господь поэтому можетъ судить праведно, кто изъ нихъ выше или ниже въ духовной жизни. Внѣшняя-же форма поступковъ, даже при добрыхъ сердечныхъ расположеніяхъ нашихъ, всегда можетъ быть обманчива. Евангельская вдовица, пожертвовавшая лепту на храмъ, дала по суду сердце-вѣдца Спасителя, гораздо больше многихъ богатыхъ людей, жертвовавшихъ многіе денаріи для этой-же цѣли. Очевидно, никакая программа не можетъ пзмѣрять нашихъ тайныхъ сердечныхъ расположеній.

2. Всѣ возможные на землѣ степени совершенства суть выс-

шія только относительно, такъ что здѣсь нѣтъ окончательной зрѣлости, а потому никогда нельзя сказать себѣ: *довольно трудиться*; напротивъ, здѣсь постоянно надобно начинать и всегда надобно опасаться паденія и пониженія. Ап. Павелъ говоритъ о себѣ и о другихъ: „я не почитаю себя достигшимъ, а только забывая заднее и простираясь впередъ, стремлюсь къ цѣли, къ честнн высняго званія Божія во Христѣ Іисусѣ. Итакъ, кто изъ насъ совершенъ, такъ долженъ мыслить“ (Флп. 3, 13—16), и затѣмъ предостерегаетъ христіанъ, говоря: *мняйся стояти, да блюдется, да не падаетъ* (1 Кор. 10, 12). Св. Макарій великій свидѣтельствуегь, что и совершенные не пребываютъ на одной степенн, но иногда повышаются, иногда понижаются, и что имъ даже невозможно пребывать всегда на высннхъ степеняхъ, по невыносимости сего для тѣлесной нашей природы (Вес. 8, § 4).

3. Благодатныя дарованія богообщенія и богопросвѣщенія даруются только на высннхъ степеняхъ нравственнаго совершенства, только при концѣ духовныхъ подвиговъ, и лишь при живомъ общенн съ святою Церковію, этимъ неизсякаемымъ источникомъ истиннаго свѣта и истинной благодати. Несознаваемость благодатныхъ дѣйствій существуетъ только для начинающихъ христіанъ. На высннхъ-же степеняхъ нравственнаго совершенства *сознаніе* благодатной помощи, какъ отдельной всемогущей силы, совершенно ясно для христіанъ. Самъ Спаситель говоритъ: *Духъ идеже хочетъ дышетъ и гласъ Его слышати, хотя и не вѣси, откуда приходитъ и камо идетъ, тако есть всякъ человекъ, рожденный отъ Духа* (Іоан. 3, 8). Св. Іоаннъ Лѣтвичникъ приводитъ въ примѣръ св. Ефрема Сириня, который, восходя на верхъ безстрастія, взывалъ къ Богу: *ослаби ми волны благодати Твоея*, подобно тому, какъ и пророкъ Давидъ молился: *ослаби ми да почию* (Пс. 38, 14). Есть даже учителя христіанскіе, которые замѣчаютъ, что на высней степенн развитія жизни духовной наиболѣе дѣйствій божественныхъ, и наименѣе человѣческихъ; хотя человекъ тогда дѣйствуетъ весь, но чувствуетъ, что у него собственной дѣятельности мало. И только начинающіе, заняты

пока подвигами матеріальными, болѣе дѣйствуютъ сами и потому дѣятельность ихъ должна быть названа страдательною, или субъективною *). Но повторяемъ, только въ живомъ союзѣ съ святою Церковію и постоянномъ дѣятельномъ стремленіи къ совершенству можно постепенно возрастать въ духовной жизни и мало-по-малу достигать высшихъ степеней живаго и непосредственнаго богообщенія и богопросвѣщенія.

VI

Мы изобразили новѣйшее движеніе протестантской религіозной мысли, основанной на свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія, не особенно свѣтлыми чертами. Желая предохранить православныхъ читателей отъ подобной свободы пониманія и толкованія Священнаго Писанія, мы на протестантскомъ опытѣ указали тѣ крайности, увлеченія и даже заблужденія, которымъ возможно подвергаться при показанномъ нами направленіи религіозной мысли и при разрывѣ живаго союза съ Церковію, руководящею, просвѣщающею и освѣщающею насъ. Но мы не хотѣли бы быть понятыми дурно. Мы вовсе не держимся католическихъ воззрѣній на протестантовъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ (въ 1842 г.) католическій писатель Мёллеръ издалъ въ свѣтъ сочиненіе подъ названіемъ „Символика“, въ которомъ старается научнымъ образомъ разсмотрѣть оба вѣроисповѣданія — католическое и протестантское, и въ которомъ приходитъ къ тому заключенію, что католичество и протестантство относятся другъ къ другу, какъ истина къ заблужденію, что вѣрующій все хорошее можетъ находить только въ католической церкви и что, напротивъ того, въ протестантской церкви все проинкинуто полнѣйшимъ субъективизмомъ, абсолютнымъ произволомъ и даже абсолютнымъ заблужденіемъ. Сочиненіе Мёллера вызвало страстную полемику среди протестантскихъ и католическихъ богослововъ, длившуюся многіе годы. Poleмика, какъ и слѣдовало ожидать, не привела ни къ какимъ результатамъ; каждое вѣроисповѣданіе осталось при

*) Сборникъ лекцій профес. кievской академіи. Лекціи Пиннокентія, стр. 250.

своихъ убѣжденіяхъ. Но она хорошо выяснила взаимныя отношенія обѣихъ враждующихъ вѣроисповѣданій; она ясно доказала кровное родство этихъ вѣроисповѣданій при всей ихъ видимой враждебности. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ Штраусъ по поводу этой полемики въ своемъ „христіанскомъ вѣроисповѣданіи“: „Правомыслящій протестантскій богословъ въ научномъ отношеніи (Vorden) стоитъ къ правовѣрующему католическому богословію несравненно ближе, чѣмъ раціонализмъ или даже ескеулятивное богословіе къ своимъ собственнымъ (т. е. протестантскимъ) конфессіямъ. Гдѣ идетъ споръ объ *автономіи или гетерономіи* духа *), какъ таковаго, тамъ побочный вопросъ о томъ, должна ли Церковь или Священное Писаніе быть основнымъ принципомъ этой гетерономіи, не имѣетъ большого интереса и не стоитъ труда спорить изъ за точнѣйшаго опредѣленія ученія о перво-родномъ грѣхѣ, оправданіи, таинствахъ и проч., когда все это ученіе вмѣстѣ со всѣмъ міросозерцаніемъ, основаннымъ на немъ, подвергается вопросу или сомнѣнію“. Бауръ, пасторъ и глава новотюбингенской школы богослововъ, не соглашается съ этимъ воззрѣніемъ на протестантовъ и католи-

*) Кантъ первый перенесъ понятіе *автономіи* изъ области политическихъ наукъ въ область наукъ нравственныхъ. Въ политическихъ наукахъ, какъ извѣстно, подъ автономіею (*αὐτός* самъ и *νόμος*—законъ), или законодательною властію разумѣется такое общественное устройство, по которому извѣстное государство, или граждане этого государства сами устанавливаютъ законы, сами заботятся о своемъ законодательствѣ и сами охраняютъ свое самоуправленіе, въ противоположность автократіи, при которой законодательная власть и управленіе народа принадлежатъ лишь одному лицу. По ученію-же нравственной философіи Канта, автономіею называется законодательная власть челоуѣческаго разума вообще, власть, исключительно принадлежащая этому разуму, а также и тѣ нравственные законы, которые, по мнѣнію Канта, выводятся лишь изъ началъ одного разума и которыми челоуѣкъ исключительно обязанъ повиноваться въ своей нравственной жизни. Сообразно съ этимъ, нравственною дѣятельностію Кантъ называетъ лишь такую дѣятельность, которая опредѣляется одною только разумною волею и вполне согласуется съ нею, которая слѣдовательно не руководствуется никакими сторонними, какъ внѣшними, такъ и внутренними побужденіями, не руководствуется напр., сердечными расположеніями, своекорыстными расчетами, страстями и т. п. Этой нравственной автономіи Кантъ противопоставляетъ *гетерономію* (*ἕτερος*—другой, иной и *νόμος*—законъ) воли, когда челоуѣкъ руководствуется въ своей жизни не разумомъ, а сторонними, внѣ разума лежащими

говъ, и готовъ раздѣлѣть автономію и гетерономію между ними совершенно иначе. Онъ говоритъ: „такъ какъ сущность католицизма во всякомъ случаѣ надобно полагать въ гетерономіи, то противорѣчіе между католичествомъ и протестантствомъ или не имѣетъ абсолютнаго значенія, или должно быть поставляемо въ томъ, что протестантство и католичество относятся другъ къ другу, какъ автономія и гетерономія“ *). Такъ говоритъ Бауръ. Но кому бы мы ни приписали автономію или гетерономію, католикамъ или протестантамъ, съ православной точки зрѣнія это не имѣетъ никакого значенія; мы въ равной степени можемъ считать и автономистами, и гетерономистами какъ католиковъ, такъ и протестантовъ. Все дѣло здѣсь зависить отъ того, изъ какого начала надобно выступать при распредѣленіи этой автономіи и гетерономіи. Пана, выходя изъ своей абсолютнистической точки зрѣнія, долженъ признать лишь себя одного автономистомъ, а протестантовъ лишь гетерономистами; напротивъ того, протестантъ, оставаясь вѣрнымъ своей исключительной точкѣ зрѣнія, долженъ усвоить всю автономію тоже лишь себѣ одному, а пану

побужденіями или мотивами. По его мнѣнію, человѣкъ, рассматриваемый какъ существо чувственное, подчиненъ законамъ природы или естественнымъ законамъ, а какъ существо разумное, онъ подчиненъ однимъ лишь законамъ разума, превышающимъ законы природы и утверждающимся на одномъ лишь разумѣ. Въ приложеніи же къ религіозной жизни автономією должно признать такое направленіе человѣка или религіознаго общества, когда и предметъ вѣрованія и церковное устройство этого общества опредѣляется самимъ же обществомъ, будетъ-ли это опредѣленіе совершаться при посредствѣ одного человѣка, или при посредствѣ всѣхъ членовъ общества, а гетерономією должно назвать опредѣленіе предмета вѣрованія и установленіе устройства церковной жизни властію стороннею, независимою отъ общества и иногда даже противоположною этому обществу. Очевидно, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, т. е. и при религіозной автономіи, и при религіозной гетерономіи, понимаемыхъ въ указанныхъ нами смыслахъ власть опредѣленія какъ догмата, такъ и церковнаго канона, усвоется однимъ лишь человѣческимъ соображеніямъ и рѣшеніямъ, будутъ-ли эти рѣшенія принадлежать одному человѣку, или всѣмъ членамъ религіознаго общества, и слѣдовательно. и въ томъ и въ другомъ случаѣ человѣкъ самовольно усвоитъ себѣ право, исключительно принадлежащее одному Богу, и такимъ образомъ становится выше *теономіи* (*Θεός*—Богъ и *νόμος*—законъ), т. е. выше закона открытаго и установленнаго Самимъ Богомъ.

*] Kirchengeschichte des neunzehnten Jahrhunderts Tübingen. 1872. S. 313.

или католиковъ долженъ считать простыми гетерономистами. Очевидно однакоже, что ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нѣтъ даже и помину о теоміи, о законодательной власти Божіей, которая одна въ глазахъ православныхъ имѣетъ высочайшее значеніе и высочайшій авторитетъ. Когда западные христіане спорятъ изъ за свободнаго пониманія религіозной истины и эту свободу пониманія усвояютъ или одному лицу (папѣ), или всеѣмъ лицамъ (каждому протестанту) въ частности, когда при этомъ игнорируютъ единственно обязательное ученіе, ученіе божественное, и богооткровенное, и богопреданное: тогда весь споръ окончательно можетъ быть рѣшенъ лишь личными взглядами, сужденіями и антипатіями, а не какими-либо научными основаніями и доводами. Съ этой точки зрѣнія мы одинаково можемъ смотрѣть на тѣхъ и другихъ, одинаково можемъ смотрѣть какъ на католиковъ, такъ и на протестантовъ. Въ обоихъ случаяхъ мы встрѣчаемся не съ православнымъ ученіемъ. Но есть другая точка зрѣнія, которая можетъ и должна быть примѣнена къ протестантству по праву, и даже съ нѣкоторою справедливостію. Протестантство есть историческое явленіе, возникновеніе котораго условливалось историческою жизнію западныхъ народовъ и тѣмъ положеніемъ, которое занимала и занимаетъ среди нихъ западная церковь. Протестантство явилось не случайно, не по капризу или произволу Лютера, Кальвина, Цвингли и проч., но было отвѣтомъ на насущныя религіозно-нравственныя потребности этихъ народовъ, которыя были такъ безсердечно отвергаемы западною церковію. Съ этой точки зрѣнія едвали не правъ г. А. А. Кирѣевъ, когда въ недавнемъ спорѣ своемъ съ г. В. Соловьевымъ, сказалъ, что если-бы православному христіанину почему-либо пришлось оцѣнивать оба вѣроисповѣданія, протестантское и католическое, то его симпатіи скорѣе склонились-бы въ пользу протестантства, чѣмъ католицизма. На нашъ взглядъ, въ этой мысли, правильно понимаемой, есть много правды. И вотъ наше основаніе для такого сужденія. У протестантовъ есть одно несомнѣнное достоинство, не встрѣчающееся въ такой-же мѣрѣ у католиковъ,—это искренность. Протестантъ

не двоится въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, не впадаетъ въ двувѣріе, не лицемеритъ; его совѣсть не вынуждается признавать догматы странныхъ, новыхъ, не содержащихся въ Словѣ Божіемъ, навязываемыхъ ему со стороны неогрѣшимымъ папою. Подобно православію протестантство протестуетъ противъ римско-католическихъ новшествъ, противъ насплія совѣсти и римскихъ іерархическихъ посягательствъ. Но тогда какъ православіе протестуетъ противъ всего этого во имя вселенскаго ученія, вселенскаго преданія, а потому имѣетъ подъ собою твердую и неизблемую почву, протестантство протестуетъ во имя лишь одной пустой и безсодержательной свободы, а потому часто вовсе теряетъ подъ собою почву и виситъ въ воздухѣ. И современное намъ протестантство есть въ сущности не положительное вѣроученіе, а только отрицаніе деспотическихъ стремленій католической іерархіи, и какъ отрицаніе, оно не можетъ отличатся ни особенною устойчивостію, твердостію, ни особенною послѣдовательностію и ясностію своихъ началъ; оно отрицаетъ деспотизмъ и на пути къ этой цѣли, при своей свободѣ, не заботится быть особенно разборчивымъ въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли. Въ этомъ состоитъ оправданіе протестантства, но въ этомъ-же состоитъ и его осужденіе. Въ своемъ протестѣ оно идетъ слишкомъ далеко и не обнаруживаетъ яснаго понятія объ истинномъ значеніи Церкви, ея задачахъ, цѣляхъ, средствахъ и объемѣ дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, отчего протестанты такъ боятся авторитета церковнаго ученія? Отчего соглашаются лучше допустить индивидуализмъ и субъективизмъ, нежели подчиниться авторитету Церкви? Приведемъ по этому поводу сужденія Дорнера. Сужденія этого берлинскаго профессора тѣмъ болѣе интересны для насъ, что обнаруживаютъ полное невѣдѣніе истиннаго значенія Церкви и полное смѣшеніе Церкви латинской съ греческою, абсолютное непониманіе этой послѣдней Церкви. Когда Церковь, говоритъ онъ, принимаетъ на себя руководство и требуетъ дѣлъ послушанія, интеллектуальныхъ-ли, какъ это будто-бы бываетъ въ Церкви греческой, или нравственныхъ—какъ это, по его мнѣнію,

происходитъ въ церкви римской; когда, словомъ, не стремятся къ непосредственному богообщенію (Gotteserfahrung): „тогда фактически на мѣсто Бога ставятъ человѣческую инстанцію, которая для вѣры и жизни имѣетъ законодательную власть; тогда возникаетъ отношеніе къ Богу чисто внѣшнее, посредствуемое Церковію, которая имѣетъ право съ божественною санкціею опредѣлять (versehen), что ей кажется хорошимъ и истиннымъ, не требуя, чтобы это провѣрялось внутреннею достовѣрностію церковнаго ученія, какъ истиннаго. вмѣстѣ съ этимъ Церковь по необходимости занимаетъ положеніе болѣе высокое, чѣмъ лишь провозвѣстницы и свидѣтельницы христіанства, занимаетъ положеніе высочайшаго источника и авторитета истины. Если-же Церковь остается вѣрна своему призванію въ дѣлѣ возвѣщенія христіанства, такъ что субъектъ (т. е. вѣрующій человѣкъ) самъ можетъ сознавать внутреннюю истинность ея ученія, то и тогда не избѣгаютъ опасности находиться лишь на степени подзаконности. Но искушеніе слишкомъ велико для того, чтобы параллельно съ религіозною лѣтностію индивидуумовъ, Церковь не пріобрѣла воззрѣніе на себя совершенно другое. Она можетъ перейти въ воззрѣнію, что ея долгъ учительства снабженъ непогрѣшимостію и это свойство она можетъ признавать необходимымъ, чтобы сообщить авторитетъ и пріемлемость христіанскимъ истинамъ и чтобы поэтому ей повиновались, какъ намѣстницѣ Бога, или какъ Самому Богу. Когда подобное ученіе высказываютъ ясно, тогда Церковь можетъ пріобрѣсть такое общественное значеніе, что субъектъ (т. е. вѣрующій христіанинъ), оказывая послушаніе Церкви, ея догматамъ и ея правамъ, этимъ самымъ оказываетъ послушаніе Самому Богу и лишь такимъ образомъ владѣетъ истиннымъ христіанствомъ. Это именно, хотя и въ различныхъ формахъ, и происходитъ въ Церкви греческой и римской. Но и евангелическая церковь не безопасна отъ этого. Борьба съ проявляющеюся иногда силою субъективизма вызываетъ въ евангелической церкви подобныя-же явленія, смотря по тому, какъ сохраняется въ нихъ переданное отъ предковъ ученіе. Но всегда на степени церковной вѣры субъектъ

довольствуется только тѣмъ, что находится въ связи съ Церковію, т. е. съ ея дѣйствіями, понятіями, установленіями и такимъ образомъ находится въ связи съ людьми въ томъ предположеніи, что *Богъ и Христосъ не хотятъ быть въ непосредственномъ отношеніи къ отдѣльнымъ людямъ*, но только въ посредственномъ, чрезъ Церковь, Свою представительницу, коей словамъ, разумѣнію и волѣ человѣкъ долженъ подчиняться, вмѣсто того, чтобы искать личнаго общенія съ Богомъ во Христѣ. Какъ-бы ни боролась Церковь съ этимъ постановленіемъ Бога и Христа за Церковію, а себя на первомъ планѣ, но при неразличеніи своего авторитета отъ божественнаго, она всегда можетъ поддерживать это различіе, не внушать стремленія къ достиженію высшей достовѣрности, какъ обязательному для насъ, изъ опасенія злоупотребленія *свободою* и боязни совершенства субъекта, изъ недовѣрія къ реальному общенію съ Богомъ и Его духомъ и въ силу этого общенія, и даже изъ самодовольства. Дѣло можетъ дойти до того, что она будетъ смотрѣть на себя, какъ на основаніе всякой истины, выставлять долгъ безусловнаго подчиненія ей, какъ высочайшій долгъ, и даже требовать вѣры въ Бога лишь во имя своего собственнаго авторитета. Вмѣстѣ съ этимъ дѣло христіанства въ душѣ вѣрующаго прекращается; средство превращается въ цѣль, и то, что должно приводить къ высочайшему посреднику между нами и Богомъ, превращается въ средостѣніе. Легко теперь видѣть, какаѣ судьба постигаетъ достовѣрность истины; личная религіозная достовѣрность содержанія истины исчезаетъ, потому что лишь истина церковнаго слова признается неограничимымъ авторитетомъ и требуетъ себѣ безусловно подчиненія“ *).

Въ этомъ изображеніи Церкви узнаете-ли вы, читатель, церковь православную? Конечно, нѣтъ! Дорнеръ изобразилъ предъ нами церковь римскую и испещрилъ, тѣносенія, которыя испытываетъ протестантъ въ виду этой церкви. Но эти опасенія, столь основательныя въ отношеніи къ церкви римской, не касаются Церкви православной, противорѣчатъ ея духу, характеру и исторической жизни;

*) Dorner *ibid.* S. 69—70.

словомъ, эти опасенія не могутъ и не должны имѣть мѣста въ недрахъ Церкви православной. Къ глубокому сожалѣнiю Дорнеръ какъ и многіе протестанты, смѣшиваетъ церковь православную, съ церковію римскою, переноситъ черты римской церкви на православную и на этомъ ложномъ основанiи изображаетъ картину Церкви вселенской въ чертахъ фантастическихъ, призрачныхъ и не имѣющихъ ни малѣйшаго сходства съ дѣйствительностію. Въ самомъ дѣлѣ, почему Дорнеръ боится авторитета вселенской Церкви и рѣшается лучше отдаться всеѣмъ крайностямъ субъективизма, чѣмъ подчиниться этому авторитету? Прежде всего потому, что будто-бы при живомъ союзѣ съ Церковію вмѣсто непосредственнаго отношенія къ Богу является отношеніе, посредствуемое Церковію, лишающее вѣрующаго непосредственнаго богообщенія и богосвѣщенія, и будто-бы Церковь даже внушаетъ вѣрующимъ, что Богъ и Христосъ не хочетъ находиться въ непосредственномъ отношеніи къ вѣрующимъ и требуетъ лишь одной покорности правящей Церкви. Читатель знаетъ, конечно, что ничего подобнаго нѣтъ въ Церкви православной. Напротивъ, наша православная Церковь поставляетъ для себя прямою задачею, прямою цѣлю привести своихъ чадъ къ непосредственному богообщенію, къ непосредственному богосвѣщенію и предлагаетъ вѣрующимъ свое святое руководство лишь какъ средство для достиженія этой цѣли, а не какъ самую цѣль, т. е. не говоритъ того, что въ одной покорности ея руководству состоитъ вся задача христіанской жизни. Только та Церковь, которая учитъ, что ея іерархія есть *ecclesiola in ecclesia* и одна имѣетъ право на непосредственное богообщеніе и богосвѣщеніе, которая поэтому даже запрещаетъ своимъ членамъ чтеніе и толкованіе Слова Божія; словомъ, только церковь римская дѣйствительно становится для христіанъ средостѣніемъ между Богомъ и людьми, дѣйствительно требуетъ слѣпаго подчиненія себѣ въ ущербъ непосредственному и свободному отношенію вѣрующаго къ святѣйшему Божеству. Отрицая это ученіе, протестанты ведутъ борьбу съ однимъ лишь католицизмомъ. Протестантская теорія о непосредственномъ богообщеніи и

богопросвѣщенія вытекаетъ изъ протестантскаго же ученія о sola fide, какъ изъ своего основнаго начала. Что живая вѣра вселяетъ Христа въ наше сердце, что она открываетъ намъ непосредственный доступъ къ престолу благодати, въ этомъ, какъ мы замѣчали уже, никто изъ православныхъ не сомнѣвается: но эта высокая вѣра есть вѣнецъ христіанской жизни, а не ея начало, есть завершеніе ея, а не фундаментъ. Чтобы стяжать эту вѣру, нужно прежде стяжать чистоту сердца, потому что только *чистіи сердцемъ могутъ непосредственно зрѣть Бога* и получать отъ Него благодатныя вразумленія. Чтобы стяжать эту вѣру, нужно не влаться всякимъ вѣтрамъ ученія, нужно быть въ полномъ единеніи съ святою Церковію, въ которой заключены какъ чистота богопреданнаго ученія, такъ и все благодатныя средства, ведущія насъ къ этой высокой вѣрѣ. Внѣ союза съ Церковію и внѣ ея благодатныхъ средствъ, невозможно стяжать эту вѣру. Современные протестанты рисуютъ, слѣдовательно, идеаль христіанина, но не указываютъ средствъ къ достиженію этого идеала, изображаютъ идеальное состояніе христіанина, но лишаютъ его возможности воплотить этотъ идеаль. Мало этого: осуществленіе этого идеала теософы впадаютъ въ самихъ себѣ, но это уже по меньшей мѣрѣ нескромно...

Дорнеръ говоритъ, что Церковь не ограничивается обязанностію провозвѣстницы и свидѣтельницы истины, но занимаетъ положеніе высочайшаго источника и высочайшаго авторитета истины и можетъ дойти до того, что потребуетъ самой вѣры въ Бога лишь во имя одного собственнаго авторитета. Безъ сомнѣнія, и въ этомъ случаѣ Дорнеръ имѣетъ въ виду или, по крайней мѣрѣ, долженъ имѣть въ виду лишь одну церковь римскую. Только та церковь, которая приевла себѣ высочайшій авторитетъ надъ совѣстію и вѣрою своихъ послѣдователей, которая узаконяетъ догматы новые, странные, не основанные на свидѣтельствѣ Слова Божія и священнаго преданія, словомъ только римская церковь дѣйствительно заявляетъ притязаніе на это не принадлежащее ей значеніе. Но этого нѣтъ въ православной Церкви. Въ этомъ

не можетъ сомнѣваться ни одинъ безпристрастный изслѣдователь исторіи и жизни православной Церкви. Вотъ напр., что говоритъ о. Владиміръ Геттѣ, нѣкогда тоже принадлежавшій къ обществу римской церкви, и затѣмъ отрекшійся отъ ея заблужденій. „Церковь для православнаго христіанина—это христіанское общество, существующее со временъ апостольскихъ; оно живетъ *единою* жизнію; оно не измѣняется, потому что не перемѣняетъ ничего въ откровенномъ ученіи; принявши это ученіе изъ начала, оно передаетъ его изъ вѣка въ вѣкъ такимъ, какимъ получило его. Вѣрующіе составляютъ въ немъ столько же существенную часть, какъ и епископы. Эти послѣдніе имѣютъ спеціальнѣйшій долгъ *наблюдать* за христіанскими обществами, чтобы въ нихъ не могло проникнуть какое либо нововведеніе; но и всѣ вѣрующіе также имѣютъ право участвовать въ сохраненіи православія и они обязаны даже предостеречь самого епископа, еслибы онъ, измѣнивъ своему долгу, захотѣлъ стать нововводителемъ“. Словомъ, признаніе Церкви единственнымъ и исключительнымъ источникомъ откровенной истины съ точки зрѣнія православія даже немислимо. Наша Церковь хранитъ только откровенную вѣренную ей Спасителемъ истину, но не творитъ ее.

Дорнеръ говоритъ еще, что Церковь, приравнивающая свой авторитетъ къ авторитету божественному, смотритъ неодобрительно на стремленіе своихъ чадъ къ сознательному убѣжденію въ истинности предлагаемаго ею ученія, частію изъ боязни за свой авторитетъ, частію изъ недовѣрія къ основамъ этой сознательности, а частію, наконецъ, изъ желанія сохранить свое довольное положеніе, или предупредить злоупотребленія свободою и пр. Это тоже опасенія, которыя не могутъ и не должны имѣть мѣста въ недрахъ Церкви православной уже потому одному, что никогда наша святая Церковь не приравнивала свой авторитетъ къ авторитету божественному. Предлагая вѣрующимъ ученіе и установленія божественныя, она ничего столько не желаетъ, какъ сознательнаго и искренняго убѣжденія въ томъ, что ея ученіе есть прямо божественное ученіе и ея существенныя установленія

(исключая развѣ второстепенные обряды) суть чисто божественныя установленія. Она учитъ и руководитъ вѣрующихъ во имя божественнаго права, а не во имя собственнаго авторитета; ея ученіе и ея установленія предлагаются вѣрующимъ потому, что они предлагались и предлагаются во всей вселенной, вѣмъ и на пространствѣ тысячелѣтій, и ведутъ свое начало непосредственно отъ Самого Бога и Его святыхъ апостоловъ. Ея бібліотека, ея памятники, ея архивы открыты для свободнаго изслѣдованія всѣхъ христіанъ; она не прячетъ ихъ подъ тройнымъ замкомъ въ секретныхъ залахъ Ватиканскаго дворца, куда имѣютъ доступъ только счастливые избранники, и то по особой милости святѣйшаго отца. Она не дрожитъ за свой авторитетъ, принадлежащій ей по праву божественному; она никому не навязываетъ своихъ благодѣяній насильно, а потому не имѣетъ причинъ бояться разумной свободы своихъ чадъ. Да, Дорнеръ имѣетъ въ виду церковь римскую, а не нашу святую Церковь.

Если-же Церковь, говоритъ еще Дорнеръ, остается вѣрна своему призванію въ дѣлѣ возвѣщенія и свидѣтельствованія христіанской истины, такъ что вѣрующему открыты всѣ средства къ сознательному и разумному убѣжденію въ достовѣрности ея ученія, то и тогда, при покорности Церкви, вѣрующіе подвергаются опасности находиться на степенн подзаконности, чаянія и ожданія, а не живаго и непосредственнаго убѣжденія. Очевидно, что протестанты, высказывая эти положенія, смотрятъ на христіанское ученіе не какъ на нормальное ученіе Церкви, а какъ на гипотезу человеческого ума, которую можно принимать или отвергать, смотря по степенн своего развитія и по количеству и качеству собранныхъ нами фактовъ за гипотезу или противъ нея. Между тѣмъ христіанская истина есть произведеніе ума высочайшаго, божественнаго и мы должны покорно принимать ее, какова-бы ни была степенн нашего умственнаго развитія и на какіе-бы, повидимому, противорѣчащія ей факты мы не наталкивались въ своей жизни. Мы должны помнить, что то противорѣчіе между откровенною истиною и фактами, которое мы иногда встрѣчаемъ и

которое такъ мучительно для насъ, указываетъ лишь на несовершенство нашего развитія, требуетъ усиленной съ нашей стороны самодѣятельности и только на высшихъ степеняхъ нравственно-религіознаго развитія должно разрѣшиться несомнѣннымъ и достовѣрнымъ убѣжденіемъ въ ней. Религіозная христіанская истина, равно какъ и всякая другая истина, не есть также нѣчто неустойчивое и измѣнчивое, что сегодня можно понимать такъ, завтра иначе, послѣ завтра еще иначе и т. д.; она требуетъ себѣ подчиненія нашего ума. Можно, особенно на первыхъ порахъ жизни, плохо понимать и сознать истину, можно даже вовсе не сознать ее, но тѣмъ не менѣе не должно отвергать и извращать ее, потому что убѣжденіе въ истинѣ будетъ тогда для насъ совершенно невозможнымъ. Дитя, наприм. плохо, понимаетъ и сознать какую-нибудь математическую формулу и только послѣ продолжительныхъ усилій и съ теченіемъ времени эта формула становится для него вполне ясною; но это полусознаніе формулы не должно переходить въ отрицаніе или извращеніе ея; это полусознаніе несколько не уполномочиваетъ отрицать и передѣлывать ее по своему, потому что самое знаніе станетъ тогда невозможнымъ. Это-же можно приложить и къ религіозной истинѣ. Христіанская религіозная истина требуетъ себѣ подчиненія, будемъ-ли мы сознать, или не сознать ее; но въ то же время она обращается къ нашей самодѣятельности, сохраняетъ для насъ полную свободу изслѣдованія ея и убѣжденія; притомъ истина христіанская не есть простое познаніе, а начало жизни; можно не вполне сознать истину, но пользоваться ею, какъ правиломъ жизни, и это практическое ея употребленіе поведетъ къ болѣе ясному пониманію и сознанію самой истины. Намъ кажется даже, что протестанты тоже не хотятъ отрицать религіозную истину, когда требуютъ сознательности убѣжденія и отвергаютъ церковную норму ея. Этимъ приемомъ своего ученія они только спасаются отъ того ужаснаго насилія совѣсти, которое налагаетъ на своихъ послѣдователей церковь римская. И здѣсь они имѣютъ въ виду своего страшнаго врага,

котораго самыя далекія и незамѣтныя посягательства на сознательность и свободу убѣжденія, они хотѣли-бы предупредить и отразить. Вѣдь ищутъ же и современные намъ протестанты *minimum* своихъ религіозныхъ истинъ, на основаніи котораго создаютъ свои уніи; и каково-бы ни было это *minimum*, но оно уже есть религіозная норма, признаніе общесобязательныхъ истинъ, безъ которыхъ бытъ-бы невозможенъ никакой религіозный союзъ; они поставляютъ такимъ образомъ авторитетъ своей уніи на равнѣ съ авторитетомъ Церкви и, понимая свой авторитетъ въ самыхъ общихъ чертахъ, противопоставляютъ его авторитету римской церкви. Здѣсь, повторимъ, слышится старая, вѣковая вражда протестантства къ римскому католицизму, но она не имѣетъ никакого отношенія къ Церкви православноѣ.

Дорисръ требуетъ сознательности убѣжденія и этой сознательности, какъ Молоху, приносить въ жертву и авторитетъ Церкви и даже откровенную истину. Онъ говоритъ: „авторитетъ Церкви и церковнаго преданія не можетъ удовлетворять насъ уже потому одному, что не убѣждаетъ въ сообщеніи намъ первоначальнаго христіанства. Но и вѣра, основанная на одномъ лишь авторитетѣ пророковъ и апостоловъ, изложенномъ въ Св. Писаніи, можетъ не доставлять намъ внутренняго, сознательнаго убѣжденія, — и при этой вѣрѣ возможенъ разладъ между предметомъ вѣры и вѣрующимъ сознаніемъ. И вотъ отсюда-то возникаетъ, по крайней мѣрѣ у современнаго намъ образованнаго общества, искушеніе взвѣрить себя философіи и научной достовѣрности, какова-бы ни была эта философія, будетъ-ли она дѣйствительная научно-философская система, или электрическое смѣшеніе такъ называемой образованности, которому можно усвоить названіе *популярной философіи*“. Итакъ, что-же дѣлать при этомъ направленіи умовъ нашего образованнаго общества? Какъ предохранить это общество отъ опасности? Надобно обратиться къ своему религіозному сознанію, говорятъ теософы, прислушаться къ его требованіямъ и внести въ богословскія системы только то, о чемъ свидѣтельствуетъ оно, какъ о несомнѣнно истинномъ и достовѣрномъ; словомъ надобно обра-

титесь къ богословской спекуляціи. Въ чемъ-же состоитъ эта спекуляція? Какое значеніе она имѣетъ въ области богословія? Вотъ какъ объясняетъ ее Роте. „Религіозный человѣкъ, говоритъ онъ, чувствуетъ себя *опредѣленнымъ* отъ Бога, находится въ живомъ общеніи съ Богомъ; у него сознаніе о себѣ включаетъ въ себѣ сознаніе о Богѣ; фактъ чистой мысли представляется у него подъ двумя видами, и сознаніе его есть синтезъ чувствованія *себя* и чувствованія *Бога*: первое есть исходный пунктъ спекуляціи философской, второе—богословской; та и другая различаются только формально, какъ различныя движенія къ одной и той-же цѣли; та и другая переплетаются между собою. Богословъ, начиная съ своего сознанія о Богѣ, какъ непосредственнаго чувствованія, переходитъ въ сферу мыслительную и его религіозное чувствованіе становится религіозною мыслию; онъ выстунаетъ не изъ отрицанія религіозной истины, а изъ необходимости раскрыть полноту и богатство содержанія самаго религіознаго чувства—не изъ скептицизма, а отъ избытка вѣры. Между тѣмъ какъ философъ идетъ инымъ путемъ и, выстуная изъ сознанія себя, приходитъ къ утвержденію міра и Бога“. Только такимъ образомъ, говорятъ теософы, богословіе и наука примирятся между собою и они заговорятъ однимъ и тѣмъ-же языкомъ; только такимъ образомъ можно достигнуть полной сознательности и полной убѣдительности въ религіозныхъ истинахъ; только такимъ образомъ можно быть вполне понятымъ людьми, усвоившими себѣ одну *популярную философію*. Пусть будетъ такъ. Но эта богословская спекуляція, эта свободная богословская мысль—дѣйствительно-ли она дастъ вѣсть тѣ религіозныя истины, о которыхъ говоритъ намъ Слово Божіе? Въ этомъ не должно обманываться. Чтозначитъ свободно „богословствующая мысль“, спрашиваетъ преосвященный Амвросій и отвѣчаетъ: „подъ этимъ разумѣется свободное изъясненіе ученія вѣры, не стѣняемое доселѣ содержимыми условіями и формами символическаго вѣроученія и обрядовыми постановленіями. Для меня это выраженіе звучитъ равносильно слову: *мысль, блуждающая въ области богословія* и склонная уклоняться въ лютеранскую свободу

воззрѣній“. И затѣмъ преосвященный продолжаетъ: „гораздо утѣшительнѣе слово: *православный мыслящій богословъ*; это значитъ учитель вѣры, обезпеченный въ движеніяхъ свободной мысли яснымъ сознаніемъ основаній для своихъ воззрѣній; это живой человѣкъ, отвѣтственный предъ Церковію, а не безкачественная, что-то богословское обѣщающая мысль“ *). Теософы говорятъ о полнотѣ и богатствѣ своего религіознаго сознанія. Допустимъ, что это правда. Но эта полнота и это богатство содержанія религіознаго сознанія, о которомъ говорятъ намъ они (но мимо его доброкачественности), дѣйствительно-ли существуютъ у всѣхъ, а потому богословское спекулятивное изложеніе или выраженіе его—дѣйствительно-ли будетъ понятно и убѣдительно для нашихъ образованныхъ людей? Что если спекуляція того или другаго богослова, по крайней мѣрѣ въ своихъ подробностяхъ и частностяхъ, будетъ совершенно непонятна этимъ людямъ? Тогда авторитетъ богословской спекуляціи можетъ-ли замѣнить собою авторитетъ Церкви, авторитетъ вѣры переданной пророками, апостолами и вообще откровеніемъ? Конечно, нѣтъ. Тогда подвергаются страшной опасности лишь образованныхъ людей главной, существенной и часто даже единственной опоры достовѣрности религіозной истины, вѣры въ ея богооткровенность, замѣнивъ ее безсильною или непонятною для большинства богословскою спекуляціею; тогда будутъ требовать признанія религіозной истины во имя человѣческаго авторитета, а не во имя авторитета высочайшаго, божественнаго. Когда во имя лютеранской вѣры, какъ выражается преосвященный Хрисанфъ, строятъ цѣлае міры, всю вселенную.—соединяются съ самимъ источникомъ жизни и путемъ логическаго мысленія превращаютъ конечное въ безконечное, свое сознаніе въ богосознаніе или въ богооткровеніе: тогда мы сильно сомнѣваемся въ томъ, чтобы современные образованные люди могли повѣрить имъ на слово и не потребовали у нихъ болѣе сильныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ, чѣмъ ихъ

*) Два публичныхъ чтенія о свободѣ печати съ точки зрѣнія православной Церкви, Амвросія, епископа Дмитровскаго. Москва 1882, стр. 34.

богословская спекуляція. Да, ихъ авторитетъ богопросвѣщенія ни для кого не убѣдителенъ, но крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока подобное-же богопросвѣщеніе не откроется въ душѣ ихъ читателей или послѣдователей. Главное-же, спекулятивная сознательность и убѣдительность въ религіозной истинѣ, какъ показываетъ протестантскій опытъ, въ сущности есть ограниченіе богатаго содержанія откровенной истины, есть усвоеніе себѣ лишь тѣхъ немногихъ понятій, которыя подтверждаются индивидуальнымъ сознаніемъ того или другаго богослова, есть даже коренное извращеніе высочайшихъ христіанскихъ истинъ. Вотъ напр., что говоритъ Ауберленъ о Роте, этомъ замѣчательномъ протестантскомъ теософѣ, столько-же искреннемъ, сколько и глубокимъ. „Какъ чрезмѣрное возвышеніе человѣческаго ведетъ къ противоположному, т. е. къ униженію,—пантеизмъ напр., съ одной стороны, возвышаетъ человѣка до божественнаго, а съ другой—низвергаетъ его въ міръ животный,—такъ это-же случилось и съ Роте. Первый и второй Адамъ у него недостаточно оцѣнены, потому что свободныя дѣйствія божественнаго сообщенія недостаточно признаны. Первоначальное благородство человѣческой природы потеряно, потому что первый человѣкъ у него отличается отъ животныхъ лишь на столько, на сколько животное отличается отъ растений. между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ въ силу божественнаго дыханія въ немъ опъ поставленъ царемъ и образомъ Божиимъ во всей природѣ. Равнымъ образомъ и второй Адамъ выше перваго у него лишь одною ступенью въ лѣстницѣ существъ, какъ первый Адамъ лишь одною ступенью выше животныхъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности Онъ былъ воплотившимся Сыномъ Божиимъ. Что вмѣстѣ съ этимъ церковно-библейское ученіе о троичности рѣшительно подрывается, это само собою понятно“. Ауберленъ при этомъ замѣчаетъ, что современные протестантскіе мыслители вообще на мѣсто Шлейермахеровскаго самосообщенія Божества принимаютъ самовозвышеніе человѣческаго къ божественному, а потому вмѣсто воплощенія Божества говорятъ объ обожествленіи человѣка, т. е. впадаютъ въ заблужденія несторіанскія. Такова-то богословская спе-

буляція по своимъ послѣдствіямъ. Охотно допускаемъ, что частности не должны быть возводимы въ общую норму и ошибки нѣкоторыхъ мыслителей, даже многихъ, не должны быть усвоены всеѣмъ. Но когда отождествляютъ откровенную истину съ научною, когда превращаютъ вѣру въ спекуляцію, словомъ когда не признаютъ церковнаго авторитета достаточнымъ и убѣдительнымъ, а ищутъ субъективной сознательности, тогда подвергаются величайшей опасности потери и извращенія откровенной истины. Вѣра христіанская не есть ни логическая вынужденность, ни спекулятивная послѣдовательность. Она есть свободное, добровольное сочетаніе нашего духа при посредствѣ Духа Святаго, дѣйствующаго въ Церкви, съ высочайшимъ Божествомъ.

Говоря о сознательности и убѣдительности религіозной истины, нѣкоторые изъ протестантовъ охотно признаютъ односторонность своихъ системъ и даже цѣлыхъ конфессій. „Наше стремленіе, говоритъ на примѣръ Юлій Мюллеръ, представить истину въ связи есть лишь дѣтскій лепетъ въ сравненіи съ яснымъ знаніемъ, ожидающимъ насъ въ будущемъ; но горе намъ, если-бы мы потому самому, что не владемъ совершеннымъ знаніемъ, перестали честно трудиться надъ нашимъ несовершеннымъ знаніемъ“. Въ своихъ системахъ и конфессіяхъ они видятъ лишь временное выраженіе религіознаго сознанія, а не неизмѣнное и непогрѣшимое ученіе Церкви. Они отвергаютъ непогрѣшимость Церкви и усматриваютъ въ этой непогрѣшимости лишь средство закрѣпить и даже усилить іерархическій авторитетъ и удержать въ слѣпной покорности вѣрующихъ. Но эта непогрѣшимость, которой такъ боятся протестанты, римско-католическая, а не православная. Съ точки зрѣнія православной Церкви непогрѣшимость есть лишь церковное свидѣтельство объ ученіи постоянно принимаемомъ, постоянно признаваемомъ и постоянно исповѣдуемомъ во вселенской Церкви и въ этомъ смыслѣ, безъ сомнѣнія, не является никакого притязанія на усиленіе авторитета іерархіи и на закрѣпощеніе ея вѣрующихъ. При этой непогрѣшимости свобода вѣры сохраняется вполне и никто не вынуждаетъ вѣрую-

щихъ принимать догматы новые, странные, возмутительные для ихъ совѣсти. Прекрасно разсуждаетъ объ этой непогрѣшимости о. Владиміръ Гетте, когда говоритъ: „разсматриваемый съ точки зрѣнія римлянъ, догматъ непогрѣшимости недѣливъ, потому что онъ номѣщаетъ непогрѣшимость или въ одномъ человѣкѣ или въ нѣсколькихъ людяхъ, которые могутъ быть менѣе свѣдущи и менѣе разумны, чѣмъ многіе другіе, и которые однако-же усвояютъ себѣ, неизвѣстно почему и какъ, на эти случаи соприсутствіе Духа Святаго. Съ точки-же зрѣнія ученія православной Церкви, догматъ о непогрѣшимости Церкви совершенно разуменъ, и можетъ быть принимаемъ самою притязательною философіею; въ сущности онъ сводится на *достоверное свидѣтельство, непрерывно износимое христіанскимъ обществомъ о томъ ученіи, которое Христосъ и апостолы сообщали этому обществу*“. Прежде надобно заподозрить и отвергнуть несомнѣнные историческіе факты, заподозрить и отвергнуть всю исторію православной Церкви, чѣмъ усумниться въ этой непогрѣшимости, подтверждаемой несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствомъ всего христіанскаго общества.

Повторяемъ, и современное протестанство въ сущности есть лишь протестъ противъ католической автономіи; потому что, увы, и современный католицизмъ, очищенный и диетизированный на Тридентскомъ соборѣ, проникнутъ тѣми-же деспотическими началами, которыми былъ проникнутъ и до этого собора; тоже *jubemus*, которое возмущало первыхъ реформаторовъ, возмущаетъ и ихъ отдаленныхъ потомковъ; тоже *non possumus*, которое уничтожало свободу совѣсти прежде, уничтожаетъ ее и теперь; тоже *cogite intrare*, которое насилвало совѣсть прежде, насилуетъ ее и теперь. Церковь римская несправедлива; она и въ наши дни, по волѣ своего духовнаго главы, продолжаетъ создавать или устанавливать догматы странные, тяжелымъ гнетомъ ложащіеся на совѣсть ея членовъ; она и въ наши дни усвояетъ непогрѣшимому владыкѣ право дополнять, измѣнять и извращать откровенную истину въ ущербъ свободѣ изслѣдованія и свободѣ убѣжденія. Довольно

вспомнить при этомъ новѣйшіе латинскіе догматы о непорочномъ зачатіи и панской непогрѣшимости *ex cathedra*. Правда современные католическіе писатели стараются смягчить это страшное панское право и, въ извиненіе страсти своей церкви догматизировать, выдумываютъ теорію развитія религіозныхъ идей. Богословы Меллеръ и Ньюманъ говорятъ, что не ихъ верховный іерархъ создаетъ новые догматы, но сама религіозная истина, развивающаяся въ сознаниіи вѣрующихъ, требуетъ своего дополненія, дальнѣйшаго раскрытія и затѣмъ догматическаго формулированія. Но это не видѣть, что эта теорія выдумана только для прикрытія незаконныхъ дѣйствій папства, и есть не болѣе, какъ благовидная маска? Кто не видѣть, что она есть лишь оправданіе притязаній на право божественное? Но и эта новая теорія развитія религіозной истины нисколько не спасаетъ вѣрующихъ отъ мучительнаго и тяжелаго предположенія, что непогрѣшимый верховный іерархъ католической церкви завтра-же, во имя этой теоріи, возведетъ въ догматы положенія произвольныя, деспотическія и противорѣчающія истинному христіанству. Что же удивительнаго послѣ этого, если и современные намъ протестанты, въ виду опасности отъ католичества, отъ ига католической іерархіи, вдаются въ противоположныя крайности и говорятъ о свободѣ религіозныхъ убѣжденій, о сознательности этихъ убѣжденій, граничащихъ съ догматическою безсодержательностію и пустотсю? Крайнія воззрѣнія могутъ побѣждаться или, по крайней мѣрѣ, ограничиваться только крайнимъ-же воззрѣніемъ, какъ крайній консерватизмъ ограничивается крайнимъ прогрессизмомъ. И современное намъ протестантство есть въ сущности отрпцаніе католичества; протестантство и католичество—это положительный и отрицательный полюсы одной и той-же западной силы.

Но говорятъ, въ этомъ раздвоеніи силы, въ этомъ теченіи ея въ двухъ противоположныхъ формахъ или проявленіяхъ и состоитъ живучесть силы, ея движеніе; прогрессъ. Охотно допускаемъ, что по планамъ божественнаго Провидѣнія, и міръ католическій и міръ протестантскій идутъ къ болѣе глубокому и бо-

лѣе жизненному пониманію откровенной истины, что въ этомъ общемъ смыслѣ изъ напряженной борьбы католичества съ протестантствомъ христіанство выйдетъ торжествующимъ, побѣдоноснымъ, что вселенская Церковь рано или поздно стяхнетъ, наконецъ, съ себя средневѣковую пыль протестантства и католичества, нависшую на ея свѣтлую ризу. Но вопросъ состоитъ именно въ томъ, существуетъ-ли прогрессъ вѣроисповѣдній для каждаго вѣроисповѣданія въ частности? Не надобно-ли признать, что оба враждующія вѣроисповѣданія съ теченіемъ времени только яснѣе обнаруживаютъ свои крайности и односторонности, что въ своей напряженной взаимной борьбѣ они истощаютъ свои силы и что поэтому, если надобно допустить прогрессъ, то прогрессъ въ отрицательномъ смыслѣ, а не въ положительномъ, т. е. въ сознаніи ошибокъ съ обѣихъ сторонъ, но безъ прямого движенія къ чистой истинѣ. Самы протестанты признаютъ положительный прогрессъ за своимъ новѣйшимъ вѣроученіемъ. Они не сомнѣваются въ этомъ прогрессѣ при всемъ своемъ субъективизмѣ. Вотъ на примѣръ что говоритъ Бауръ, глава новогюбингенцевъ, въ своей полемикѣ съ Меллеромъ и другими католическими богословами—апологетами по поводу этого субъективизма. „Субъективизмъ, говоритъ онъ, составляющій принципъ протестантства, не есть субъективный произволъ, но субъективная свобода, и эта субъективная свобода, посредствомъ которой протестантство достигаетъ своего собственнаго бытія, совершенно необходима, есть въ самомъ существѣ духа заложенный прогрессъ отъ объективности къ субъективности, къ свободѣ и автономіи субъекта. По тому-же самому праву, по которому говорятъ, что духъ не былъ-бы духомъ, т. е. живымъ имманентнымъ процессомъ посредства съ самимъ собою, если-бы онъ былъ только объективнымъ, а не и субъективнымъ вмѣстѣ,—надобно сказать также, что духъ не былъ-бы субъективнымъ, какимъ онъ долженъ быть, т. е. свободнымъ самосознающимъ субъектомъ, если-бы не совершилось послѣдовательное развитіе духа отъ католичества къ протестантству. Только изъ существа духа можно понять сущность и необходимость протес-

тантства, потому что протестантство есть самъ себя опредѣляющій духъ въ безконечности своего субъективизма, въ абсолютности своего самосознанія. Что можетъ быть признано высочайшимъ принципомъ духа, все это существуетъ для самосознанія, и посредствомъ этого имѣетъ свою истинную реальность только въ томъ, что самосознаніе признаетъ себя съ нимъ единымъ, а это и есть принципъ протестантства. Говоря это, мы въ сущности утверждаемъ не что-либо другое, какъ только то, что общенародно выражаютъ слѣдующимъ образомъ: въ протестантствѣ изъ состоянія несовершенности и несамостоятельности, изъ состоянія опекуства, въ которомъ каждое отдѣльное лицо находится въ католичествѣ, переходятъ въ состояніе возмужалости и самостоятельности, при которомъ человѣкъ не долженъ быть руководимъ и опекаемъ стороннимъ авторитетомъ, но долженъ во всемъ, имѣющемъ субъективнѣйшее отношеніе къ нему, стоять на собственныхъ ногахъ, т. е. довѣять самому себѣ, опредѣлять себя разумно; посему, вмѣстѣ съ этимъ не только оправдывается бытіе протестантства, но и признается его необходимость. Эта возмужалость и самостоятельность, эта духовная свобода, которая протестантство предпочтительно предъ всѣмъ другимъ признаетъ существеннымъ правомъ свободы вѣры и свободы совѣсти, и есть его принципъ субъективности: какъ могутъ они признаваться лишь простымъ произволомъ? Такъ разсматриваемый католицизмъ и протестантизмъ представляются двумя формами или ступенями духовнаго развитія, которыя въ существенныхъ отношеніяхъ другъ къ другу могутъ быть поняты только изъ существа самаго духа. Право католицизма совершенно естественно, пока индивидуальный духъ въ своемъ самосознаніи не на столько еще окрѣпнѣлъ, чтобы сознать въ себѣ побужденіе освободиться отъ единства цѣлаго, съ которымъ онъ составляетъ непосредственное единое, и понять себя самостоятельнымъ. Но какъ только совершился этотъ необходимый въ самомъ себѣ разрывъ, тогда вмѣстѣ съ этимъ католицизмъ съ абсолютной точки зрѣнія, съ которою онъ прежде находился во внутренней связи, долженъ спойти на низшую

ступень, уже пройденную протестантствомъ. Если-же онъ и теперь захочетъ удержать за собою свое абсолютное значеніе, то отсюда возникаетъ то противорѣчіе, въ которое впадаетъ католицизмъ съ самимъ собою, когда не признаетъ высшей ступени протестантства, относится къ нему отрицательно и даже не признаетъ права его существованія. Сказать, что въ католицизмѣ все истина, а въ протестантствѣ все заблужденіе, просто смѣшно, потому что каждый знаетъ, что въ дѣйствительности нѣтъ подобнаго дуализма. Это чистѣйшая напраслина. Поелику-же подобное утвержденіе, выдающее ложь за истину, можетъ поддерживаться только обманомъ, то отсюда и возникаетъ та двусмысленность, та нечестность, та софистическая и іезунтская манера писанія, отъ которыхъ не свободна и Мёллеровская символика, потому что эта манера принадлежитъ къ природѣ католической полемики. А такъ какъ протестантство не имѣетъ никакого интереса понимать дѣло иначе, чѣмъ оно въ дѣйствительности есть, то у него является одинъ только научный интересъ низводить католицизмъ на низшую ступень и признавать его поддерживаемымъ однимъ лишь іерархическимъ авторитетомъ. Не хотѣть признать за протестантствомъ историческаго права существованія, потому что имѣютъ особенныя причины не желать этого, или, такъ какъ это нежеланіе надобно признать простою невозможностію, то католицизмъ оказывается субъективно неспособнымъ, сообразно съ общимъ ходомъ духовнаго развитія, перейти отъ низшей ступени къ высшей. Католицизмъ примыкаетъ къ прошедшему, признаваемому имъ за абсолютную истину, а протестантство есть безконечный прогрессъ, въ которомъ субъективное и произвольное всегда есть только уничтожающій себя моментъ всеобщаго процесса развитія* *).

Мы позволимъ себѣ привести эту довольно большую выдержку изъ церковной исторіи извѣстнаго въ протестантскомъ мірѣ историка Баура, съ цѣлію показать, какъ смотрятъ современные протестанты и какъ оправдываютъ свой религіозный субъекти-

*) Kirchengeschichte des neunzehnten Jahrhunderts. ibid. S. 315—317.

визмъ, котораго отвергать не могутъ. Намъ очень мало интересуется опредѣленіе вопроса о томъ, кто стоитъ на высшей ступени развитія человѣческаго духа, протестантство или католичество; мы даже не хотимъ говорить объ этомъ, но мы не можемъ не замѣтить въ общемъ смыслѣ, что рѣшеніе вопроса о превосходствѣ того или другаго вѣроисповѣданія не зависить отъ простой исторической послѣдовательности событій, т. е. отъ того, что одно вѣроисповѣданіе является позже, или раньше другаго, что такъ какъ протестантство явилось позже католичества, то поэтому самому оно будто-бы принесло съ собою новую или высшую ступень развитія человѣческаго духа. Не всегда новое есть уже по этому самому лучшее и совершеннѣйшее прежняго. Исторія заноситъ въ свои лѣтописи пройденныя духомъ ступени развитія; но эти ступени не всегда идутъ правильно, непрерывно и послѣдовательно, какъ это утверждаетъ гегельянская философія. Исторія знаетъ, что духъ человѣческій можетъ развиваться, а слѣдовательно и проявлять себя въ событіяхъ въ двухъ направленіяхъ, въ положительномъ и отрицательномъ, желательномъ или нежелательномъ. Не признавая этого историческаго факта, пришлось-бы признать напр., магометанство, явившееся позже христіанства, высшею ступенюю человѣческаго духа сравнительно съ самимъ христіанствомъ. Очевидно, что для опредѣленія дѣйствительнаго прогресса, дѣйствительнаго развитія нашего духа должна быть принимаема во вниманіе не историческая послѣдовательность событій, а другая норма. Какая-же? Субъективизмъ, отвѣчаетъ Бауръ. Въ субъективизмѣ, говоритъ онъ, состоитъ развитіе человѣческаго духа, переходъ отъ объективнаго пониманія къ субъективному; гдѣ нѣтъ субъективизма, тамъ нѣтъ этого развитія, тамъ неподвижность, тамъ застой. Съ пантеистической точки зрѣнія, это положеніе, конечно, можетъ представляться справедливымъ. Когда признаютъ всякое субъективное развитіе наше лишь необходимымъ моментомъ развивающагося безусловнаго духа, когда смѣшиваютъ развивающееся человѣческое сознаніе съ неизмѣннымъ сознаніемъ Божества: тогда имѣютъ право признавать

всякій субъективизмъ человѣческой необходимостью или дополнительнымъ моментомъ развивающагося сознанія божественнаго; тогда даже имѣютъ право утверждать, что субъективизмъ, какъ второй моментъ въ процессѣ развитія абсолютнаго духа, выше объективизма, т. е. первоначальнаго положенія духа, какъ перваго момента этого развитія. Но пантеизмъ не есть единственная и притомъ не есть правильная точка зрѣнія на это дѣло. Когда признаютъ личнаго Бога, Творца, Промыслителя и Искупителя; когда не смѣшиваютъ сознанія человѣческаго съ неизмѣннымъ сознаніемъ божественнымъ; тогда безспорно имѣютъ право требовать, чтобы человѣческой субъективизмъ находился въ полномъ согласіи съ объективизмомъ божественнымъ, т. е. чтобы доступная намъ человѣческая истина раскрывалась, устанавливалась и повѣрялась истиною божественною, Богомъ открытою и Богомъ данною; словомъ, тогда имѣютъ право требовать, чтобы субъективное сознаніе находилось въ полной гармоніи съ объективной истиною. И только смотря потому, на сколько субъективное сознаніе приближается къ пониманію объективной истины или уклоняется отъ этого пониманія, его надобно признавать прогрессирующимъ или регрессирующимъ, восходящимъ на высшую ступень развитія, или ниспадающимъ на ступени низшія. Бауръ говоритъ, что только при субъективизмѣ можетъ существовать свобода развивающагося человѣческаго сознанія и что только эта свобода должна быть признаваема мѣрою нашей возмужалости и полноправности. Но эта свобода, если только не смѣшивать ее съ произволомъ и самоволіемъ, есть свобода логическая, а не высшая, нравственная свобода. Возможность и даже необходимость дѣлать выводы, строить богословскія и философскія системы, конечно, условливается сколько нашею свободою мысли, столько-же и собраннымъ нами матеріаломъ знанія; но эта свобода въ нравственномъ отношеніи гораздо ниже той свободы, когда человѣкъ сознательно и разумно подчиняетъ свой умъ уму Высочайшему, когда полагаетъ справедливыя границы между своимъ ограниченнымъ вѣдѣніемъ и божественнымъ всевѣдѣніемъ. Прекрасно разсуждаетъ объ этомъ пред

метѣ преосвященный Амвросій, когда говоритъ: „христіанская свобода мысли есть право и способность ума просвѣщаемого учениемъ Христовымъ углубляться въ тайны міра духовнаго и возвышаться къ познанію божественной истины подъ руководствомъ отцевъ Церкви съ строгою вѣрностію началамъ и духу божественнаго откровенія, разумно пользуясь наукою человѣческаго и отрѣвая всякія заблужденія ума“ *). Такъ учатъ православные богословы. Отсюда-же открывается и то, на сколько правъ Бауръ, когда говоритъ, что при субъективизмѣ сохраняется автономія развивающагося человѣческаго духа и что будто-бы безъ субъективизма нѣтъ этой автономіи. Конечно, только пантеистъ можетъ говорить объ абсолютной автономіи человѣческаго духа, но наша автономія не безусловна; она ограничена природою нашего знанія, всегда относительнаго, всегда несовершеннаго; и еще болѣе ограничена божественною волею, которая обязываетъ и заставляетъ насъ принимать истину такою, какою дастъ намъ откровеніе естественное и сверхъестественное. Можно сказать даже болѣе, мы сохранимъ свою истинную или правильную автономію лишь тогда, когда будемъ развиваться въ границахъ высочайшей автономіи и въ строгой гармоніи съ нею. Безъ соблюденія-же этого условія наша автономія можетъ превратиться въ гетерономію, въ самомъ худшемъ смыслѣ этого слова. Бауръ говоритъ еще, что только при субъективизмѣ духъ нашъ достигнетъ единства самосознанія и что безъ этого субъективизма онъ всегда долженъ оставаться на ступени раздвоенности и даже противорѣчія. Единство развивающагося сознанія,—прекрасное, желанное состояніе человѣческаго духа; напротивъ того, раздвоенность и противорѣчіе—состояніе тяжелое, мучительное. Но мы сильно сомнѣваемся, чтобы это единство сознанія достигалось въ протестантскомъ мірѣ при религіозномъ субъективизмѣ, хотя Бауръ и признаетъ его высочайшимъ принципомъ протестантства. Субъективизмъ научный или религіозный, если признать его необходимою принадлежностью каждаго индивидуальнаго сознанія, можетъ дать намъ единство

*) Два публичн. чт. о свободѣ и пр. *ibid.* Стр. 31—2.

сознанія неопредѣленное, сомнительное и мимолетное. Мыслящій человѣкъ въ дѣлѣ изысканія истины или достиженія единства своего сознанія не можетъ ограничиться однимъ своими субъективными мнѣніями и предположеніями, какъ-бы они ни были согласны съ извѣстными ему опытами и фактами, но ищетъ провѣрки ихъ и соглашенія съ убѣжденіями другихъ людей, ищетъ разширенія и укрѣпленія своихъ знаній убѣжденіемъ научнымъ, отличающемся характеромъ всеобщности и необходимости. Только тотъ субъективизмъ, который отличается этими чертами всеобщности и необходимости, долженъ быть признанъ идеальнымъ субъективизмомъ, идеальнымъ состояніемъ нашего духа. Но подобный субъективизмъ есть вѣнецъ развитія и возможенъ только при концѣ полнаго или идеальнаго развитія. Можно-ли тоже самое утверждать о субъективизмѣ индивидуальномъ, несовершенномъ, конечномъ? Можно-ли думать, что этотъ субъективизмъ дастъ намъ единство сознанія и убѣжденія? Конечно, нѣтъ! Бауръ говоритъ, наконецъ, что субъективизмъ есть живой имманентный процессъ посредства духа съ самимъ собою и что только при посредствѣ этого процесса объективная истина становится собственностію духа, его неотъемлемымъ достояніемъ. Другими словами, только при сознательномъ убѣжденіи доступная намъ истина перестаетъ быть для насъ вѣншею, чужою и становится нашею личною истиною. Но сознательность убѣжденія не есть единственный путь убѣжденія въ религіозной истинѣ, какъ не есть единственный путь убѣжденія и во многихъ естественно-научныхъ истинахъ. Живая вѣра, точно также какъ и сознательное убѣжденіе, а иногда даже гораздо болѣе сознательнаго убѣжденія, владѣетъ истиною, любитъ ее и наслаждается ею. Только при сомнѣніи и скептицизмѣ возможенъ раздвоенность и противорѣчія сознанія, при живой-же вѣрѣ ихъ нѣтъ для нашего духа. При томъ же сознательность убѣжденія, какъ мы уже замѣчали, не должна приводить насъ къ потерѣ религіозной истины, ея извращенію и даже отрицанію; иначе, вмѣсто усвоенія истины, могутъ получиться результаты отрицательные. Но, говорятъ, какая важность

въ этихъ единичныхъ или индивидуальныхъ отрицательныхъ результатахъ? Въ общемъ непремѣнно получаются результаты положительные; только этимъ путемъ человѣческое сознаніе въ концѣ концовъ глубже пойметъ религіозную истину и яснѣе сознаетъ ее. Въ этомъ будто-бы несомнѣнно убѣждаетъ насъ исторія развитія новѣйшей протестантской религіозной мысли. Вотъ что, напримеръ, говоритъ Луберленъ, разсуждая о послѣднихъ успѣхахъ протестантства. „Теперь, говоритъ онъ, вопросъ состоитъ уже не въ томъ, устоитъ-ли откровеніе передъ разумомъ, вѣра передъ знаніемъ; но ежедневно наше сознаніе проникается болѣе и болѣе убѣжденіемъ, что именно только на основѣ вѣры и возможно истинное знаніе. Невѣріе приводитъ къ тому Фейербаховскому нигилизму, который похищаетъ у человѣчества благороднѣйшія думы и блага, и весь міръ съ его высочайшими и святѣйшими стремленіями превращаетъ въ домъ умалишенныхъ. Необходимымъ послѣдствіемъ этого нигилизма является тотъ матеріализмъ, который дѣлаетъ невозможными не только религію, но и искусство, и науку, всю нравственную, политическую, социальную жизнь и низводитъ человѣчество въ состояніе животности. Съ другой стороны, теперь болѣе и болѣе признаютъ, что христіанство находится въ связи со всѣми силами жизни и для своего допущенія или предположенія требуетъ не какихъ-либо иныхъ условій, кромѣ тѣхъ, на которыхъ стоитъ міръ“. Откровеніе спасенія является вѣнчающимъ завершеніемъ всѣхъ предшествовавшихъ богооткровеній съ первоначальныхъ моментовъ творенія. Въ этомъ величественномъ смыслѣ разрабатывать откровенное знаніе, съ этого божественнаго средоточнаго пункта обнимать умомъ всеобъемлющія міровыя условія—вотъ задача, которая все болѣе и болѣе сознается богословіемъ и философіею. Оно то именно и разрабатывается въ догматическихъ трудахъ современныхъ теологовъ. Міръ долженъ признать, что невозможно во имя природы или разума или совѣсти отказываться отъ христіанства, что оно сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ эти силы и что только оно приводитъ ихъ къ истинной свободѣ и завершенію. Окончательное рѣ-

шеніе, слѣдовательно, должно стать однимъ лишь вопросомъ воли, чтобы „она не имѣла уже никакого извиненія“ *). Прекрасно. Но это богословское и философское сознаніе, уже будто-бы приближающееся въ протестантствѣ къ болѣе полному и жизненному усвоенію себя христіанства, потому-ли идетъ по пути прогресса въ этомъ отношеніи, что остается вѣрнымъ протестантству, какъ особенной вѣроисповѣдной формѣ? Напротивъ, не потому-ли оно прогрессируетъ, каковъ-бы ни былъ этотъ прогрессъ, что отрицаетъ первоначальное протестантство? Кто хотя немного знакомъ съ современнымъ движеніемъ протестантской мысли, тотъ не будетъ колебаться въ рѣшеніи этого вопроса ни на минуту. Да, современное намъ протестантство, говоря словами профессора Гренкова, пошло гораздо далѣе той вѣроисповѣдной формы, въ которой оно явилось въ началѣ своей исторіи. На первыхъ порахъ оно было простымъ отрицаніемъ католичества, всѣ его отличительныя догматы были лишь обратной стороною католической доктрины; оно и теперь отрицаетъ это католичество, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно уже отрицаетъ и первоначальную вѣроисповѣдную форму свою и, такимъ образомъ, какъ говоритъ г. Гренковъ, оно очутилось въ формѣ „универсальнаго“ христіанства, понимая эту универсальность въ смыслѣ безграничности идей. „Въ этой широтѣ и безграничности религіозныхъ идей заключается необыкновенная производительность и своеобразно творческій полетъ богословствующей мысли протестантскаго богослова. Тянется длинный рядъ теологовъ, изъ которыхъ каждый строитъ свою систему, свое міровоззрѣніе и образуется, такимъ образомъ, цѣлый kaleidoscope разнообразныхъ фигуръ“. „Разнообразныя школы чередуются одна за другою, сталкиваются между собою, дополняютъ или ограничиваютъ другъ друга и исторія такого движенія представляетъ много пищи для любознательности и драматизма для художественнаго впечатлѣнія“ **). Безъ сомнѣнія, съ этимъ нельзя не согласиться. Но въ этой необыкновенной производи-

*) Die göttliche Offenbarung Auberlen's, *ibid.* S. 393.

***) Главн. напр. и въм. богосл. Гренкова *ibid.* предсл. стр. VI.

тельности, въ этой непрерывной смѣнѣ системъ, школь, направленій дѣйствительно-ли сказывается правильный или истинный послѣдовательный прогрессъ науки? Развитие субъективизма, рѣшеніе общихъ вопросовъ, постоянная смѣна направленій дѣйствительно-ли можетъ привести богослова къ познанію полной и цѣльной откровенной истины? Мы въ этомъ спльно сомнѣваемся. Истинный прогрессъ религіознаго вѣдѣнія существуетъ только тамъ, гдѣ индивидуальное сознаніе и общеобязательное христіанское ученіе находятся въ гармоніи, не насилуютъ и не исключаютъ другъ друга; истинный прогрессъ существуетъ только въ Церкви православной, въ которой свято хранится ученіе Іисуса Христа и его св. апостоловъ и въ которой индивидуальному сознанію даруется полная свобода и предоставляются все средства для разумнаго усвоенія себѣ этого божественнаго ученія и затѣмъ открывается прогрессъ безграничнаго нравственнаго развитія и усовершенствованія, составляющаго конечную цѣль познанія истины. Православный богословъ находитъ догматы богодарованнымъ, богооткровеннымъ, и этотъ характеръ для него догматы сохраняетъ тождественнымъ и неизмѣннымъ всегда, на какія-бы ступени развитія не входило его индивидуальное богословское сознаніе. Догматы останутся для насъ богооткровеннымъ, т. е. высочайше обязательнымъ, хотя-бы наше сознаніе достигло полнаго вѣдѣнія и усвоенія его. Для православнаго богослова, слѣдовательно, догматы не могутъ превратиться только въ субъективный и стать обязательнымъ во имя одного лишь субъективизма, во имя сознательнаго пониманія его; для православнаго богослова, при самомъ полномъ пониманіи и усвоеніи, догматы останутся всегда субъективно-объективнымъ, т. е. вполне понятнымъ, сколько это возможно человѣку и въ тоже время богодарованнымъ, богооткровеннымъ. Онъ всегда будетъ принимать догматы не по одному только субъективному убѣжденію въ нихъ, но и по общеобязательному характеру догмата. Въсѣтъ съ этимъ свободному движенію, свободному прогрессу усвоенія и пониманія указываетъ ясная цѣль и обозначаются точныя границы. Каждый разъ,

когда индивидуальное сознание богослова уклоняется отъ этой цѣли и переступаетъ эти границы, когда впадаетъ въ исключительный субъективизмъ, смежный съ произволомъ и своемысліемъ, его предохраняють отъ ложнаго пути и говорятъ, что его субъективизмъ долженъ подчиниться объективизму, т. е. общеобязательному ученію православной Церкви, если только онъ не желаетъ развиваться внѣ союза съ св. Церковію и отдѣлится отъ нея. Но тамъ, гдѣ этого нѣтъ, гдѣ индивидуальный прогрессъ развитія и пониманія религіозной истины идетъ правильно, тамъ научному или сознательному пониманію истины предоставляется полная и широкая свобода движенія, тамъ свобода прогресса обезпечена вполнѣ, и практическимъ путемъ развѣтвляется въ жизнь научной, нравственной, художественной, общественной, семейной и пр. Только такой прогрессъ есть истинный прогрессъ; только такой прогрессъ возможенъ и дѣйствительно существуетъ въ Церкви православной. Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ предметѣ преосвященный Амвросій: „по духу православной Церкви на этомъ поприщѣ (т. е. на поприщѣ религіознаго развитія) должны прежде всего подвизаться служители Церкви, какъ призванные проповѣдники Христовой истины; но Церковь наша признавала всегда и за мірянами право писать на пользу вѣрующаго всякаго рода духовныя сочиненія и тѣ вѣка, когда міряне съ любовію и ревностію посвящали свои таланты и труды на пользу Церкви, почитаются цвѣтущими временами духовнаго просвѣщенія. Благодареніе Богу, наша духовная литература съ возникновеніемъ вѣсныхъ духовныхъ училищъ, т. е. съ конца прошедшаго и во все текущее столѣтіе, обогатилась многими превосходными твореніями пастырей Церкви. Но нельзя сказать, чтобы ихъ было достаточно для просвѣщенія нашего многомилліоннаго народа, въ большинствѣ своемъ въ ученіи вѣры темнаго, поработченнаго суевѣріямъ, легко попадающаго въ руки сектантовъ и расколо-учителей: *жества многи, дѣлателей-же мало*. Умноженіе духовныхъ сочиненій во всѣхъ родахъ въ видѣ упрощенномъ, къ понятіямъ народа приближенномъ и въ изданіяхъ удешевленныхъ—весьма же-

лательно. Это и идетъ съ Божіею помощію хотя и тихо, и при умноженіи періодическихъ духовныхъ изданій и отдѣльныхъ сочиненій* *). Мы должны сознаться, что этотъ прогрессъ, это развитіе религіознаго сознанія идетъ очень медленно и очень тихо, и только въ самое послѣднее время замѣтно большее оживленіе его. Мы вполне раздѣляемъ въ этомъ отношеніи убѣжденіе почтеннаго о. Владимира Гетте, когда онъ говоритъ: „православное духовенство, окруженное народомъ преданнымъ и некренно вѣрующимъ, не сознавало до сихъ поръ необходимости изученія церковныхъ наукъ въ той степени, какъ этого можно было-бы желать. Мы не упречаемъ его въ этомъ, подобно нѣкоторымъ папистическимъ священникамъ или протестантскимъ пасторамъ, которыхъ претензія на ученость положительно смѣшна; но мы утверждаемъ (и все православные священники безъ труда съ этимъ согласятся), что научное движеніе еще недостаточно развито въ средѣ православнаго духовенства“ **). Повторяемъ, мы раздѣляемъ это убѣжденіе. Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что это движеніе существуетъ, идетъ прямымъ и правильнымъ путемъ, и въ послѣднее время даже замѣтно успивается и расширяется; между тѣмъ какъ этого нельзя сказать о протестантахъ, судя по общему направленію протестантской религіозной мысли. Престанты усвоили себѣ формулу: *credo, ergo salver* (вѣрую, слѣдовательно спасаюсь). На протестантскомъ опытѣ формула эта оказалась несостоятельною; она привела протестантовъ или къ раціонализму, или къ безжизненному догматизму, или наконецъ къ мечтательному піэтизму, т. е. къ мечтательному погруженію въ одно лишь религіозное чувство. Въ виду этого современные протестанты уже переменяютъ формулу и говорятъ: *credo, ergo intelligo* (вѣрую, слѣдовательно разумѣю). Другими словами: престанты усвоили себѣ только спасеніе, а новые уже признаютъ себя богомудрыми и богоросвѣщенными и, такимъ образомъ, переходятъ отъ одной крайности къ другой. Во имя своей новой

*) Два публнч. чт. и пр. *ibid.* стр. 33.

**) „Харьковск. Епарх. Вѣдомости“ 1883 г. № 37, стр. 585.

вѣроповѣдной формулы теософи уже проповѣдуютъ полный субъективизмъ, часто на половину христіанскій и на половину натуралистическій (чуть не языческій), не даютъ надлежащаго значенія Св. Писанію, выдаютъ въ странное самообольщеніе и выдаютъ свое ограниченное вѣдѣніе, ошибочное и одностороннее, за откровеніе всемірнаго Логоса, за какіе-то результаты своего богообщенія и богопросвѣщенія. Очевидно здѣсь нѣтъ еще дѣйствительнаго и правильнаго прогресса. Очевидно, истинная богословская формула еще не найдена въ протестантскомъ мірѣ, хотя она давно уже признана и свято хранится въ Церкви православной. Эта послѣдняя формула, которую когда-то принимала и церковь католическая, состоитъ въ строгомъ храненіи отцепрданнаго ученія, и въ прогрессивномъ ученіи одного этого ученія, и можетъ быть выражена словами: *credo, ut intelligam* (вѣрую, чтобы постепенно уразумѣвать). Только при этой формулѣ возможенъ истинный богословскій прогрессъ, только при этой формулѣ храненіе истины и послѣдовательное разумное усвоеніе ея, какъ двѣ силы, — центробѣжная и центростремительная, — могутъ находиться въ гармоніи между собою, единствѣ и закономѣрномъ соотношеніи.

М. Стояновъ.

СОСТАВЪ ФИЛОСОФІИ.

Если философія въ сравненіи съ другими науками, по самому понятію своему и по методу, есть наука систематическая по преимуществу, то такимъ характеромъ ея уже указывается на необходимость логически стройнаго выведенія частныхъ ея отдѣловъ (спеціальныхъ философскихъ наукъ) изъ какого либо общаго начала, при чемъ они представлялись-бы намъ въ такомъ-же правильномъ соотношеніи и взаимозависимости, въ какой находятся отдѣльные члены въ единомъ, живомъ и цѣльномъ организмѣ. Но этому идеальному требованію истинно научнаго знанія далеко не удовлетворяетъ философія, какъ показываетъ ея исторія. Разнообразіе понятій о философіи, о ея методѣ, о предѣлахъ и задачѣ философскаго познанія, естественно отразилось въ крайнемъ разнообразіи воззрѣній на самый составъ философіи, на порядокъ и взаимное отношеніе ея частей. Тѣ философскія науки, которыя съ точки зрѣнія одного философскаго направленія считаются важнѣйшими по своему содержанію (напримѣръ метафизика), другими философами совершенно исключаются изъ области научнаго знанія и изгоняются то въ область вѣры, то въ область поэзіи (напримѣръ у Ланге). Но и независимо отъ наукъ, самое существованіе которыхъ являлось предметомъ спора, даже среди тѣхъ наукъ, право гражданства которыхъ въ философскомъ мірѣ представляется безспорнымъ, нѣтъ, можно сказать, ни одной, относительно содержанія и значенія которой въ области философскаго знанія не возникало-бы разногласій. Что, повидимому, можетъ быть опредѣленнѣе и безспорнѣе содержанія логики и

психологін? Однако содержаніе той науки, которую мы обыкновенно называемъ логикою, и логики Гегеля существенно различно; первая есть наука о законахъ и формахъ мышленія, вторая—о законахъ и формахъ тождественнаго съ мышленіемъ бытія. Предметъ психологін,—душа человѣка и законы ея жизни, повидимому совершенно ясно и точно указываетъ на самостоятельную область знанія, обозначаемую этимъ именемъ. Однако-же Коптъ отвергаетъ самое существованіе психологін, какъ самостоятельной науки и видитъ въ ней только известный отдѣлъ біологін, трактующій „о церебральныхъ функціяхъ“.

При такомъ коренномъ различіи воззрѣній на задачу и содержаніе отдѣльныхъ философскихъ наукъ мы не станемъ перечислять и подвергать критическому разбору многочисленныя и разнообразныя воззрѣнія на составъ и распредѣленіе философскихъ наукъ, принадлежащихъ разнымъ философамъ. Подобнаго рода разборъ неизбежно увлекъ-бы насъ въ критику самыхъ основныхъ воззрѣній на философію, изъ которыхъ они послѣдовательно вытекаютъ. Мы ограничимся указаніемъ самыхъ общихъ и наиболѣе принятыхъ началъ классификаціи философскихъ наукъ, или, какъ выражается логика—*принциповъ дѣленія* философін, имѣя въ виду лишь тѣ системы, въ которыхъ идея философскаго знанія выразилась въ наибольшей полнотѣ и всесторонности. Таковы системы Платона и Аристотеля въ древнемъ мірѣ, системы Декарта, Вольфа, Канта, Шеллинга, Гегеля и Гербарта—въ новомъ. Сравнительная оцѣнка этихъ принциповъ и будетъ служить руководствомъ къ установленію правильнаго взгляда на составъ философін.

По свидѣтельству древнихъ *) Платонъ первый разсѣянный до него части философін соединилъ въ одно цѣлое и различилъ въ ней три части: діалектику или логику (*λογικὸν μέρος*), физику (*φυσικὸν μ.*) и этику (*ἠθικὸν μ.*). Но на самомъ дѣлѣ столь точнаго раздѣленія философін мы не встрѣчаемъ въ его сочиненіяхъ. Они не представляютъ намъ систематическаго изображенія его философін, равно какъ въ нихъ нѣтъ и опредѣленнаго раздѣленія ея на особенныя части или науки по строго опредѣленному какому-либо принципу дѣленія; порядокъ

*) Цицерона и Секста Эмпирика. См. *Uberweg's. Gesch. d. Phil. ed. 5 p. 1. 148*

ихъ скорѣе служить изображеніемъ исторіи его собственнаго мышленія. Въ большей части діалоговъ Платона, въ большей или меньшей степени, смѣшивается логическое, понческое и физическое содержаніе, и даже въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ онъ повидимому занимается спеціальными отдѣлами философіи, физика часто переходитъ въ понку и наоборотъ, такъ что каждый его діалогъ только приблизительно можетъ быть отнесенъ къ той или другой спеціальной философской наукѣ *). Отсюда видно, что свидѣтельства древнихъ о раздѣленіи философіи Платономъ должно понимать не въ строго буквальномъ смыслѣ. Они скорѣе выражаютъ мысль, какъ должна бы быть раздѣлена философія въ духѣ Платона, а что это дѣленіе дѣйствительно соотвѣтствуетъ этому духу, видно изъ того, что оно принято уже Ксенократомъ и ближайшими послѣдователями Платона. По мысли Платона діалектика въ системѣ философіи должна предшествовать другимъ философскимъ наукамъ, такъ какъ она раскрываетъ ученіе объ идеяхъ, съ точки зрѣнія которыхъ должны быть разсматриваемы конкретныя области познаваемаго; за нею слѣдуетъ физика и, наконецъ, понка, которая у него имѣетъ своимъ предположеніемъ космологическое ученіе о душѣ міра и человѣка.

Аристотелю обыкновенно приписываютъ раздѣленіе философіи на теоретическую и практическую. Но и объ этомъ раздѣленіи, точно такъ же какъ и о Платоновомъ, должно сказать, что оно выражаетъ собою только мысль Аристотеля о составѣ философіи,—мысль, раскрытіе которой принадлежитъ его послѣдователямъ. На самомъ-же дѣлѣ изъ его сочиненій трудно вывести какое-либо опредѣленное систематическое раздѣленіе философіи. Каждое его сочиненіе образуетъ собою какъ-бы самостоятельную и законченную монографію; при томъ-же, какъ извѣстно, тотъ систематическій порядокъ, въ какомъ теперь

---

*) Такъ, напримѣръ, въ „Тимей“ преобладаетъ физическій элементъ, въ „Республикѣ“ понческій. Въ „Тэтетѣ“ Платонъ отъ нравственныхъ понцій переходитъ къ метафизическимъ, разъясняя понятія чувственнаго познанія и бытія и утверждая реальность идей въ познаніи умственномъ; въ трилогіи „Софистъ“, раскрываетъ взаимное отношеніе идей, а въ „Парменидѣ“ отношеніе ихъ къ міру явленій,—такъ что по содержанію ихъ, эти діалоги могутъ быть отнесены къ діалектической части его философіи.

представляются его сочиненія, принадлежить не ему, а довольно позднимъ редакторамъ его сочиненій. Правда, Аристотель различаетъ теоретическую и практическую философію (*λόγον θεωρητικόν καὶ λ. πρακτικόν*); но въ тоже время онъ какъ будто ставитъ впереди той и другой то свои логическія изслѣдованія, то первую философію (метафизику); иногда-же, согласно съ Платономъ, говоритъ о трехъ частяхъ философіи: діалектикѣ (логикѣ), физикѣ и нѣнкѣ. Последняго рода раздѣленіе, впрочемъ, было наиболѣе употребительнымъ въ послѣдній періодъ греческой философіи.

По мнѣнію Декарта предшествующею ступенью къ истинной философіи должна быть логика. За нею слѣдуетъ *prima philosophia* или метафизика; она заключаетъ въ себѣ начала философскаго познанія, служація для раскрытія понятій о Богѣ и Его свойствахъ, о безсмертіи нашей души и вообще всѣхъ ясныхъ и простыхъ понятій, которыя мы находимъ въ нашемъ разумѣ. Вторая часть философіи есть физика, въ которой, послѣ того какъ открыты истинныя начала матеріальныхъ вещей, содержатся изслѣдованія о строеніи цѣлой вселенной вообще, затѣмъ въ частности—о природѣ нашей земли, воды, воздуха, магнита и другихъ минераловъ, о природѣ растений, животныхъ и преимущественно человѣка. Вся философія въ совокупности есть дерево, корень котораго метафизика, стволъ—физика, а расходящіяся вѣтви—всѣ другія науки, изъ которыхъ болѣе важны три: медицина, механика и нѣнка. Но выше и совершеннѣе всѣхъ ихъ есть нѣнка, которая предполагаетъ полное знаніе всѣхъ прочихъ наукъ и составляетъ послѣднюю и высшую степень мудрости.

Впрочемъ, планъ философіи, начертанный Декартомъ, далеко не выдержанъ и не выполненъ имъ въ собственной его философіи. Первый опытъ дѣйствительно систематическаго раздѣленія философскихъ наукъ и выполненія его на дѣль принадлежитъ Вольфу. Онъ дѣлитъ философію на теоретическую и практическую. Къ первой относятся: логика (въ которой онъ отличаетъ чистую логику, прикладную и методологію) и метафизика, заключающая въ себѣ онтологію, рачіональную психологію, космологію и теологію. Къ практиче-

ской философіи относятся неюка и философія права. Систематика философскихъ наукъ Вольфа была господствующею въ философскомъ мірѣ до Канта, да и до настоящаго времени она очень употребительна, преимущественно въ учебныхъ курсахъ философіи.

Философія Канта по преимуществу есть критическое изслѣдованіе нашей познавательной способности. Сообразно съ своею субъективно-идеалистическою точкою зрѣнія на познаніе, онъ и основанія для раздѣленія философіи долженъ былъ искать въ самыхъ субъективныхъ свойствахъ нашей познавательной силы; сколько сторонъ или основныхъ направленій онъ замѣчалъ въ этой силѣ, на столько-же частей должна быть раздѣлена и его критическая философія. Въ познавательной способности онъ отличалъ разумъ теоретическій, практическій и занимающую средину между ними способность (эстетическаго и телеологическаго) сужденія (Urtheilskraft). Отсюда его философія слагается: а) изъ критики чистаго или теоретическаго разума, гдѣ въ трансцендентальной эстетикѣ онъ подвергаетъ изслѣдованію чувственный опытъ, въ трансцендентальной аналитикѣ изслѣдуетъ происхожденіе и значеніе категорическихъ понятій разсудка, и въ трансцендентальной діалектикѣ разсматриваетъ находящіяся въ умѣ идеи души, міра и Божества; б) изъ критики разума практическаго, гдѣ въ аналитикѣ, разсматриваются понятія о свободѣ и нравственности, а въ діалектикѣ содержатся изслѣдованія о высочайшемъ благѣ и о соединенныхъ съ понятіемъ его постулатахъ: бытія Божія и безсмертія души и, наконецъ в) изъ критики способности сужденія, въ которой также находятся аналитическая и діалектическая части и гдѣ разсматриваются эстетическія и телеологическія понятія нашего разума *).

*) Какъ извѣстно, кромѣ трехъ критикъ, занимающихъ центральное положеніе въ философіи Канта, у него есть и другія изслѣдованія, обнимающія собою цѣлыя отрасли философскаго знанія, напримѣръ: „Метафизическія основанія естествознанія“, „Основположеніе метафизики нравовъ“, „Метафизическія основанія ученія о правѣ“, „Религія въ предѣлахъ чистаго разума“, „Логика“, „Астрономія“; во указать мѣсто этихъ изслѣдованій въ общемъ систематическомъ строѣ его философіи, взаимную ихъ связь и отношеніе къ тремъ критикамъ, довольно затруднительно. Въ частности—о неопредѣленномъ положеніи логики въ системѣ Канта, см. Ueberweg, System der Logik. 1865. p. 42—44.

По Шеллингу, философія, которая должна быть научнымъ построениемъ абсолютнаго, какъ самого по себѣ, такъ и въ откровеніи его въ природѣ и духѣ, заключаетъ въ себѣ слѣдующія три части: 1) философію абсолютнаго, или ученіе объ абсолютномъ, какъ тождествѣ идеальнаго и реальнаго, самомъ по себѣ, какъ оно познается интеллектуальнымъ воззрѣніемъ ума и въ немъ само себя познаетъ; 2) философію природы, которая учитъ объ откровеніи абсолютнаго въ природѣ и о совершенномъ изображеніи міра интеллектуальнаго въ законахъ и формахъ міра являющагося, наконецъ 3) трансцендентальную философію или философію духа, которая: а) въ своей теоретической части, исходя изъ самосознанія, какъ начала знанія, развиваетъ его исторію по необходимымъ стадіямъ его развитія (ощущеніе, воззрѣніе, абстракція, дѣятельность воли); б) въ своей практической части раскрываетъ послѣдовательное откровеніе абсолютнаго въ опредѣленныя эпохи міра и, наконецъ, в) въ философіи искусствъ излагается ученіе о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ. Къ этимъ частямъ въ послѣдствіи Шеллингъ присоединилъ еще философію откровенія.

По мысли Гегеля философія есть научное знаніе (Wissenschaft) духа о себѣ самомъ,—духа, который соединяетъ въ себѣ все опредѣленія мышленія и бытія. Обосновать эту точку зрѣнія, такъ называемаго, абсолютнаго знанія или себя самого, какъ все бытіе сознающаго духа, должна пропедевтическая часть его философіи, — *феноменологія духа*, которая изображаетъ исторію *являющагося* сознанія, или развитіе смѣняющихся моментовъ сознанія (чувственная увѣренность, воспріятіе, разсудокъ, умъ), на пути къ философскому знанію. Затѣмъ, какъ скоро діалектическимъ путемъ утверждены принципы философіи, она, исходя изъ него, образуетъ слѣдующіе три части: 1) логику,—ученіе о чистыхъ, лежащихъ въ основаніи всего природнаго и духовнаго бытія и мышленія, опредѣленіяхъ абсолютной идеи; 2) философію природы—ученіе о раскрытіи идеи въ состояніи ея инобытія и 3) философію духа или ученіе объ идеѣ въ ея возвращеніи изъ инобытія (Andersseyn) въ бытіе для себя (Fürsichseyn); ступени этого возвращенія: право, нравственность, государство, искусство, религія, фило-

софія, въ которыхъ идея выражается какъ духъ субъективный-объективный и абсолютный, даютъ собою содержаніе для частныхъ наукъ, входящихъ въ общую область философіи духа; каковы напр.: философія права, исторіи, религіи, искусства, исторія философіи.

Гербартъ опредѣляетъ философію какъ научную обработку (Bearbeitung) понятій. Различныя виды этой обработки: разъясненіе, исправленіе и дополненіе, служатъ основаніемъ къ раздѣленію философіи. Первая задача здѣсь въ томъ, чтобы сообщить понятіямъ ясность и раздѣльность. Ясность состоитъ въ различеніи одного понятія отъ другихъ, раздѣльность—въ различеніи признаковъ въ томъ-же (сложномъ) понятіи; для этой цѣли служитъ логика. Но такъ какъ дальнѣйшее разсмотрѣніе міра и насъ самихъ приводитъ къ такимъ понятіямъ, которыя, чѣмъ яснѣе становятся, тѣмъ менѣе кажутся соединимыми и согласимыми въ нашемъ мышленіи, то отсюда возникаетъ для философіи важная задача—измѣнить этого рода понятія такимъ образомъ, чтобы исчезли лежація въ нихъ логическія затрудненія; такое *исправленіе* составляетъ задачу всеобщей метафизики, къ которой, какъ ея примѣненія къ главнымъ предметамъ человѣческаго познанія, примыкаютъ: психологія, философія природы и философское ученіе о религіи. Наконецъ, существуютъ у насъ понятія, которыя хотя не требуютъ исправленія и измѣненія, но сопровождаются и въ-которымъ *дополненіемъ* въ нашемъ представленіи, которое состоитъ въ сопровождающемъ ихъ чувствѣ удовольствія или неудовольствія: наука о такого рода понятіяхъ есть эстетика.

Сравнивая представленныя нами раздѣленія философіи, принадлежація выдающимся философамъ древняго и новаго міра, легко можемъ замѣтить, что въ нихъ, не смотря на частныя отличія, проходятъ два главныя принципа дѣленія, которые мы можемъ назвать *субъективнымъ* и *объективнымъ*.

Первыя основанія для раздѣленія философіи на отдѣльныя науки ищеть въ субъектѣ, въ самомъ духѣ человѣческомъ, обращая вниманіе на отношеніе познаваемого къ различнымъ сторонамъ нашего духа. Если мы отличимъ двѣ главныя стороны въ обнаруженіи нашей психической жизни: познаніе и

дѣятельность, то будемъ имѣть двѣ части философіи: теоретическую и практическую. Въ первой будетъ относиться философское ученіе о знаніи (логика) и бытіи (метафизика); къ послѣдней—ученіе о нравственности и правѣ. Если-же, кромѣ теоретической и практической сторонъ, признаемъ, какъ отличную отъ нихъ и самостоятельную, область чувствованія, то должны будемъ включить въ составъ философіи, кромѣ двухъ указанныхъ частей, какъ равноправную съ ними третью—эстетику. Такимъ образомъ, логически правильное раздѣленіе философіи, на основаніи принципа субъективнаго, будетъ имѣть отношеніе къ тремъ высшимъ силамъ человѣческаго духа: разуму, волѣ и чувству, или точнѣе,—къ тремъ опредѣляющимъ нормальную дѣятельность этихъ силъ идеямъ: истины, добра и красоты.

Объективный принципъ дѣленія философіи, какъ показываетъ самое названіе, состоитъ въ томъ, что здѣсь обращается вниманіе не на различныя стороны познающаго субъекта, но на дѣйствительныя, коренныя различія въ самомъ познаваемомъ объектѣ. Но такъ какъ объектомъ для философіи служатъ все существующее вообще, въ какой мѣрѣ оно разсматривается съ идеальной или философской точки зрѣнія, то и основаніемъ для раздѣленія нашей науки должны быть признаны реальныя, коренныя отличія въ самомъ бытіи. Не касаясь различныхъ частныхъ раздѣленій философіи, основанныхъ на этомъ принципѣ, замѣтимъ только, что самое правильное построеніе системы философіи здѣсь могло-бы быть такое. Такъ какъ бытіе вообще, изслѣдованіемъ идеальной стороны котораго занимается наша наука, представляется намъ въ трехъ существенныхъ отличіяхъ: какъ бытіе абсолютное, бытіе духовное (ограниченное) и бытіе матеріальное, то и философія должна раздѣляться на три главныя части: на ученіе объ абсолютномъ (о Богѣ), на ученіе о духѣ и ученіе о природѣ,—на философію абсолютнаго, философію духа и философію природы. Ученіе о духѣ, кромѣ общаго ученія о душѣ (психологія), должно заключать въ себѣ и философское изслѣдованіе главныхъ сторонъ, въ которыхъ выражается жизнь духа,—знанія (логика и исторія философіи), практической

дѣятельности (иѣнка и философія права) и чувства изящнаго (эстетика). Что при объективномъ дѣленіи философіи ученіе объ абсолютномъ началѣ бытія должно предшествовать прочимъ философскимъ наукамъ и служить для нихъ основаніемъ, это само собою предполагается взаимнымъ отношеніемъ указанныхъ нами сторонъ бытія. Безусловное и во временномъ, и въ логическомъ порядкѣ бытія и знанія, должно предшествовать условному, какъ производящая его причина и основаніе. Поэтому строго объективная философія, желающая быть отображеніемъ или конструированіемъ сущаго въ нашемъ сознаніи, должна начинать съ абсолютнаго, какъ наивысшаго принципа бытія и знанія.

Что касается прежде всего до объективнаго принципа раздѣленія философіи, то конечно въ пользу его говоритъ то, что онъ основывается на реальныхъ отличіяхъ въ самомъ познаваемомъ объектѣ, а не на отношеніи къ нему нашего мышленія или нашихъ психическихъ силъ. II элементарная логика, хотя дозволяетъ различные принципы дѣленія одного и того же понятія, руководясь научною или практическою цѣлесообразностью дѣленія, но въ тоже время, какъ одно изъ идеальныхъ требованій раздѣленія, выставляетъ вѣ его *объективность*, т. е. требуетъ, чтобы мы раздѣляли понятіе такъ и на столько частей, какъ и сколько находится ихъ въ реально существующемъ предметѣ понятія. Но не смотря на это преимущество объективнаго принципа, мы должны отказаться отъ него, если припомнимъ, что говорили о методѣ философскаго познанія. Особенность философіи, которую она утверждаетъ за собою какъ преимущество предъ прочими науками, состоитъ въ томъ, что она, не такъ какъ другія науки, исходитъ не изъ предположеній или началъ, принимаемыхъ непосредственно и на вѣру, но изъ принциповъ, обоснованныхъ и доказанныхъ въ своей истинѣ. Но она противорѣчила бы самой себѣ, если бы начала съ понятій въ высшей степени важныхъ и содержательныхъ (какъ напримѣръ понятіе объ абсолютномъ началѣ бытія), не обосновавъ эти понятія, не разъяснивъ ихъ происхожденія въ нашемъ умѣ и степени достовѣрности. Этого мало; она должна не только обосновать эти понятія, но

предварительно доказать достоверность и тѣхъ самыхъ способъ и методовъ познанія, посредствомъ которыхъ мы достигаемъ такого обоснованія. Поэтому, если философія не хочетъ быть догматическою и антифилософскою на самыхъ первыхъ шагахъ своихъ, развивая свои положенія изъ началъ непосредственно припятыхъ и педоказанныхъ, то она не имѣетъ права начинать прямо съ ученія объ абсолютномъ и затѣмъ переходить къ понятіямъ о природѣ и духѣ. Она должна предварительно анализировать эти понятія и разъяснить ихъ гносеологическое значеніе. Но такое разъясненіе неизбѣжно предполагаетъ обращеніе отъ познаваемого объекта къ познающему субъекту, — къ анализу нашей познавательной дѣятельности.

Вообще должно замѣтить, что объективный принципъ раздѣленія философіи во всей строгости можетъ быть выдержанъ только въ идеалистической философіи. Только эта философія, пренебрегая обыкновеннымъ разсудочнымъ мышленіемъ, какъ низшею стадіею знанія, можетъ допустить, подобно Шеллингу, интеллектуальное воззрѣніе, для котораго непосредственно открывается философствующему уму первое начало знанія и бытія, изъ котораго затѣмъ путемъ чистаго мышленія можетъ быть выведено все содержаніе философіи. Только эта философія, исходя изъ своего положенія о тождествѣ мышленія и бытія, какъ у Гегеля, можетъ освободить себя отъ труда предварительнаго изслѣдованія мышленія и знанія, потому что, по ея мнѣнію, все то, что она будетъ говорить о бытіи и его законахъ, будетъ относиться и къ мышленію и его законамъ. Логика и метафизика для нея будутъ совпадать, какъ это мы видимъ у Гегеля и отчасти у Платона, діалектика котораго также, какъ логика перваго, имѣетъ столько же отношенія къ мышленію, какъ и къ бытію. Но какъ скоро, въ виду необходимости обоснованія философскихъ началъ, мы не признаемъ а priori истиннымъ идеалистическое воззрѣніе на взаимоотношеніе мышленія и бытія, мы не можемъ признать состоятельнымъ и объективный принципъ раздѣленія философіи.

Субъективный принципъ, съ точки зрѣнія котораго философія раздѣляется на теоретическую, практическую и эстетику, поставляя на первый планъ теоретическую философію, какъ

всю совокупность предметовъ философскаго знанія, за исключеніемъ этики и эстетики, конечно позволяетъ распредѣлить эти предметы въ такой постепенности, какая требуется, чтобы философское знаніе не было догматическимъ въ самомъ началѣ своемъ. Въ теоретической философіи найдетъ себѣ надлежащее мѣсто и анализъ познанія и положительное философское ученіе. Въ этомъ преимущество субъективнаго принципа дѣленія нашей науки передъ объективнымъ. Но онъ имѣетъ другіе важные недостатки. Не говоримъ о томъ, что противоположеніе этики и эстетики теоретической философіи и по существу не можетъ быть названо вѣрнымъ. Отъ познавательной дѣятельности человѣка, конечно, и можно и должно отличать дѣятельность практическую и эстетическое творчество; но какъ скоро начала и формы этой дѣятельности и этого творчества отличаются отъ ихъ реальныхъ обнаруженій въ жизни и искусствѣ, какъ скоро онѣ становятся предметомъ философскаго изслѣдованія и умозрѣнія, онѣ становятся умозрительными истинами, имѣя тоже гносеологическое значеніе, какъ и другія истины нашего ума. Въ этомъ смыслѣ и этика и эстетика суть теоретическія науки и вмѣстѣ съ логикою и метафизикою имѣютъ право на названіе теоретической философіи. Главный недостатокъ субъективнаго дѣленія философіи въ той формѣ, въ какой оно представлено нами, состоитъ въ томъ, что оно неправильно устанавливаетъ взаимное отношеніе трехъ главныхъ частей философіи. Подъ общимъ и неопредѣленно широкимъ названіемъ: теоретическая философія, здѣсь соединяются въ одну группу различныя части философіи (логика, психологія, метафизика, исторія философіи),—части, которыя, очевидно, не составляютъ между собою такого органическаго и однороднаго цѣлаго, которое, какъ самостоятельное цѣлое, могло бы быть поставлено въ параллель съ этикою и эстетикою. Въ параллель съ послѣдними можетъ быть поставлена одна только метафизика. Что же касается до остальныхъ наукъ, указанныхъ нами, то связь ихъ съ метафизикою, какъ видимъ, нисколько не больше и не тѣснѣе, чѣмъ съ этикою и эстетикою, и не даетъ никакихъ преимущественныхъ правъ на болѣе тѣсное сближеніе ихъ именно съ первою въ общемъ

цѣломъ, именуемомъ теоретическою философіею. Отсюда видно, что эти науки должны занимать какое-либо особенное, самостоятельное мѣсто, при группировкѣ философскихъ познаній.

Это мѣсто легко опредѣляется тѣмъ, что сказано нами о методѣ философіи. Мы видѣли, что въ дѣлѣ философскаго познанія, синтетической части науки должна предшествовать аналитическая, что тѣ основоположенія, которыя составляютъ руководящія начала и принципы для раскрытія философскихъ идей о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ, нравственности, правѣ, должны быть предварительно разъяснены въ ихъ происхожденіи, значеніи и достовѣрности. Къ этой цѣли и должны вести логика, психологія и исторія философіи. Прежде положительнаго раскрытія философскихъ понятій, мы должны изслѣдовать самый органъ нашего познанія — разумъ и источникъ идей—умъ, и показать условія правильнаго познанія; это задача *логики* *). Далѣе, такъ какъ наши познанія, наша дѣятельность, наше эстетическое чувство не есть что либо совершенно самостоятельное и абсолютно независимое въ своихъ обнаруженіяхъ отъ общей жизни души и отъ различныхъ частныхъ функций нашего психическаго организма, то намъ необходимо изслѣдованіе этого организма, — аналитическое изученіе нашей души, — *эмпирическая психологія*. Она должна показать психологическое образованіе тѣхъ основныхъ идей, коими опредѣляется наша умственная, нравственная и эстетическая жизнь, и указать тѣ многоразличныя измѣненія и оттѣнки этой жизни, которыя условливаются какъ взаимодействіемъ различныхъ силъ нашей природы, такъ и разнообразными внѣшними вліяніями. Черезъ это она можетъ привести насъ къ открытію коренныхъ законовъ и требованій нашей природы и выдѣлить ихъ отъ случайныхъ ея видоизмѣненій. Наконецъ, какъ мы уже говорили, основныя философскія понятія не суть нѣчто давнее, готовое или непосредственно открывающееся уму; они должны быть

*) Логика, первая философская наука, составляетъ переходное звено, соединяющее философію съ формальными науками (математическими). Одною стороною она примыкаетъ къ нимъ (логика формальная), другою (гносеологія) входитъ въ область философіи. Но въ общемъ составѣ она есть наука философская, такъ какъ исходитъ изъ идеи истины и разъясняетъ ее

Ср. статью: „Что такое философія?“, стр. 21, 22, 83, 85.

найдены, предварительно научнымъ образомъ обоснованы. Но для этого недостаточно одной только силы формальнаго мышленія, какъ бы оно ни было логически изощрено и логически безукоризненно; недостаточно здѣсь и знанія природы нашей души, которое можетъ дать намъ психологическое наблюдение при содѣйствіи науки о душѣ. Довѣрившись только себѣ самимъ и силѣ собственнаго мышленія въ дѣлѣ философіи, мы предпріяли бы трудъ непосильный и недалеко ушли бы. Лучшій путь къ установленію прочнаго и истинно научнаго философскаго міросозерцанія есть путь изученія, сравненія, критическаго изслѣдованія различныхъ существующихъ философскихъ ученій. Философія, какъ и всякая другая наука, не есть нѣчто готовое, данное, навсегда остановившееся, она также не есть нѣчто каждый разъ вновь создаваемое индивидуальною силою отдѣльнаго мыслящаго ума; она находится въ постоянномъ движеніи, имѣетъ свои корни въ прошедшемъ и настоящее ея положеніе не можетъ быть вѣрно понято безъ знанія этого прошедшаго. Все это показываетъ необходимость изученія историческаго хода философскаго мышленія, необходимость *исторіи философіи*. Только при знаніи исторіи философіи возможно, какъ точное знаніе философіи вообще, во всей совокупности ея обнаруженій въ человѣчествѣ, такъ и дѣйствительное движеніе впередъ, безъ опасенія повторить то, что давно уже извѣстно и для насъ лишь кажется новымъ и нами открытымъ.

Сказаннаго нами о значеніи логики, психологіи и исторіи философіи для возможности истинно научнаго рѣшенія высшихъ философскихъ проблемъ, достаточно для оправданія той мысли, что эти науки составляютъ особый, связанный между собою единствомъ подготовительнаго значенія, циклъ философскихъ наукъ, отличный отъ другаго цикла, въ который войдутъ: метафизика, логика съ ученіемъ о правѣ и эстетика. Указанныя нами подготовительныя науки не могутъ быть спеціально связаны съ одною метафизикою, подъ общимъ именемъ теоретической философіи, и вмѣстѣ съ нею противопоставляемы философіи практической и эстетикѣ, такъ какъ они столько же служатъ предположеніемъ этихъ послѣднихъ, какъ и первой.

Не говоря о логикѣ и психологiи, исторiя, напримѣръ, философіи столько же нужна для разъясненiя началъ нравственной философіи и эстетики, какъ и метафизика. Эти науки (т. е. логику, психологию и исторiю философіи) можно поэтому назвать основными, пропедевтическими въ томъ смыслѣ, что онѣ составляютъ необходимое приготовленiе къ высшему философствованiю и даютъ основанiя къ разрѣшенiю проблемъ метафизическихъ, нравственныхъ и эстетическихъ, имѣя конечно и самостоятельное научное значенiе. Можно назвать ихъ также и аналитическими, въ отличiе отъ трехъ послѣднихъ синтетическихъ, такъ какъ преобладающiй въ нихъ методъ есть анализъ, на основанiи котораго и возможно дальнѣйшее синтетическое построенiе нашей науки.

Второй цѣль философскихъ наукъ составляютъ, какъ мы сказали, метафизика, онка съ философіею права и эстетика. Въ этихъ наукахъ философія должна представить намъ опытъ положительнаго рѣшенiя своихъ важнѣйшихъ проблемъ. *Метафизика*, въ своемъ ученiи о сущемъ вообще и его категорическихъ опредѣленiяхъ (онтологiя), о безусловно (естественное богословіе) и условно сущемъ (космологiя и раціональная психологiя), должна дать намъ полное и цѣльное философское міросозерцанiе идеальной стороны бытiя, въ какой мѣрѣ она доступна для нашего ума. *Онка и философія права* должны представить законы и нормы нашей практической нравственной и общественной дѣятельности, *эстетика* — законы и формы эстетическаго творчества. Что касается до относительной самостоятельности этихъ наукъ, то она предполагается не только субъективнымъ различiемъ главныхъ высшихъ силъ человѣческаго духа: ума, воли и чувства, но и различiемъ самыхъ идей истины, добра и изящнаго, лежащихъ въ ихъ основанiи. Конечно могутъ быть разногласiя относительно того, какая именно изъ этихъ идей должна служить началомъ того или другаго философскаго понятiя и въ какой поэтому наукѣ оно должно быть разсматриваемо. Такъ напримѣръ, по мнѣнiю Канта ученiе о Богѣ и безсмертiи души должно входить въ область практической философіи, а понятiе цѣлесообразности должно быть разсматриваемо съ связи съ

эстетическою идеею (въ Критикѣ способности сужденія). Но эти разногласія, волиѣ возможныя при тѣсной связи трехъ указанныхъ нами идей, нисколько не колеблють существеннаго и характеристическаго отличія ихъ, дающаго полное право на обособленіе трехъ указанныхъ нами областей философскаго знанія въ видѣ особыхъ наукъ, имѣющихъ каждая свои особыя принципы.

Но исчисленными нами науками не исчерпывается содержаніе философіи. Главною своею задачею философія имѣетъ разсмотрѣніе идеальной стороны сущаго; но идеальная сторона не представляетъ собою области бытія, отрѣшенной отъ эмпирически данной, феноменальной дѣйствительности: во всемъ разумно являющемся есть идеальный элементъ; поэтому и въ наукѣ все можетъ быть разсматриваемо съ философскою точкою зрѣнія. Отсюда и задача философіи не можетъ быть ограничивася только общимъ разсмотрѣніемъ идей въ ихъ отвлеченіи отъ конкретнаго бытія. Она имѣетъ право съ высотъ спекуляціи сходить ближе въ область живой, фактической дѣйствительности и представлять опыты освѣщенія и уразумѣнія этой дѣйствительности при свѣтѣ идей, показывая способы осуществленія и проявленія ихъ въ послѣдней. Отсюда возникаетъ возможность разнообразныхъ философскихъ изслѣдованій, которыя основныя и общія начала, установленныя предыдущими науками, будутъ прилагать къ философскому объясненію различныхъ сторонъ эмпирической дѣйствительности. Такого рода изслѣдованія, какъ скоро они по широтѣ и важности захватываемаго или фактическаго содержанія разрастаются до объема цѣлыхъ наукъ, мы можемъ называть *прикладными* философскими науками. Точной научной организаціи и системы этихъ прикладныхъ наукъ пока не существуетъ, хотя въ философской литературѣ мы встрѣчаемъ множество спеціальныхъ изслѣдованій, которыя могутъ быть причислены къ этому цѣлю философскихъ наукъ *). Но по важности и ши-

*) Такъ напр. мы встрѣчаемъ сочиненія, посвящія имя: философіи правовъ, философіи мнѳологіи, философіи откровенія, философіи химіи, медицины и т. п. Не говоримъ о другаго рода сочиненіяхъ, притязаніе которыхъ на философскій характеръ часто возбуждало насмѣшливыя замѣчанія философовъ ex officio. Такъ напр. въ Германіи появлялись метафизика финансовъ, гражданскаго судопроизвод-

ротѣ разсматриваемаго содержанія, въ числѣ такого рода прикладныхъ наукъ, по всей справедливости, первое мѣсто должны занимать *философія исторіи* и *философія религіи*. При свѣтѣ раскрытыхъ метафизикою идей о Богѣ, мірѣ и душѣ человѣка, эти науки должны имѣть своею задачею раскрыть намъ общіе законы, истинный смыслъ и идеальную разумность, первая, — историческаго развитія человѣчества вообще, послѣдняя, — религіознаго сознанія его, а вмѣстѣ съ этимъ представить новое, фактическое подтвержденіе и оправданіе истиннаго общаго философскаго міросозерцанія *).

Такимъ образомъ, на основаніи сказаннаго нами, составъ философскихъ наукъ мы можемъ представить себѣ въ видѣ слѣдующихъ трехъ группъ:

ства и т. под.; Шеллингъ упоминаетъ объ одномъ сочиненіи, носившемъ заглавіе „философія почтового дѣла“ (Postwesens), гдѣ относящіяся до почтоваго дѣла свѣдѣнія разсматривались по категоріямъ Канта (Schelling's Werke. 1856. В. 1. р. 217). Въ Парижѣ были издаваемы философскіе трактаты о самыхъ не философскихъ предметахъ роскоши и моды. По этому поводу Шеллингъ замѣтилъ, что новѣйшіе не только свели философію съ неба, какъ Сократъ, но стараются заманить ее въ погреба и стойла (Карповъ, введ. въ фил. 18). Хотя дѣйствительно во многихъ книгахъ подобнаго рода философскаго одно только названіе, но въ принципѣ отвергать возможность самыхъ спеціальнѣйшихъ философскихъ изслѣдованій (если и не давать имъ названій наукъ) нельзя, такъ какъ идеальнаго элемента не чуждо ни что разумно существующее и самое конкретное можетъ быть разсматриваемо въ связѣ съ высшими теоретическими идеями и практическими идеальными требованіями и оцѣниваемо по отношенію къ этимъ идеямъ и требованіямъ. Вспомнимъ слова Платона, что идея не чуждо ничто существующее, ибо безъ нея оно и существовать-бы не могло. Конечно, другой вопросъ, въ какой мѣрѣ осуществимы, при настоящемъ положеніи нашей науки, подобнаго рода спеціальныя философскія изъясненія различныхъ эмпирическихъ, конкретныхъ явленій? Чѣмъ ниже мы изъ области общихъ идей спускаемся въ область конкретнаго бытія, тѣмъ слабѣе и слабѣе становится отображеніе идей и тѣмъ труднѣе и труднѣе уловить и ясно представить ихъ осуществленіе. И въ области опыта микроскопическій анализъ требуетъ больше искусства, опытности и труда, чѣмъ простое наблюденіе надъ большими предметами и группами ихъ. Вотъ причина, почему въ большей части спеціально-прикладныя философскія изслѣдованія оказывались неудачными, независимо отъ возможной неувѣрности тѣхъ философскихъ идей и понятій, которыя брались для изъясненія частныхъ фактовъ.

*) Къ прикладнымъ философскимъ наукамъ можетъ быть отнесена и *педагогика*, какъ скоро она, не ограничиваясь практическими наставленіями о воспитаніи дѣтей, неходитъ изъ данныхъ психологіи и нравственной философіи и *прилагаетъ* эти данныя къ оцѣнкѣ существующихъ и къ указанію нормальныхъ приемовъ воспитанія и обученія

1. Науки основныя, пропедевтическія съ преобладающимъ аналитическимъ методомъ: логика, эмпирическая психологія, исторія философіи.

2. Науки основныя, съ преобладающимъ синтетическимъ методомъ: метафизика, логика съ философіею права, эстетика.

3. Науки прикладныя, въ которыхъ одинаковое участіе принимаетъ какъ анализъ, такъ и синтезъ: философія исторіи, философія религіи и др.

Въ виду логическаго требованія отъ каждаго систематическаго изслѣдованія—дать предварительно общее понятіе о его предметѣ (опредѣленіе), указать его части и отношеніе къ другимъ соприкосновеннымъ съ нимъ предметамъ знанія, изложенію отдѣльныхъ философскихъ наукъ можетъ и должно предшествовать общее *введеніе въ философію*. Разнорѣчіе понятій о философіи и ея методѣ, недостатокъ яснаго сознанія и признанія ея значенія въ области научнаго знанія, служатъ законопною причиною того, что введеніе, которое въ другихъ наукахъ занимаетъ большею частію нѣсколько страницъ, въ нашей наукѣ, подъ разными наименованіями (напр. философская пропедевтика, ученіе объ основномъ принципѣ философіи и др.), разрастается часто до объема цѣлой науки. Если къ этому введенію присоединяется очеркъ всего содержанія философіи, въ видахъ-ли учебно-педагогическихъ или съ цѣлію въ сжатомъ и систематическомъ видѣ изложить все содержаніе известной философской системы (напр. энциклопедія Гегеля), то мы получаемъ *энциклопедію философіи*.

Ближайшее, болѣе точное и подробное разъясненіе задачи каждой изъ указанныхъ нами философскихъ наукъ и отношенія ихъ къ другимъ наукамъ, должно, конечно, составить предметъ спеціальнаго введенія въ каждую изъ этихъ наукъ. Представленное нами раздѣленіе, надѣемся, захватываетъ собою всю область философіи и, обнимая ее со всѣхъ сторонъ, даетъ надлежащее мѣсто каждой изъ философскихъ наукъ, каждому частному философскому изслѣдованію. Кроме того, она имѣетъ въ виду удовлетворить и другому справедливому требованію научной классификаціи, на которое съ особенною настойчивостію указываетъ Контъ въ своей классификаціи на-

укъ; это требованіе, такъ называемой имъ, іерархіи наукъ. По его мнѣнію, для плодотворной и успѣшной разработки наукъ и для прогресса научнаго знанія, нужно изучать науки и развивать ихъ въ извѣстномъ *порядкѣ*, однѣ прежде, другія послѣ, такъ какъ однѣ науки служатъ необходимымъ условіемъ изученія другихъ наукъ, безъ котораго эти послѣднія не могутъ не только совершенствоваться, но и быть понятными и надлежащимъ образомъ усвоенными, напр. астрономія безъ математики. Конечно, значеніе этого требованія для успѣховъ научнаго знанія у Конта сильно преувеличено. Исторія наукъ показываетъ, что путь восхожденія отъ простаго къ сложному, отъ легчайшаго къ труднѣйшему, далеко не былъ дѣйствительнымъ, историческимъ путемъ ихъ развитія; научныя изслѣдованія шли одновременно съ разныхъ сторонъ и изъ разныхъ точекъ отправленія, не заботясь о какомъ-либо методически правильномъ движеніи. Въ философіи это явленіе еще замѣтнѣе, чѣмъ въ другихъ наукахъ; извѣстно, что философское знаніе начиналось съ попытокъ рѣшенія самыхъ трудныхъ и самыхъ отвлеченныхъ философскихъ вопросовъ, напримѣръ объ абсолютномъ началѣ бытія, о происхожденіи міра. Но такое отсутствіе порядка и постепенности въ рѣшеніи научныхъ проблемъ, зависѣвшее отъ многихъ уважительныхъ причинъ, нисколько не служило препятствіемъ къ движенію впередъ какъ въ философіи, такъ и въ другихъ наукахъ, такъ что мы должны признать одностороннею и первѣрною мыслью Конта, будто медленность и малоуспѣшность наукъ до настоящаго времени зависѣла именно только отъ недостатка между ними надлежащей іерархіи,—не говоримъ о томъ, вѣрна ли или нѣтъ собственная, установленная имъ, послѣдовательность ихъ. Но тѣмъ не менѣе, какъ идеальное или методологическое требованіе, мысль Конта о необходимости распредѣленія наукъ по степени восхожденія ихъ отъ болѣе простаго къ болѣе сложному, заслуживаетъ вниманія. И этому требованію, кажется намъ, удовлетворяетъ представленная нами классификація философскихъ наукъ. Она представляетъ намъ градацію философскаго знанія, идущую отъ основанія болѣе простаго къ болѣе сложному, хотя, конечно, эта градація,

въ философіи болѣе, чѣмъ въ какой либо другой области знанія, не должна быть принимаема въ узкомъ и исключительномъ смыслѣ. Нельзя представлять ее такъ, что границы различныхъ ея наукъ проведены слишкомъ рѣзкими чертами и что каждая высшая наука составляетъ собою обособленное цѣлое, не имѣющее никакой связи съ науками высшими. Научное цѣлое есть органическое цѣлое, гдѣ каждая часть стоитъ въ связи съ жизнью всѣхъ остальныхъ частей и условливая ихъ отправленія, въ тоже время испытываетъ ихъ воздѣйствіе; особенно это явленіе должно имѣть мѣсто въ философіи, какъ органически-систематическомъ цѣломъ по преимуществу.

Въ ней и основныя и первоначальныя науки, не смотря на ихъ относительную самостоятельность, состоятъ въ живой связи съ высшими и послѣдующими и испытываютъ ихъ вліяніе, то заимствуя изъ нихъ нѣкоторыя предположенія, которыя окончательное обоснованіе находятъ въ послѣдствіи, то получая извѣстное направленіе и характеръ, оправдываемый дальнѣйшимъ движеніемъ философіи. Такъ, напримѣръ, основныя философскія науки: логика, эмпирическая психологія, исторія философіи, для своей истинно философской постановки имѣютъ нужду въ метафизическихъ предположеніяхъ. Безъ этихъ предположеній указанныя науки обратятся въ чисто эмпирическія науки, описывающія явленія знанія, жизни, факты исторіи мысли, но не изъясняющія ихъ философски, такъ какъ такое объясненіе невозможно безъ опредѣленныхъ понятій объ основныяхъ началахъ, производящихъ тѣ или другія явленія; эти начала: идея истины для логики, идея души для психологіи, идея законсообразности и разумности въ развитіи мыслящаго духа—въ исторіи философіи,—идеи, полное раскрытіе которыхъ должно имѣть мѣсто въ метафизикѣ.

В. Жудравцевъ.

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

Трудно обозначить границы суевѣрія. Французъ, путешествуя по Италіи, находитъ, что почти всѣ италіянцы суевѣры, и не безъ основанія. Архіепископъ Кентерберійскій утверждаетъ, что Парижскій архіепископъ — суевѣръ. Пресвитеріане дѣлаютъ тотъ-же упрекъ Кентерберійскому архіепископу. Такимъ образомъ въ обществахъ христіанскихъ всѣ разногласятъ относительно того, что такое суевѣріе. Секта, которая, кажется, наименѣе заражена этою болѣзнію духа, есть та, у которой меньше обрядовъ. Но если, имѣя мало обрядовъ, она привязана къ нелѣпому вѣрованію, то это одно вѣрованіе стоить всѣхъ суевѣрныхъ обычаевъ. Ясно, что самое основаніе религіи въ одной сектѣ считается другою сектою суевѣріемъ. Мусульмане обвиняютъ въ суевѣрїи всѣ христіанскія общества, и сами подлежатъ тому-же обвиненію. Кто будетъ судьей въ этомъ дѣлѣ? Разумъ? Но каждая секта утверждаетъ, что имѣетъ разумъ на своей сторонѣ. Итакъ, очевидно, *только сила будетъ рѣшать этотъ вопросъ*, пока разумъ не проникнетъ въ довольно большое число головъ, дабы обезоружить силу ¹⁾.

Изъ этого разсужденія о суевѣрїи самъ собою получается тотъ выводъ, что всякое вѣрованіе, равно какъ и всякій обычай, признаваемые только однимъ религіознымъ обществомъ, и отвергаемые или, по-крайней-мѣрѣ, непризнаваемые другими, есть уже суевѣріе. Дѣйствительно этотъ выводъ прямо подтверждается слѣдующими словами Вольтера: „всякая секта, въ

---

* См. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 22.

¹⁾ Ibid. tome IX, art. Superstition.

какомъ-бы родѣ ни была, есть соединеніе сомнѣнія и заблужденія. Скотисты, томисты, реалисты, номиналисты, паписты, кальвинисты, молинисты, янсенисты—это все имена враждующихъ противниковъ. Въ геометріи нѣтъ сектъ. Когда истина очевидна, то невозможно, чтобы явились споры и раздоры партій... Вы магометанинъ, значить есть люди, которые не признаютъ себя магометанами; *итакъ вы не правы*. Какая религія была-бы истинною, еслибы не было христіанства? Это была-бы та религія, въ которой не было-бы сектъ, въ которой всѣ были бы между собою согласны *необходимо*. Но въ какомъ догматѣ всѣ между собою согласны? Въ томъ, что Бога должно почитать и что честность (*probite*) обязательна. Всѣ философы, имѣвшіе религію, во всѣ времена говорили, что есть Богъ и что надлежитъ быть справедливымъ. Вотъ религія универсальная, существовавшая во всѣ времена и для всѣхъ людей имѣющая силу. Въ чемъ всѣ люди согласны—то истинно, а системы, которыя ихъ раздѣляютъ на партіи, очевидно, ложны. Моя секта—наилучшая, говоритъ браминъ. Но, мой другъ, если твоя секта лучшая, то она необходима, ибо еслибы не была абсолютно необходима, то ты долженъ согласиться со мною въ такомъ случаѣ, что она была-бы бесполезна; если-же она абсолютно необходима, то она такова для всѣхъ людей. Какъ-же могло случиться, что люди обходятся безъ того, что для нихъ абсолютно необходимо? Какъ-же возможно, что вся остальная земля смѣется надъ тобою и твоимъ Брамою“ ¹⁾.

Итакъ теперь критерій найденъ, съ помощію котораго можно опредѣлить, какой религіи должно держаться и что признавать истиннымъ: истинно только то, что признается всѣми людьми, а не однимъ какимъ-либо религіознымъ обществомъ. Различіе вѣрованій и происходящіе отсюда религіозные споры уже потому слѣдуетъ признать зломъ, что порождаютъ съ одной стороны фанатизмъ, въ свою очередь причиняющій неисчислимыя бѣдствія, а съ другой—атеизмъ ²⁾.

¹⁾ Ibid. tome IX, art. Secte.

²⁾ Съ цѣлю изобразить послѣдствія религіознаго фанатизма Вольтеръ рисуетъ такую картину: „Я баль погруженъ въ размышленіе, какъ вдругъ одинъ изъ духовъ, наполняющихъ промежуточные міровыя пространства, сѣмелъ ко мнѣ. Я

Какъ же мы должны представлять истинную религію, которая была бы *безусловно необходима* для всѣхъ, какова должна быть эта религія, въ чемъ она состоитъ? Понятіе объ этой универсальной религіи Вольтеръ неоднократно высказываетъ.

узналъ въ немъ то самое воздушное созданіе, которое нѣкогда являлось мнѣ для того, чтобы показать, какъ много различаются рѣшенія (*les jugemens*) Вожьляго суда отъ нашихъ, и какъ много предпочитается доброе дѣло безплодному пререканію. Онъ меня перенесъ въ пустыню, покрытую множествомъ костей, разбросанныхъ кучами. Между этими кучами идутъ аллеи вѣчно зеленѣющихъ деревьевъ, а въ концѣ каждой аллеи видѣлся большой человѣкъ суроваго вида, съ грустью взиравшій на эти печальные остатки. О, мой архангелъ, сказалъ я ему. куда меня ведешь? Въ мѣсто печали, отвѣчалъ онъ. И кто эти прекрасные патриархи, которыхъ я вижу неподвижными и унылыми въ концѣ вотъ этихъ зеленыхъ аллей, повидимому, оплакивающіе эту безчсленную кучу мертвыхъ остатковъ? Ты это узнаешь, бѣдное созданіе изъ рода людей, сказалъ мнѣ духъ, но прежде нужно, чтобы ты прослезился! Онъ началъ съ первой кучи. Это, сказалъ онъ, двадцать три тысячи тѣхъ іудеевъ, которые плисали предъ тельцомъ вмѣстѣ съ двадцатью четырьмя тысячами убитыхъ за дочерей мадіанитскихъ. Число убитыхъ за подобныя провинности и ошибки восходитъ до трехъ сотъ тысячъ. Возлѣ слѣдующихъ аллей находятся склады христіанъ, которые истребляли другъ друга изъ-за метафизическихъ разногласій. Они раздѣлены на множество кучъ, изъ коихъ на каждую приходится по четыре вѣка. Одна возвышается до неба... Какі! вскричалъ я, братья такъ поступали со своими братьями и я имѣю несчастіе быть въ такомъ братствѣ! Вотъ, сказалъ духъ, двѣнадцать милліоновъ американцевъ, убитыхъ въ своемъ отечествѣ потому, что они не были крещены.

Я плакалъ, и вотъ, чтобы меня утѣшить, онъ повелъ меня туда, гдѣ оканчивались аллеи. Смотри, сказалъ онъ мнѣ, это герои человечества, бывшіе благодѣтели земли, которые все имѣли одну цѣль—изгнать изъ міра, насколько это было возможно для нихъ, насилие и хищеніе. Спроси ихъ. Я приблизился къ первому изъ цѣлой толпы; онъ пхѣлъ вѣнецъ на головѣ и маленькую курпальницу въ рукѣ; и учтиво спросилъ его имя. Я Нума Помпиль, отвѣчалъ онъ“ и т. д. *Dict. philos. tome VIII, art. Religion.*

„Нѣтъ другаго лекарства противъ этой эпидемической болѣзни (противъ фанатизма) какъ философскій духъ, который, постепенно распространяясь, смягчаетъ, наконецъ, нравы людей и предотвращаетъ это зло; ибо съ тѣхъ поръ какъ оно успѣло, необходимо убѣгать отъ него и ждать, пока не очистится воздухъ. Законы и религія недостаточны противъ чумы душъ; религія не только не служитъ для нихъ цѣлебнымъ питаніемъ, напротивъ превращается въ ядъ въ зараженныхъ умахъ“ (*dans les cerveaux infectés*) *ibid. t. V, art. Fanatisme.*

Quelqu'un répand dans le monde qu'il y a un géant haut de soixante et dix pieds, bientôt après tous les docteurs examinent de quelle couleur doivent être ses cheveux, de quelle grandeur est son pouce, quelles dimensions ont ses ongles: on crie, on cabale, on se bat: ceux qui soutiennent que le petit doigt du géant n'a que quinzelines de diamètre font brûler ceux qui affirment que le petit doigt a un pied d'épaisseur. Mais, messieurs, votre géant existe-t-il? dit modestement un passant“. *Ibidem.*

Я увѣренъ, говоритъ онъ, что изъ всѣхъ религій деизмъ есть наиболѣе распространенная въ мірѣ. Это религія господствующая въ Китаѣ; деизмъ составляетъ секту мудрецовъ у магометанъ, а изъ десяти христіанскихъ философовъ вожемъ—деисты. Деизмъ проникъ и въ школы теологій, въ монастыри и конклавы. Деизмъ можно назвать сектою, но эта секта не представляетъ отдѣльнаго общества; она—безъ культа, безъ обрядовъ, безъ споровъ и вражды, распространилась въ мірѣ безъ проповѣди. Деизмъ встрѣчается среди всѣхъ религій, подобно іудейству, съ тѣмъ различіемъ, что послѣднее есть скопище (combe) суевѣрій, ужасающее народы и презираемое мудрецами; другой-же, будучи противоположенъ суевѣрію, неизвѣстенъ народу, а признается только философами ¹⁾. Возможно-ли для человѣческаго духа, спрашиваетъ Вольтеръ, признать религію, я не говорю, которая приближалась бы къ нашей, но которая была бы не столь худа, какъ всѣ другія религіи въ цѣломъ мірѣ? И какая это была бы религія? Вотъ какъ онъ опредѣляетъ эту религію. Не была ли бы эта религія такая, которая предлагала бы намъ почитаніе высочайшаго существа, единого, безконечнаго, вѣчнаго, образователя міра (*formateur du monde*), которая приводила бы насъ къ единенію съ этимъ существомъ единственно цѣною добродѣтели, а удаляла-бы отъ него только въ наказаніе за наши преступленія, которая бы признавала какъ можно менѣе догматовъ, служащихъ предметомъ безконечныхъ споровъ, которая научала бы чистой нравственности, неподлежащей спору, которая состояла бы въ служеніи своему ближнему ради любви къ Богу, вмѣсто преслѣдованія, истребленія во имя Божіе, отличалась бы терпимостью ко всѣмъ другимъ и которая, такимъ образомъ, заслуживая признательность отъ всѣхъ, была-бы одна только способна сдѣлать родъ человѣческой обществомъ братьевъ, которая не столько-бы прощала испорченность, сколько побуждала бы къ социальнымъ добродѣтелямъ, а своимъ представителямъ обезпечивала бы достаточный доходъ для приличнаго образа жизни, но не допускала-бы ихъ похищать достоинство

¹⁾ Diction... tome II, art. athée.

и власть, могущія сдѣлать ихъ тиранами, и учредила-бы убѣжища для старости и недуга, но не для праздности ¹⁾.

Еще опредѣленнѣе указываетъ Вольтеръ на признаваемую имъ религію въ слѣдующихъ словахъ: ссть, говоритъ онъ, въ Лондонѣ общество деистовъ. Для нихъ важнѣйшею аксіомою служитъ такой принципъ: нравственность (мораль) та-же у всѣхъ людей; итакъ она отъ Бога; культъ различенъ, итакъ онъ есть дѣло людей. Другая аксіома такова: такъ какъ люди всѣ братья, и почитаютъ того-же Бога, то постыдно братьямъ преслѣдовать своихъ братьевъ ради того, что они свидѣтельствуютъ свою любовь отцу семьи различнымъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, разсуждаютъ они, какъ добросовѣстный человѣкъ рѣшится убить своего старшаго или младшаго брата потому только, что одинъ будетъ привѣтствовать общаго отца по китайски, а другой по голландски, особенно если въ семьѣ неопредѣлено, какого почитанія желаетъ отецъ? Кто поступитъ такъ, тотъ будетъ скорѣе худой братъ, чѣмъ добрый сынъ... ²⁾

Итакъ, теперь оказывается, что истинная религія состоитъ уже не столько въ признаніи того, что для всѣхъ безусловно необходимо (такое именно понятіе объ истинной религіи было выражено Вольтеромъ въ вышеприведенныхъ словахъ), сколько въ мирномъ и снисходительномъ предоставленіи другимъ полной свободы признавать за истинныя свои собственныя вѣрованія и обычаи. Но это, очевидно, отрицательная сторона истинной религіи. Конечно вѣрованія и обычаи, признаваемые однимъ религіознымъ обществомъ и не признаваемые другими, какъ не имѣющіе универсальнаго значенія, должны считаться безразличными съ точки зрѣнія истинной религіи, а потому въ отношеніи къ нимъ благоразуміе и справедливость требуютъ терпимости. Но что-же именно не должно быть безразлично для истинной религіи, предлагаемой Вольтеромъ? Въ чемъ для нея должна заключаться истина абсолютно необходимая для всѣхъ? Безъ сомнѣнія слѣдуетъ полагать, что положительная сторона универсальной религіи должна содержаться въ ученіи о Богѣ уже потому самому, что безъ вѣры въ Бога немислима

¹⁾ Ibid. tome VIII. art. Religion.

²⁾ Ibid. tome II, art Athée; t. IV, art. Curé de campagne.

никакая религія. И притомъ, такъ какъ универсальная религія есть религія философская, то и принадлежащее этой религіи ученіе о Богѣ должно быть рациональнымъ, т. е. должно быть выработано единственно разумомъ. Но самъ-же Вольтеръ вотъ что говоритъ объ этомъ: „мы не имѣемъ соразмѣрнаго понятія о Божествѣ; мы можемъ лишь отъ предположенія переходить къ предположенію, подвигаться отъ одной вѣроятности къ другой. Достоверно мы знаемъ немного. Существуетъ нѣчто, слѣдовательно должно быть и нѣчто вѣчное; ибо изъ ничего ничего не можетъ быть. Вотъ истина достоверная, на которой успокоивается нашъ умъ. Всякое произведеніе, въ которомъ мы находимъ указаніе на средства и цѣль, возвыщаетъ творца. Итакъ этотъ міръ, составленный изъ средствъ, имѣющихъ каждое свою цѣль, открываетъ виновника очень могущественнаго и разумнаго. Вотъ вѣроятность, которая приближается къ достоверности... Мой разумъ убѣждаетъ меня въ бытіи существа, которое привело въ порядокъ матерію этого міра; но мой разумъ безсиленъ убѣдить меня въ томъ, что существо это создало и самую матерію и что міръ, такимъ образомъ, произведенъ изъ ничего. Всѣ древніе мудрецы признавали матерію вѣчною и существующею чрезъ себя. Если-же Богъ и матерія вѣчны, то мы уже имѣемъ два необходимыхъ существа, а когда есть два, то и третье можетъ быть. Эти сомнѣнія, въ которыхъ скрывается зародышъ безчисленнаго множества рефлексій, по меньшей мѣрѣ, приводятъ насъ къ убѣжденію въ слабости нашего разумѣнія“ ¹⁾).

Такимъ образомъ теперь приходится признать, что въ религіи не только абсолютно необходимаго, но и просто необходимаго ничего нѣтъ. Оказывается теперь, что, по причинѣ слабости нашего разумѣнія, всякое опредѣленное понятіе о Богѣ становится для насъ сомнительнымъ; ибо даже того мы не можемъ рѣшительно утверждать, существуетъ-ли одно только верховное существо, или-же много есть такихъ существъ. Послѣ этого ни въ какой религіи не можетъ быть чего-либо безспорнаго, не подлежащаго сомнѣнію, что было-бы абсолютно истинно для всѣхъ. Слѣдовательно и самая религія не есть

¹⁾ Ibid tome IV, art. Dieu, dieux.

что-либо необходимое, а въ такомъ случаѣ требовать, чтобы было признаваемо за истину лишь то, что есть во всѣхъ религіяхъ абсолютно необходимаго, и что было-бы таковымъ т. е. истиннымъ, не для нѣкоторыхъ только, но для всѣхъ людей—не значитъ ли отрицать всѣ религіи?

Точно, Вольтеръ прямо отрицаетъ необходимость религій, не смотря на то, что только безусловно необходимая для всѣхъ людей религія, по его мнѣнію, есть истинная, чѣмъ предполагается возможность такой религій. „Несомнѣнно, говоритъ онъ, что въ нравственномъ отношеніи (*dans la morale*) далеко лучше признавать Бога, чѣмъ не признавать. Для всѣхъ людей важно, чтобы существовало Божество, которое-бы наказывало за то, чего не въ силахъ обуздать судъ человѣческой... Не смотря на то тѣ, которые утверждаютъ, что могло-бы существовать общество атеистовъ, имѣютъ основаніе такъ говорить: законы образуютъ общество, а потому, будучи философами, атеисты могутъ вести жизнь очень мудрую и счастливую подъ сѣнію этихъ законовъ. Они, конечно, жили-бы болѣе спокойно, чѣмъ суевѣрные фанатики. Наполните городъ Эпикурами, Симоцидами, Протагорами, Спинозами, населите другой городъ янсенистами и молинистами: въ какомъ, вы думаете, будетъ больше раздоровъ и смятеній? Атеизмъ былъ-бы опасенъ только у народа грубаго, но и ложныя понятія о Божествѣ были вѣдь не менѣе губительны... Я ожидаю, это правда, больше справедливости отъ того, кто имѣетъ вѣру въ Бога, нежели отъ того, кто не вѣритъ, но отъ суевѣрнаго я ничего больше не жду, какъ только папастей и преслѣдованій. Атеизмъ и фанатизмъ—два чудовища, какія только могутъ пожирать и разрушать общество. Но атеистъ въ своемъ заблужденіи сохраняетъ свой разумъ, который держитъ его въ своей власти; фанатикъ, напротивъ, зараженъ непрерывнымъ безуміемъ, которое все болѣе усиливаетъ надъ нимъ свое господство“.

Не всѣ однако могутъ обходиться безъ религій. Для простаго народа, вообще для людей непроевѣщенныхъ религія необходима. „Что касается вопроса, говоритъ Вольтеръ, можетъ ли существовать общество атеистовъ, то слѣдуетъ различать народъ въ собственномъ смыслѣ и общество философовъ, стоя-

щес выше народа. Несомнѣнно, что населеніе всей страны нуждается въ болѣе великой уздѣ (чѣмъ законы человѣческіе), и если-бы Бэйлю пришлось управлять только пятью или шестью стами поселянъ, то онъ не преминулъ-бы возвѣститъ Бога отмстителя и мздовоздаятеля. Но Бэйль не говорилъ-бы о Богѣ эпикурейцамъ, людямъ богатымъ, любящимъ покой, практикующимъ всѣ соціальныя добродѣтели, особенно дружбу“.

„Отъ чего происходитъ, что столь многіе кальвинисты, лютеране, анабаптисты, несторіане, аріане, приверженцы и противники Рима были такъ жестоки, грубы и такъ несчастны, преслѣдуя другихъ и сами подвергаясь преслѣдованіямъ? Причина та, что это все была чернь (peuple). А почему деисты, даже заблуждаясь, не дѣлали зла людямъ? Потому что они философы“¹⁾.

„Съ тѣхъ поръ какъ люди стали жить въ обществѣ, они должны были замѣтить, что многіе преступники ускользаютъ отъ кары законовъ; законы наказываютъ только общественныя преступленія; необходимо было учредить узду для преступлений тайныхъ. Одна только религія можетъ служить этой цѣли. Персы, халдеи, египтяне, греки имѣли представленія о наказаніяхъ въ будущей жизни. Я долженъ сказать философамъ, которые отрицаютъ адъ: Господа! мы не живемъ въ обществѣ Цицерона, Катона, Марка Аврелія, Эпиктета, Рене Декарта, Ньютона. Человѣческій міръ не философъ. Мы имѣемъ дѣло съ толпою негодяевъ, которые мало разсуждаютъ; мы имѣемъ дѣло съ людьми маленькими, грубіянами, пьяницами, ворами. Проповѣдуйте имъ, если угодно, что адъ не существуетъ и душа смертна. Что касается меня, то я буду имъ кричать въ уши, что они будутъ осуждены, если меня обокрадутъ“²⁾.

Таковъ окончательный выводъ раціоналистической философіи Вольтера: для философовъ, т. е. для людей просвѣщенныхъ религія не нужна; они могутъ удобно обходиться и безъ нея; но она нужна для толпы, для людей непросвѣщенныхъ, такъ какъ, за недостаткомъ образованія, только религія можетъ обуздывать страсти и пороки таковыхъ людей. Полагая, что

¹⁾ Ibid. tome II, art. Athée, Atheisme.

²⁾ Ibid., tome V. art. Enfer.

таково именно значеніе религіи, очевидно, существованіе ея слѣдуетъ признать временнымъ; она необходима лишь дотолѣ, пока просвѣщеніе не распространится въ народѣ. Какъ поэзія, по Бэкону, есть несовершенный видъ познанія и, при существованіи точной науки, теряетъ свое первоначальное значеніе, такъ и религія, по Вольтеру, въ рукахъ искусныхъ политиковъ должна служить замѣною просвѣщенія для народа, пока оно не сдѣлается общимъ достояніемъ. Какой-же смыслъ имѣютъ послѣ этого рѣчи Вольтера объ универсальной религіи философовъ, о религіи безъ культа, безъ догматовъ, безъ авторитета власти, и не есть-ли деизмъ, такъ прославляемый Вольтеромъ, въ сущности тоже, что и атеизмъ, который самъ же Вольтеръ признаетъ чудовищемъ, пожирающимъ и разрушающимъ общество? Изъ предъидущаго видно по крайнѣй мѣрѣ, какъ немного пужно для того, чтобы деизмъ превратился въ атеизмъ. Деизмъ состоитъ въ признаніи бытія Бога, основанномъ единственно на убѣжденіи разума, ибо деистъ вѣритъ лишь тому, что внушаетъ разумъ; но такъ какъ, по причинѣ слабости нашего разумѣнія, что признаетъ самъ-же Вольтеръ, неминуемо разногласіе не только въ понятіяхъ о Богѣ, но даже и въ томъ, существуетъ-ли одинъ только Богъ, какъ существо необходимое, или же много есть такихъ существъ,—то почемуже и къ деизму не примѣнить того-же, что Вольтеръ говоритъ о теологіи, а говоритъ онъ о теологіи слѣдующее: „можетъ показаться парадоксомъ, но на повѣрку оказывается истиной, что богословы ввергали умы въ атеизмъ, и что философія ихъ спасала отъ него. Можно прстить сомнѣніе относительно Божества въ виду того, что тѣ самые, которые возвѣщали его, спорили о его природѣ. Первые отцы Церкви почти всѣ признавали Бога тѣлеснымъ. Другіе, хотя не приписывали Ему протяженія, однако помѣщали Его въ извѣстной части неба. Но однимъ Онъ сотворилъ міръ во времени, по другимъ Онъ сотворилъ самое время. Одни давали Ему Сына, подобнаго Ему, другіе не соглашались съ тѣмъ, что Сынъ подобенъ Отцу. Спорили о томъ, какимъ образомъ третье лицо исходитъ отъ двухъ другихъ. Видя такъ мало согласія у лицъ, такъ сказать, довѣренныхъ у Бога; видя, какъ эти лица, одни

противъ другихъ, провозглашали апоему изъ вѣка въ вѣкъ, сходясь лишь въ неумѣренной жаждѣ богатства и знатности; съ другой стороны, смотря на это ужасное количество преступленій и несчастій на землѣ, изъ которыхъ многія произошли вслѣдствіе самыхъ споровъ между этими попечителями душъ, — нужно признать, что человѣку разсудительному могло казаться дозволительнымъ сомнѣніе въ бытіи существа столь странно возвѣщаемаго, а человѣку чувствительному можно было вообразить, что Богъ, Который причинилъ столько несчастій, не существуетъ ¹⁾. Подобнымъ-же образомъ, и еще съ большимъ

¹⁾ Впрочемъ, какъ мало согласія и единства въ мысляхъ и рѣчахъ Вольтера, объ этомъ можно судить еще по слѣдующему примѣру. Вотъ какъ онъ защищаетъ свободу печати. „Вообще, говоритъ онъ, это право натуральное — пользоваться своимъ перомъ, какъ и языкомъ, на свой страхъ. Я зналъ много книгъ скучныхъ, но не знаю ни одной, которая-бы сдѣлала дѣйствительное зло. Теологи и мнимые политики кричатъ: религія разрушена, правительство погибло, если вы допустите въ печати извѣстныя истины, или-же извѣстные парадоксы. Никогда не смѣйте мыслить, не испросивъ согласія у монаха или чиновника... Гомеръ, Платонъ, Цицеронъ, Виргилій никогда ничего не публиковали иначе, какъ съ одобренія докторовъ Сорбонны и святой инквизиціи. Смотрите, до какого страшнаго паденія довела Англію и Голландію свобода печати... Нельзя разсуждать болѣе справедливо, но посмотрите, какое государство погубила книга. Самую опасною считается книга Спинозы. Не только въ качествѣ іудея нападаетъ онъ на Новый заветъ, но и въ качествѣ ученаго разрушаетъ Ветхій. Его система атеизма лучше построена и въ тысячу разъ лучше обоснована, чѣмъ система Стратона и Эпикура. Но можно-ли сказать, что эта книга измѣнила видъ міра; но потерялъ-ли какой нибудь противникъ хотя одну флоринъ изъ своихъ доходовъ вслѣдствіе появленія сочиненія Спинозы? Уменьшились-ли доходы хотя у одного епископа? Напротивъ, доходы ихъ съ тѣхъ поръ удвоились... Явилась новая книга, идея которой нѣсколько задѣваютъ ваши (допустимъ, что вы ихъ имѣете), или авторъ которой числится въ партіи противной вашей фракціи, или еще хуже — не держится никакой партіи, тогда вы подымаете шумъ въ вашемъ маленькомъ уголкѣ: вотъ ужасный человѣкъ напечаталъ, что если-бы у насъ не было рукъ, то мы не могли-бы сдѣлать ни чулка, ни башмака — какое печестіе! Ханжи кричатъ, ученые избѣженные собираются, шумъ увеличивается, передаваясь отъ коллегіи до коллегіи, изъ дома въ домъ, дѣлныя корпораціи приходятъ въ движеніе, — и изъ-за чего? Ради пяти или шести страницъ, о которыхъ никто и не вспомнить спустя три мѣсяца. Вамъ не нравится книга? — опровергайте. Возбуждаетъ въ васъ досаду? не читайте! Вы скажете, что книги Лютера и Кальвина разрушили римскую религію въ цѣлой половинѣ Европы? Почему вы не скажете еще, что книги патріарха Фотія разрушили эту римскую вѣру въ Азіи, Африкѣ, въ Греціи и Россіи? Вы жестоко ошибаетесь, когда думаете, что потеряли вращеніе черезъ книги. Имперія Россійская имѣетъ двѣ тысячи лье протяженія, и цѣтъ тамъ шести человекъ, которые-бы обращали вниманіе на спорные пункты (*qui soient au fait des points*

правомъ, слѣдую логикѣ Вольтера, можно сказать, что деизмъ, въ слѣдствіе порождаемыхъ имъ разногласій, неминуемо превращается въ атеизмъ.

П. Линицкій.

(Продолженіе будетъ).

controverses). Если-бы монахи Лютеръ, кальвинъ, священникъ Цвингліи довольствовались писаніемъ, то Римъ имѣлъ-бы въ своей власти все государство, которая оц. потерялъ; но эти люди и ихъ приверженцы страждовали изъ города въ городъ, изъ дома въ домъ, дѣйствовали на женщинъ, находили поддержку у прищевъ. Знайте, что энтузіастъ капуцинь.. въ роли проповѣдника и исповѣдника произведетъ переворотъ въ цѣлой провинціи, прежде нежели сто авторовъ въ состояніи будутъ ее просвѣтить... Не книгами былъ побѣжденъ Римъ.. Трубы никогда не выгнывали побѣды, никогда отъ нихъ не падали стѣны". *Diction. philosophie, tome, VII. art. Liberte d'imprimer.*

Повидимому все это сказано искренно съ убѣжденіемъ. Но вотъ что говоритъ тотъ-же Вольтеръ въ другомъ мѣстѣ: „Вы презираете книги,—вы, чья вся жизнь истрачивается въ погонѣ за удовольствіями, въ мелочныхъ заботахъ честолюбія или въ праздности. Но подумайте, что весь извѣстный міръ ипчѣмъ инымъ не управляется какъ только книгами. Вся Африка до Египта и Судана повинуются Алкорану, Китаемъ управляетъ книга Конфуція о морали. Значительная часть Индіи повинуются книгѣ Ведъ. Персія въ теченіи вѣковъ управляется книгами Зороастра. Если вы имѣете судебное дѣло, то ваше имущество, ваше счастье, ваша жизнь зависятъ отъ истолкованія книги, которой вы не читали.. Кто руководитъ человѣчество въ странахъ цивилизованныхъ (*dans les pays policés*)? Тѣ, кто умѣетъ читать и писать. Вы не знаете ни Гиппократъ, ни Боэргавъ, ни Сиденгама, но отдаете ваше тѣло въ руки тѣхъ, которые ихъ читали. Вы представляете нашу душу тѣмъ, которымъ платятъ за то, что они читаютъ Библию, хотя и пятидесяти между ними не найдется такихъ, что прочли-бы ее всю со вниманіемъ". *Ibid. tome VII, art. livres.*

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И.

ПИСЬМО LII *).

ДОВОЛЬСТВО СОБОЮ МУДРАГО НЕ УНИЧТОЖАЕТЪ ВЪ НЕМЪ ПОТРЕБНОСТИ
ВЪ ДРУЖЬБЪ.

Ты желаешь знать, по праву-ли въ одномъ письмѣ упрекаетъ Эпикуръ тѣхъ, которые говорятъ, что мудрый довольтвуется самъ собой, и, въ такомъ случаѣ, не имѣетъ нужды въ другѣ. Этотъ упрекъ высказываетъ Эпикуръ противъ Стильпона **) и тѣхъ, для которыхъ высочайшимъ благомъ является душа неотзывчивая, неподверженная страданію. Но мы не избѣжимъ впасть въ двусмысленность, если захотимъ греческое слово ἀπάθεια передать посредствомъ латинскаго impatentia, нечувствительность. Ибо подъ этимъ выраженіемъ можно разумѣть совсѣмъ противоположное тому, что мы хотимъ обозначить ***). Мы въ словѣ „нечувствительный“ о томъ говоримъ, который подавляетъ воспріемлемость ко всякому страданію. Здѣсь же подъ нимъ будетъ разумѣться тотъ, который въ состояніи не страдать ни отъ какого зла. Посмотри - же, пристойнѣ-ли говорить о неуязвимой душѣ, или о той, которая поставлена ввѣ всякаго страданія. Насъ отличаетъ отъ тѣхъ

---

*) Ер. 9.

**) Стильпонъ—философъ изъ Мегары, ученикъ Эвклида и одинъ изъ такъ называемыхъ мегаряковъ, которыхъ философія была сочетаніемъ сократовскаго и элеатскаго ученія.

***) Ибо impatentia обозначаетъ не просто нечувствительность (или спокойную терпѣливость), какъ гр. ἀπάθεια, но и выносливость, неспособность выносить.

Философовъ вотъ что: нашъ мудрый хотя и превозмогаетъ всякую тягость, но чувствуетъ ее; а ихъ мудрый совѣмъ не чувствуетъ. У насъ съ ними общее то, что мудрый въ себѣ самомъ находитъ довольство; однако имѣть друга, сосѣда, сожителя онъ радъ, какъ бы ни полно было его довольство. Смотри, какъ онъ живетъ въ довольствѣ самъ съ собой: иногда ему достаточно частички самого себя. Предположи, что болѣзнь или непріятель отняли у него руку, — предположи, что кто-либо случайно выдавилъ у него глазъ, — онъ и въ этомъ положеніи будетъ довольствоваться тѣмъ, что у него осталось, и съ потерпѣвшимъ потерю и изувѣченнымъ тѣломъ онъ будетъ также свѣтелъ, какъ былъ радостенъ при его цѣлости. О томъ, чего у него нѣтъ, онъ не жалуется, а того, чтобы у него ни въ чемъ не было недостатка, желаетъ всего болѣе. Вотъ какъ мудрый довольствуется собой: не то, чтобы онъ желалъ быть безъ друга, а желалъ бы быть въ состояніи обходиться безъ него. И когда я говорю, что онъ можетъ, то въ томъ смыслѣ, что онъ выноситъ потерю друга, не выходя изъ предѣловъ ровнаго настроенія. Онъ вѣдь никогда не будетъ безъ друга, поелику въ его власти находится какъ можно скорѣе вознаградить потерю. Какъ Фидіасъ, попортивши статую, работая далѣе, сдѣлаетъ другую *лучшую*: такъ и этотъ, искусный въ завязываніи дружескихъ отношеній, замѣститъ кѣмъ-либо мѣсто потеряннаго. У тебя въ душѣ *теперь* поднимается вопросъ: статочное-ли дѣло скоро создать себѣ друга? Я скажу: *статочное, если мы сходимся*: все равно какъ мы съ тобой согласны въ томъ, чтобы я тотчасъ же платилъ тебѣ, что долженъ, и, что касается этого письма, мы не будемъ въ долгу другъ у друга.

Гекатонъ *) говоритъ: „я тебѣ сообщу тайну быть любимымъ, заключающуюся не въ напѣткѣ какомъ-нибудь, не въ приворотномъ зельѣ, не въ чародѣйственномъ наговорѣ. Если хочешь быть любимымъ, самъ люби!“ Не только старинною и вѣрною дружбою пользованіе сопряжено съ большимъ удовольствіемъ, но и самое вступленіе въ дружескую связь и первые шаги дружественности. Какое различіе существуетъ

*) Жившій въ вѣкѣ Тиверіи, впрочемъ, мало извѣстный стоикъ.

между земледѣльцемъ, собирающимъ жатву, и земледѣльцемъ дѣлающимъ посѣвъ,—такое-же и между человекомъ, добывшимъ себѣ друга, и тѣмъ, который еще работаетъ для его пріобрѣтенія. *Философъ* Атталь обыкновенно говорилъ: „создавать себѣ друга сладостнѣе, чѣмъ обладать имъ, все равно какъ художнику пріятнѣе самое писаніе картины, чѣмъ ея окончаніе“. Эта, глубоко погруженная въ свое дѣло, заботливость носитъ въ себѣ несказанныя утѣхи, въ самомъ своемъ занятіи. Не сравнится съ этимъ удовольствіемъ удовольствіе того, который опустилъ руку вмѣстѣ съ окончаніемъ своей работы: теперь онъ наслаждается плодомъ своего искусства; живописецъ-же, онъ наслаждается самымъ искусствомъ. Дѣти, выросши, дѣлаютъ больше полезнаго; по они милѣе, пока малы.

Теперь воротимся къ нашей задачѣ. Мудрый, даже и имѣя довольство въ самомъ себѣ, желаетъ имѣть друга, пусть и не по какой-либо другой причинѣ, какъ только для того, чтобы дать исходъ дружескому чувству—не дать бесполезно покончиться столь великой силѣ; и не потому, какъ говоритъ Эпикуръ въ вышеупомянутомъ письмѣ, „чтобы имѣть человека, который во время болѣзни былъ бы у него сидѣлкой,—который прибѣгалъ-бы къ нему на помощь, когда онъ поверженъ въ оковы или въ нуждѣ“; но дабы имѣть кого-либо, у кого онъ самъ въ случаѣ болѣзни могъ-бы быть прислужникомъ, кого онъ самъ могъ-бы освободить изъ-подъ стражи. Кто точкой зрѣнія избралъ самого себя, и отъ этого пункта направляется къ дружбѣ, *не собралъ много матеріала для истиннаго представленія о дружбѣ*; вступивши на ложный путь, онъ и застрянетъ на немъ. Вотъ онъ, *говорятъ*, воспиталъ для себя такого друга, который не откажется подать ему помощь даже и въ заключеніи: *однако* этотъ другъ окажется далеко, лишь только послышится звукъ цѣпей. Вотъ дружба, которую люди называютъ благовременною. Другъ, котораго мы приблизили къ сердцу изъ-за выгоды, будетъ нравиться намъ дотолѣ, доколѣ будетъ полезнымъ. Потому-то людей, находящихся въ цвѣтущемъ положеніи, всегда окружаетъ множество спутниковъ: а около людей, потерявшихъ устои, кругомъ пустыня; и друзья разбѣгаются отъ нихъ тогда, когда могли-бы всего очевиднѣе

доказать свою дружбу. Поэтому-то мы и видимъ столько примѣровъ негодныхъ людей, то изъ трусости покидающихъ *своихъ друзей* на произволъ судьбы, то изъ малодушія измѣняющихъ имъ. Начало и конецъ необходимо должны совпадать между собою. Кто вступаетъ въ дружескія связи ради пользы, рѣшится и на что-нибудь противное дружбѣ изъ-за выгоды, если не находитъ полной цѣнности въ ней самой. „Во имя чего я отыскиваю друга?“ — Дабы имѣть, за кого-бы я могъ умереть, за кого-бы могъ послѣдовать въ изгнаніе, — кого отъ смерти могъ-бы защитить, расходуя свою собственную жизнь. Та дружба, которую ты описываешь, есть не что иное, какъ купля-продажа, а не дружба: она вѣдь является на прибыль и заглядываетъ, не перепадетъ-ли что на ея долю.

Нѣтъ сомнѣнія, душевное настроеніе любящихъ имѣетъ нѣчто сходное съ дружбой: можно сказать, что чувство это есть вышедшая за предѣлы здраво-спокойнаго состоянія дружба. Неужели-же кто-нибудь любить ради выгоды, ради лести или славы? Любовь ради себя самой оставляетъ позади все другое—она воспламеняетъ души къ страстному исканію красоты, безъ всякаго иного побужденія, кромѣ надежды на взаимность. Какъ-же такъ? изъ достойной уваженія причины возраждается состояніе души постыднаго свойства? Дѣло теперь не о томъ идетъ,—скажешь ты,—стоитъ-ли желать дружбы изъ-за нея самой, или ради чего другаго, а о томъ, что,—предположивши, что слѣдуетъ ей помогать ради нея самой,—приступить къ ней можетъ тотъ, который находитъ довольство въ себѣ самомъ. Какъ-же онъ идетъ къ ней? Какъ къ совершенной красотѣ, ни на прибыль не льстясь, ни испытывая страха предъ непостоянствомъ счастья. Разоблачаетъ дружбу отъ ея высокаго достоинства тотъ, который спискиваетъ ее съ цѣлью извлечь изъ нея полезное. Искать довольства внѣ себя мудрый не имѣетъ нужды.

Это положеніе, мой Луцилій, многіе изъясняютъ превратно; они *желаютъ* отдалить мудраго отъ всего внѣшняго, и заключить его, *такъ сказать*, въ своей собственной кожѣ. Но должно точно ограничивать, что обѣщаетъ это положеніе, и какъ далеко идутъ его обѣщанія. Мудрый въ себѣ самомъ имѣетъ

достаточно силъ для счастливой жизни, но не вообще для жизни. Для этой послѣдней онъ нуждается во многихъ вещахъ; для той же потребно только имѣть душу здравую, взирающую на возвышенное и пренебрегающую случайностями счастья. При этомъ случаѣ я желаю указать тебѣ и на различіе Хризиппа. Онъ говоритъ, что „мудрый не имѣетъ недостатка ни въ чемъ, и однако ему потребны многія вещи; глупому-же нѣтъ дѣла ни до чего, ибо онъ не умѣетъ пользоваться вещами, — тѣмъ не менѣе онъ нуждается во всемъ“. Мудрый даетъ работу рукамъ, глазамъ, и пользуется вещами необходимыми для ежедневнаго обихода, но не нуждается ни въ чемъ; ибо нужда имѣетъ въ себѣ свойство необходимости, а для мудраго необходимости не существуетъ. Итакъ, какъ-бы онъ ни былъ удовлетворенъ самъ въ себѣ, у него есть дѣло до друзей, и онъ желаетъ имѣть ихъ сколь возможно больше — не для того, чтобы жить счастливо, ибо онъ живетъ счастливо и не имѣя друзей. Высочайшее благо не ищетъ вспомогательныхъ для себя средствъ отвнѣ — оно воздѣлывается на домашней почвѣ, раждаясь всецѣло изъ него самого, *человѣка*: когда оно, хотя малую часть себя самого ищетъ внѣ, становится подверженнымъ случайностямъ судьбы. Какой-же однако видъ получить жизнь мудраго, если онъ останется безъ друзей въ то время, какъ будетъ поверженъ въ заключеніе, или покинутъ среди чужаго племени, или задержанъ надолго во время морскаго пути, или выброшенъ на пустынный берегъ? Она будетъ сходствовать съ жизнію Юпитера, который, послѣ того какъ будутъ расторгнуты цѣпи міровой жизни и божественныя силы сольются во едино, — съ прекращеніемъ на нѣкоторое время дѣятельности природы, — почиетъ въ себѣ самомъ, обратившись къ образамъ своего ума. Дѣйствія мудраго напоминаютъ нѣчто подобное: онъ погружается въ самомъ себѣ, живетъ самъ съ собою. *Въ самомъ дѣлѣ*, пока ему возможно упорядочивать свое положеніе по своему собственному почину, онъ доволенъ: вступаетъ-ли онъ въ супружескій союзъ — онъ ищетъ довольства въ самомъ себѣ; раждаются у него дѣти — внутренняя удовлетворенность даетъ ему счастье, и однако, если-бы ему предстояло жить безъ людей, онъ не захотѣлъ-бы

и жить. Къ дружбѣ влечетъ его не собственная выгода, а врожденное побужденіе. Ибо дружество потому и обаятельно, что вкусъ къ нему получается отъ природы, подобно тому какъ мы раждаемся со способностію ощущать сладость и пныхъ вещей. Какъ одиночество намъ ненавистно, и жажда общества нѣкоторымъ образомъ привязываетъ человѣка къ человѣку по силѣ природнаго влеченія; такъ въ природѣ-же кроется тотъ внутренній позывъ, который располагаетъ насъ домогаться дружбы. При всемъ томъ, хотя въ мудромъ любящая привязанность къ друзьямъ въ высшей степени сильна, такъ что онъ отводитъ имъ одинаковое мѣсто съ собой, и часто *даже* дѣлаетъ ихъ исключительнымъ предметомъ своей любви,—кругъ своего блага онъ будетъ ограничивать своимъ внутреннимъ существомъ; онъ будетъ повторять то, что сказалъ Сильционъ, надъ которымъ въ своемъ письмѣ издѣвается Эпикуръ. Этотъ философъ, вмѣстѣ съ завоеваніемъ города потерявши дѣтей и супругу, одинъ, *какъ перстъ*, являясь невредимымъ на всеобщемъ пожарницѣ, и тѣмъ не менѣе счастливымъ,—на вопросъ Димитрія, прозваннаго за разрушеніе городовъ Полиоркетомъ *): „неужели онъ ничего не потерялъ?“ отвѣтилъ: „все добро мое находится при мнѣ!“ Вотъ мужъ неустрашимый и бодрый! Онъ побѣдилъ самого врага, побѣдившаго его. „Я ничего не потерялъ“, говорилъ онъ, и принуждалъ его такимъ образомъ усумниться, точно-ли онъ побѣдилъ. „Все мнѣ принадлежащее при мнѣ“ — справедливость, доблестность, дальновидность, и это *правило нравственной жизни*—ничего не считать за благо, что можетъ быть вырвано изъ рукъ.

Мы удивляемся нѣкоторымъ животнымъ, которыя проходятъ сквозь пламя, безъ ущерба для своего тѣла: па сколько-же удивительнѣе мужъ, который изъ подъ желѣза, развалины и огня поднимается невредимый, не столкнувшись ни съ какой обидой для себя. Не видишь-ли, что легче возобладать надъ цѣлымъ племенемъ, чѣмъ надъ однимъ мужемъ? Но эта мысль не Сильциона только даръ, но и стоиковъ: и они также про-

*) Сынъ Антигона, одинъ изъ такъ называемыхъ діадоховъ или полководцевъ, послѣ смерти Александра Великаго спорившихъ между собою о власти.

носить свои сокровища по дымящимся городамъ невредимо. Внутренняя жизнь своего „я“ занимаетъ ихъ всего болѣе: до этого предѣла они отмѣриваютъ себѣ счастье. Не подумай, что только мы, стойки, роняемъ такія животворныя слова: даже оспаривающій Стильдона Эпикуръ вымолвилъ нѣчто, похожее на это; прими сказанное имъ съ добромъ, хотя долгъ на сегодня я уже погасилъ. „Кто свои владѣнія не находитъ достаточно обширными,—говоритъ онъ,—то хотя-бы онъ былъ властителемъ цѣлаго міра, будетъ жалкимъ бѣднякомъ“. Или можно высказать эту мысль такимъ образомъ, если ты находишь лучшимъ это выраженіе (вѣдь намъ дѣло не въ томъ, чтобы рабски ходить за словами, а—передать точно мысли): „тотъ жалокъ, хотя-бы онъ повелѣвалъ всѣмъ міромъ, который не дошелъ до мысли считать себя счастливѣйшимъ человекомъ“. Дабы тебя убѣдить, что и у всѣхъ такія-же мысли, подсказываемыя несомнѣнно самою природой, я укажу тебѣ на комическаго поэта *), у котораго ты можешь найти слѣдующее:

Не счастливъ тотъ, кто счастья не зреть въ себѣ.

Ибо въ какомъ отношеніи важно то, въ томъ или другомъ ты находишься положеніи, когда оно тебѣ кажется худымъ? Какъ такъ? скажешь. Если-бы, напр., назвалъ себя счастливымъ богатый къ стыду своему, или этотъ, хозяинъ многихъ, но рабъ еще въ бѣльшемъ: сдѣлается-ли онъ счастливымъ дѣйствительно отъ одного мнѣнія о себѣ, *какъ счастливомъ?* Не то, что говоритъ кто-либо, важно, а что чувствуетъ; и не то важно, что сегодня, а что постоянно кто-либо чувствуетъ. Нѣтъ причины опасаться, что столь великое благо дойдетъ до предостойнаго. Никому другому, кромѣ мудраго, не бываетъ привлекательнымъ свое, лично ему принадлежащее; глупость терпитъ нужду *во вниманіи* вслѣдствіе отвращенія къ себѣ.

---

*) Разумѣется Публій Спри

ПИСЬМО III *).

должно жить согласно съ указаніями природы и не превращать день въ ночь и наоборотъ.

День уже уменьшился; солнце отступило нѣсколько назадъ, однако-же осталось еще достаточно свободнаго времени для того, кто, такъ сказать, встаетъ съ самымъ началомъ дня. Но еще дѣятельнѣе, еще лучше бываетъ тотъ, кто ожидаетъ дня и привѣтствуетъ первый свѣтъ **). Постыдно спать, когда солнце взошло уже высоко, и начинать *дѣятельность* въ срединѣ дня. А для многихъ это еще время предъ разсвѣтомъ ***). Бываютъ и такіе люди, которые занятія дня ставятъ на мѣсто занятій ночи и наоборотъ, и не прежде раскрываютъ глаза, отягченныя вчерашнимъ пьянствомъ, какъ начнетъ наступать ночь. Какъ у тѣхъ, которыхъ природа, по выраженію Виргилія, поселила подъ нами съ противоположной стороны,—

Солнце лишь только появится къ намъ на коняхъ своихъ борзыхъ,
Вечерь пурпурный у нихъ зажигаетъ огни свои ярко ****),

такъ и у этихъ людей жизнь, а не страна, представляетъ противоположность жизни всѣхъ. Есть нѣкоторые и въ этомъ городѣ антиподы, которые, какъ говоритъ Маркъ Катонъ, никогда не видѣли ни восхода, ни захода солнца. Ты думаешь, что эти люди, не знающіе, когда жить, знаютъ, какъ должно жить. И эти люди боятся смерти, которой они живо отдали себя, и также несчастны, какъ почившія птицы. Пусть они проводятъ время своего заключенія во мракѣ за виномъ и умащаютъ себя (благовопными) мазями, пусть они проводятъ время въ пирахъ съ множествомъ блюдъ, пусть губятъ все время ночи: они не пируютъ, а справляютъ себѣ погребальный пиръ. Въ честь умершихъ, по крайней мѣрѣ, приносятъ жертву днемъ. Но для человека дѣятельнаго никакой день не продолжителенъ. Будемъ-же дѣлать жизнь продолжительнѣе, цѣль и содер-

*) Ер. CXII.

**) Съ первымъ свѣтомъ выходить изъ дому (на дѣятельность).

***) Самое раннее.

****) Здѣсь рѣчь идетъ о людяхъ обитавшихъ, по мнѣнію древнихъ, на противоположной сторонѣ земли. Georg. I, 250.

жаніе которой—дѣятельность. Пусть будутъ опредѣлены предѣлы ночи, и отъ нея пусть нѣчто будетъ взято для дня. Птицъ, предназначенныхъ для стола, держать въ темнотѣ, чтобы опѣ скорѣе жирѣли въ неподвижности; у всѣхъ лежащихъ безъ всякаго движенія въ спокойномъ тѣлѣ появляется опухоль и на неподвижныхъ членахъ нарастаетъ жиръ. Тѣла тѣхъ, которые скрываются во мракѣ, имѣютъ дурной видъ; ихъ цвѣтъ подозрительнѣе, чѣмъ цвѣтъ у поблѣднѣвшихъ отъ болѣзни: слабые и изнѣженные они имѣютъ блѣдный цвѣтъ; въ нихъ въ живыхъ—плоть мертвецовъ. Но это я указалъ на самое меньшее изъ золъ, въ нихъ заключающихся. На сколько больше мрака въ дуплѣ ихъ! Она оцѣпенѣла въ нихъ, окружена мракомъ и завидуетъ слѣпымъ. Кто-же имѣлъ когда-либо глаза для тьмы?

Ты спрашиваешь, какимъ образомъ это извращеніе, т.-е. отрицаніе дня и сосредоточеніе всей жизни въ ночи, относится къ душѣ? Всѣ пороки противны природѣ; всѣ они нарушаютъ должный порядокъ. Восторгаться превратнымъ и не только отступать отъ правильнаго (образа жизни), но уходить отъ него какъ можно дальше и потомъ даже становиться на противоположную сторону—доказательство роскоши. Развѣ не кажутся тебѣ живущими несогласно съ природою тѣ, которые патащакъ пьютъ, воспринимаютъ вино въ пустыя вены и пьяные идутъ къ *обѣду*? *) Особенно этотъ порокъ распространенъ между юношами, которые такъ упражняютъ свои силы, что пьютъ у порога при входѣ въ баню между пачими, даже уни-

*) Здѣсь не лишнимъ считаемъ привести отрывокъ изъ письма Новаціана о іудейской ипщѣ, изъ котораго видно, что древніе не пили натошакъ: „естъ и такіе, которые, называясь христіанами, показываютъ примѣръ целоздержности. Пороки ихъ дошли до такой степени, что они пьютъ натошакъ въ раннее время, не думая, что христіанину нужно пить послѣ ипщи, чтобы вино, влитое (выпитое) тотчасъ послѣ сна, не прошло по пустымъ венамъ“. Затѣмъ прибавляетъ: „Итакъ видишь, что такіе люди еще натошакъ, но уже опьянѣвшіе, не въ харчевни бѣгутъ, а носятъ съ собою харчевню. Если кто изъ нихъ присутствуетъ (другаго), то не поцѣлуй подносить, а заздравное питье“. Плутархъ считаетъ питье до вѣды одною изъ причинъ болѣзней. „Не маловажное значеніе, говоритъ онъ, имѣетъ то, что называется *Proromata* (питье натошакъ). Древніе до принятія ипщи даже воды не вкушали, а теперь натошакъ нагружается прежде виномъ, потомъ, опьянѣвши, ѣдятъ“.

ваются, и потъ, который вызывается частымъ питьемъ горячаго напитка, потомъ стирають. Питье послѣ завтрака или обѣда общеупотребительно; это дозволяютъ себѣ деревенскіе отцы семействъ, незнакомые съ настоящимъ удовольствіемъ. То чистое вино доставляетъ наслажденіе, которое не на поверхности пищи плаваетъ, которое свободно проникаетъ въ нервы; то опьяненіе пріятно, которое идетъ въ пустоту *).

Развѣ не кажутся тебѣ живущими несогласно съ природою тѣ, которые мѣняютъ свою одежду на женскую? **) Не живутъ-ли противно природѣ тѣ, которые желаютъ, чтобы отрочество проявлялось у нихъ въ чуждое для него время? ***) Развѣ не противно природѣ живутъ тѣ, которые зимой желаютъ розъ, которые посредствомъ согрѣтой воды и искуснымъ подражаніемъ жарѣ въ морозъ выводятъ липн и весенніе цвѣты? Развѣ согласно съ природою живутъ тѣ, которые на высокихъ бапняхъ разводятъ плодовые сады, у которыхъ шумятъ лѣса на кровляхъ и вершинахъ домовъ, пуская корни тамъ, куда съ дерзостью (собственно) могли-бы достигнуть (только) ихъ вершины? Развѣ не противно природѣ живутъ тѣ, которые устраиваютъ теплыя купанья въ морѣ и думаютъ, что непріятно имъ будетъ плавать, если потокомъ не будетъ стремиться на нихъ теплая струя? Если они рѣшили желать всего противъ (закона) природы, то въ самомъ скорѣйшемъ времени они совершенно отступятъ отъ нея.

„Разсвѣтаетъ,—пора спать ****). Время отдыха, теперь займемся гимнастикой, прогуляемся, позавтракаемъ. День уже склопается къ вечеру,—пора обѣдать. Не вужно дѣлать то, что дѣлаетъ народъ; дурно жить избитымъ образомъ, подобно народу. Оставимъ мы общій день; у насъ должно быть собственное особенное утро“. Такъ разсуждающихъ людей я считаю какъ бы погребенными. Какъ не далеко стоять отъ погребенія и притомъ *преждевременнаго* тѣ, которые живутъ при свѣ-

*) По взгляду извращенныхъ людей.

**) Нѣкоторые ради нѣжности пахѣвали на себя во время пириества женскую одежду.

***) Разумѣются тѣ, которые старались придать лицу своему юношескій видъ.

****) Это слова извратившихъ правильнѣй образъ жизни и превратившихъ день въ ночь и наоборотъ.

чахъ и факелахъ! Я знаю, что многіе проводили жизнь въ это время, между которыми былъ и преторъ Атилій Бута, которому, когда онъ, проживши огромное имущество, жаловался на бѣдность, Тиберій сказалъ: „поздно ты проснулся“. Юлій Монтанъ, сносный поэтъ, испытавшій на себѣ пріязнь и холодъ Тиберія, читалъ свои стихи и *вовель въ нихъ описаніе* восхода и захода солнца. Когда одинъ негодовалъ на то, что онъ въ продолженіи цѣлаго дня читаетъ и говоритъ, что нельзя присутствовать при его чтеніи, Натта Пинарій сказалъ: „неужели же я могу это охотнѣе дѣлать? А я готовъ слушать его отъ восхода солнца до заката“. Когда онъ прочиталъ слѣдующіе стихи:

Вотъ въ колесницѣ является Фебъ лучезарный на небѣ,
 День занимается. Въ гнѣздышко, хитро слетенное дѣтямъ,
 Ласточка съ пѣньемъ ужъ пищу несетъ и съ любовью голодныхъ
 Кормить и снова летитъ.....

Варъ, римскій всадникъ, спутникъ Вицинія, любитель хорошихъ обѣдовъ, на которые его приглашали за его злой языкъ, воскликнулъ: „Бута ложится *теперь* спать!“ Потомъ, когда поэтъ вскорѣ прочиталъ:

Вотъ пастухи ужъ со стадомъ домой возвратились съ поля;
 Темная ночь начинаетъ спускаться на сонную землю.—

тотъ же Варъ сказалъ: „что это? уже и ночь? Пойду при вѣтствовать Бута съ добрымъ утромъ!“ Не было ничего болѣе замѣчательнаго кромѣ его извращеннаго образа жизни, который, какъ я сказалъ, въ это самое время многіе ввели у себя. Основаніемъ для такой жизни у нѣкоторыхъ служатъ не то, что они сколько нибудь думаютъ, что ночь имѣетъ въ себѣ что либо пріятное, но то, что имъ непріятно ничто противное: свѣтъ въ тягость для нечистой совѣсти; всего желающій и все презирающій,—дорого ли, дешево ли это куплено,—брезгаетъ даровымъ освѣщеніемъ. Кромѣ того утопающіе въ роскоши хотятъ, чтобы, пока они живутъ, говорили о ихъ жизни. Если о нихъ молчатъ, они думаютъ, что погубили *только* трудъ, а потому всегда снова дѣлаютъ то, что возбуждаетъ о нихъ говоръ. Многіе проѣдаютъ свое благосостояніе, многіе имѣютъ (любовницъ) *подругъ*: чтобы пріобрѣсти себѣ имя, нужно не

только утопать въ роскоши, а сдѣлать что-либо изъ ряда выходящееся. Въ столь дѣятельномъ городѣ обыкновенное распутство не возбуждаетъ народнаго говора. Я слышалъ разсказъ Педона Альбинована (онъ былъ прекраснѣйшій разсказчикъ), жившаго надъ домомъ Сп. Папивія, который былъ изъ числа бѣгающихъ отъ дневнаго свѣта. „Слышу, разсказывалъ онъ, около третьяго часа ночи удары хлыста; спрашиваю: что это онъ (Папивій) дѣлаетъ? Мнѣ говорятъ, что это онъ принимаетъ отчеты *). Около шестаго часа ночи слышу, поднялся сильный крикъ; я спрашиваю: это что? Мнѣ говорятъ, что это онъ упражняетъ свой голосъ. Около восьми часовъ ночи спрашиваю: что это значитъ шумъ колесъ? Мнѣ говорятъ, что онъ отправился кататься. Предъ разсвѣтомъ поднялась бѣготня, зовутъ рабовъ, шумятъ ключники, повара. Это что значитъ? спрашиваю я. Потребовалъ себѣ медоваго и шпеничнаго питья, вышелъ изъ ванны“. „А обѣдъ его, говорилъ Педонъ, продолжался дольше, чѣмъ день? Нѣтъ. Онъ жилъ очень умеренно онъ ничего не употреблялъ кромѣ ночи“. Нѣкоторымъ, называющимъ его скупымъ и жаднымъ, онъ говорилъ: „вы можете называть его *михнобѣемъ*“ (живущимъ при свѣтѣ лампы, т. е. дѣлающимъ изъ ночи день). Не должно удивляться, если ты находишь такое множество пороковъ: они различны и имѣютъ безчисленное множество видовъ; нѣтъ возможности объять всѣ роды ихъ. Забота о хорошемъ (справедливомъ) не сложна; забота о дурномъ сложна: постоянно нами дѣлаются новыя уклоненія. Тоже самое можно сказать и объ обычаяхъ. У людей, живущихъ согласно съ природою, они просты и неизысканы, а у тѣхъ въ высшей степени извращены и идутъ въ разладъ и съ другими, и съ самими собою. Причина этой болѣзни лежитъ все-таки, какъ мнѣ кажется, въ извращеніи общепринятаго образа жизни. Какъ отличаются они отъ остальныхъ одеждою, изысканностію своихъ обѣдовъ и убранствомъ своихъ экипажей, такъ хотятъ отличаться еще въ распредѣленіи времени. Они не хотятъ грѣшить обычнымъ образомъ, потому что они считаютъ дурную молву наградою за грѣхи. Къ этому стремятся всѣ тѣ люди, которые, такъ сказать, жи-

*) Отчеты отъ рабовъ, при чемъ иногда бить ихъ бичемъ.

вуть наизворотъ. Посему, мой Луцилій, будемъ идти тѣмъ путемъ, который предписываетъ намъ природа, и никогда не будемъ отъ нея уклоняться. Кто по ней идетъ, для того все легко и доступно; кто стремится въ противную сторону, жизнь того подобна тѣмъ, которые паправляютъ свою ладью противъ теченія.

ЛИСТОКЪ

• Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Декабря № 23. 1884 года.

Содержаніе: Опрежденія Святѣйшаго Синода.—Уставы и штаты православныхъ духовныхъ семинарій и училищъ (продолженіе).—Росписаніе очереднаго проповѣданія Слова Божіа протоіереямъ и священникамъ г. Харькова и подгороднихъ селеній на 1885 годъ.—Списокъ лицъ, коимъ, на основаніи § 10 Высочайше утвержденныхъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, предоставлено право преподаванія простаго (универсала) ибнія въ церковно-приходскихъ школахъ.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Отъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго училищнаго Совѣта.—Епархіальныя извѣщенія.—Списокъ пожертвованій на возобновленіе пострадавшаго отъ пожара семинарскаго храма.—Вѣдомость о количествѣ свѣчей, отпущенныхъ изъ Бѣлопольскаго склада Епархіальнаго свѣчнаго завода.—Извѣстія и замѣтки

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

I. Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Самодержца Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Амвросію, Епископу Харьковскому и Ахтырскому.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 3 іюля 1884 г. за № 142, о разрѣшеніи цензору издаваемаго въ Харьковѣ духовнаго журнала „Вѣра и Разумъ“ одобрить къ печатанію отдѣльные оттиски статей, помѣщаемыхъ въ означенномъ журналѣ. И по справкѣ, приказали: Согласно представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить цензору издаваемаго въ Харьковѣ духовнаго журнала „Вѣра и Разумъ“ одобрить къ печатанію отдѣльные оттиски статей, помѣщаемыхъ въ томъ журналѣ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы оттиски эти были буквально точны съ печатаемыми въ журналѣ статьями; о чемъ и дать знать Вашему Преосвященству указомъ.

II. Выписка изъ указа Правительствующаго Сената, отъ 4 мая 1883 г. за № 7410, о внесеніи въ послужные списки отмітокъ о судимости лицъ, состоящихъ на государственной службѣ.

Въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 4 мая 1883 года за № 7410 изложено: Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ

общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министра Юстиціи о внесеніи въ послужные списки отмѣтокъ о судимости лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, мнѣніемъ, Высочайше утвержденнымъ, положилъ: I. Въ отмѣну, дополненіе и измѣненіе подлежащихъ статей свода законовъ и свода военныхъ постановленій, постановить слѣдующія правила:

1. Судебные приговоры, послѣдовавшіе по обвиненіямъ въ преступленіяхъ и проступкахъ гражданскихъ чиновниковъ и канцелярскихъ служителей всѣхъ вѣдомствъ, а также офицеровъ, какъ принадлежащихъ къ составу сухопутныхъ войскъ или флота, такъ равно числящихся по другимъ вѣдомствамъ, вносятся въ послужные этихъ лицъ списки, въ видѣ краткихъ отмѣтокъ, помѣщаемыхъ въ графѣ XI. Отъ дѣйствія сего правила изъемяются случаи, исчисленные въ статьѣ 2 настоящаго указа.

2. Внесенію въ послужные списки не подлежатъ: а) приговоры оправдательные; б) приговоры по дѣламъ, прекращеннымъ за примиреніемъ сторонъ; в) приговоры, коими на основаніи уложенія о наказаніяхъ и устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, опредѣлены внушенія, замѣчанія, выговоры безъ внесенія въ послужной списокъ, денежные взысканія, вычетъ изъ жалованья или арестъ на время не свыше трехъ недѣль.

3. Взысканія, которымъ чины гражданского вѣдомства подвергаются безъ суда, по распоряженію начальства, а также дисциплинарныя взысканія, налагаемыя на офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ военно-сухопутнаго и военно-морскаго вѣдомствъ, на основаніи особыхъ о томъ правилъ, вообще не подлежатъ означенію въ послужныхъ спискахъ; но дисциплинарныя взысканія, налагаемыя на упомянутыхъ офицеровъ и чиновниковъ, отмѣчаются въ штрафной графѣ послужнаго списка: а) когда такимъ взысканіемъ замѣняется, по Монаршему милосердію, другое болѣе тяжкое наказаніе, опредѣляемое только по суду, и б) когда виновный подвергнутъ дисциплинарному взысканію по Высочайшему повелѣнію, съ особымъ въ томъ и другомъ случаѣ подтвержденіемъ о внесеніи взысканія въ послужной списокъ.

4. Отмѣтки о наложенныхъ взысканіяхъ, внесенныя въ послужные списки на основаніи предшествующихъ статей, не подлежатъ исключенію изъ списковъ, развѣ-бы, по возобновленіи дѣла установленнымъ порядкомъ, подвергшееся взысканію лицо было оправдано.

5. Означенныя въ статьѣ I лица, приговоренныя на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ, а также воинскаго и военно-морска-

го устава о наказаніяхъ, къ отставленію отъ службъ или къ отрѣшенію отъ должности, или-же къ наказаніямъ не ниже заключенія въ тюрьмѣ, крѣпости или смирительномъ домѣ, а офицеры и гражданскіе чиновники военно-сухопутнаго и военно-морскаго вѣдомствъ, сверхъ того, въ случаяхъ присужденія ихъ къ содержанію на гауптвахтѣ съ ограниченіемъ или безъ ограниченія нѣкоторыхъ преимуществъ по службѣ, если это наказаніе опредѣлено замѣнить тюремнаго заключенія (прил. 1 къ воин. уст. о нак. и прил. 1 къ военно-морскому уставу о наказ.), равно какъ подвергшіеся дисциплинарнымъ взысканіямъ по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ (ст. 3),—лишаются права на получение наградъ и повышеній по службѣ. Право это можетъ быть возстановлено не иначе, какъ состоявшимся въ надлежащемъ порядкѣ разрѣшеніемъ не считать судимости пренятствіемъ къ полученію отличій, причемъ о воспослѣдованіи такого разрѣшенія дѣлается отмѣтка въ XI графѣ послужнаго списка.

6. Подлежащіе внесенію въ послужные списки судебные приговоры (ст. 1 и 2), которыми опредѣлены взысканія менѣе тяжкія, нежели указанныя въ статьѣ 5 настоящаго узаконенія, подвергаютъ виновныхъ ограниченіямъ въ правѣ на получение ордена св. Владиміра и знака отличія безпорочной службы, согласно учрежденію орденовъ и другихъ знаковъ отличія. Въ отношеніи-же лицъ, приговоренныхъ къ упомянутымъ въ статьѣ 5 наказаніямъ, означенныя ограниченія сохраняютъ свою силу даже и въ томъ случаѣ, когда воспослѣдуетъ разрѣшеніе о нечисланіи судимости пренятствіемъ къ полученію наградъ и повышеній по службѣ.

7. О привлеченіи поименованныхъ въ статьѣ 1 лицъ къ слѣдствію и суду въ качествѣ обвиняемыхъ и о послѣдовавшихъ относительно ихъ приговорахъ, вступившихъ въ законную силу, судебныя установленія, за исключеніемъ мировыхъ судей и сѣздовъ и гминныхъ судовъ, увѣдомляютъ своевременно тѣ учрежденія, въ которыхъ лица сіи состоятъ на службѣ. Мировые судьи и сѣзды, а также гминные суды, сообщаютъ упомянутымъ учрежденіямъ лишь о всѣхъ постановляемыхъ ими обвинительныхъ приговорахъ, по вступленіи таковыхъ въ законную силу. По дѣламъ, которыя могутъ быть окончены примиреніемъ, означенные приговоры, подлежащіе исполненію при посредствѣ начальства обвиненныхъ, сообщаются учрежденіямъ, въ конхъ виновные состоятъ на службѣ, лишь по приведеніи въ исполненіе.

УСТАВЫ И ШТАТЫ

ПРАВОСЛАВНЫХЪ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЙ И УЧИЛИЩЪ.

Уставъ православныхъ духовныхъ училищъ.

(Продолженіе *)

Гл. VII.— О помощникѣ смотрителя.

§ 58. Помощникъ смотрителя назначается по представленію епархіальнаго преосвященнаго Святѣйшимъ Синодомъ.

§ 59. Преподавая священную исторію, помощникъ смотрителя раздѣляетъ съ смотрителемъ труды по учебно-воспитательной и хозяйственной частямъ въ училищѣ, причѣмъ во всѣхъ случаяхъ поступаетъ по его указаніямъ и отдаетъ ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

§ 60. Въ случаѣ болѣзни или отсутствіи смотрителя, помощникъ исправляетъ его должность.

Примѣчаніе. Въ помощь инспекціи въ училищахъ можетъ быть учреждаемая должность надзирателей изъ окончившихъ курсы семинаріи въ первомъ разрядѣ, опредѣляемыхъ епархіальнымъ преосвященнымъ, по рекомендаціи смотрителя и его помощника, послѣ трехмѣсячнаго испытанія.

Гл. VIII.—Объ учителяхъ.

§ 61. Учители училищъ опредѣляются на должность при началѣ учебнаго года Святѣйшимъ Синодомъ, по представленіямъ академическихъ совѣтовъ, а въ теченіе учебнаго года Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, по докладамъ Учебнаго Комитета.

Примѣчаніе. При недостаткѣ лицъ съ академическимъ образованіемъ допускаются къ исправленію учительскихъ должностей студенты семинаріи, по рекомендаціи семинарскаго правленія утверждаемые преосвященнымъ.

§ 62. Могутъ быть приглашаемы для преподаванія въ училищѣ, съ утвержденія епархіальнаго преосвященнаго, и наставники изъ другихъ вѣдомствъ, съ назначеніемъ имъ вознагражденія по соглашенію ихъ съ училищнымъ правленіемъ.

§ 63. Учители со степенію магистра и кандидата богословія, съ учеными степенями другихъ высшихъ учебныхъ заведеній имперіи, или съ свидѣтельствами на право преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, извѣствующіе до 12-ти уроковъ въ недѣлю, получаютъ по штату положенное жалованье (700 р.), а выслужившіе пять лѣтъ—увеличенное (900 р.), дѣйствительные-же студенты академіи и студенты семинаріи—уменьшенное (420 р.), причѣмъ за каждый годичный урокъ, сверхъ 12-ти, полагается добавочное вознагражденіе первымъ по 50 р., и выслужившимъ пятилѣтіе по 60 р., вторымъ-же по 20 р.

Примѣчаніе. Жалованье сіе можетъ быть увеличиваемо изъ мѣстныхъ средствъ съ утвержденія епархіальнаго архіерея, если съѣдомъ духовенства будетъ это признано возможнымъ и нужнымъ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 22.

§ 64. Каждый учитель должен преподавать свой предмет по установленной программѣ и учебнику, не употребляя письменныхъ къ нему дополненій безъ крайней нужды.

§ 65. На учителей возлагается наблюдение, во время ихъ уроковъ, за порядкомъ и тишиною въ классѣ, причемъ учениковъ, нарушающихъ спокойствіе, они или сами подвергаютъ взысканіямъ или доносятъ объ нихъ смотрителю.

§ 66. За каждый мѣсяцъ учителя представляютъ смотрителю вѣдомость объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ; предъ окончаніемъ-же учебнаго года таковыя вѣдомости представляются смотрителю за цѣлый годъ.

§ 67. Учитель, въ случаѣ невозможности быть въ классѣ, увѣдомляетъ смотрителя о причинѣ своего отсутствія заблаговременно, дабы смотритель могъ принять мѣры къ назначенію ученикамъ занятія.

Гл. IX.—О почетномъ блюстителѣ по хозяйственной части.

§ 68. Почетный блюститель по хозяйственной части избирается училищнымъ правленіемъ и утверждается въ семь званій епархіальнымъ архіереемъ.

§ 69. Почетный блюститель содѣйствуетъ возможно лучшему содержанію училища по хозяйственной части денежными и другими, по усердію своему, единовременными или постоянными приношеніямъ.

§ 70. Почетный блюститель имѣетъ право осматривать училище и наблюдать за содержаніемъ учениковъ, живущихъ въ общежитіяхъ.

§ 71. Почетный блюститель приглашается въ засѣданія правленія по хозяйственнымъ дѣламъ съ правомъ голоса.

Гл. X.—О приѣмѣ учениковъ въ училища.

§ 72. Приѣмъ дѣтей дозволяется какъ въ первый классъ училища, такъ и въ послѣдующіе.

§ 73. Въ первый классъ поступаютъ дѣти въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ, обученные читать и писать по-русски и читать по-славянски, знающіе общепотребительныя молитвы, символъ вѣры и заповѣди, по аріометикѣ первыя два дѣйствія, съ таблицею умноженія.

§ 74. Въ послѣдующіе классы принимаются имѣющіе соотвѣтственные классу познанія и возрастъ.

§ 75. Приѣмные экзамены производятся предъ началомъ учебнаго года.

§ 76. Прошенія о приѣмѣ подаются на имя смотрителя; при прошеніяхъ представляется метрическое свидѣтельство или, при неимѣніи его, выписка изъ метрическихъ книгъ.

Гл. XI.—Объ обученіи въ училищахъ.

§ 77. Въ училищахъ преподаются слѣдующіе предметы:

- 1) Священная исторія Ветхаго и Новаго Завета.
- 2) Пространный христіанскій катехизисъ.
- 3) Изъясненіе богослуженія, съ церковнымъ уставомъ.
- 4) Русскій и церковно-славянскій языкъ.

- 5) Латинскій языкъ.
- 6) Греческій языкъ.
- 7) Географія.
- 8) Арифметика.
- 9) Чистописаніе.
- 10) Церковное пѣніе.

§ 78. Въ каждомъ классѣ училища должно быть не болѣе 40 учениковъ. При большемъ числѣ открывается параллельное отдѣленіе класса на средства, изыскиваемые духовенствомъ округа.

§ 79. Число уроковъ на каждый учебный день полагается 4, исключая одного дня въ недѣлю, когда бываетъ 3 урока. Каждый урокъ долженъ продолжаться непрерывно часъ.

Примѣчаніе. Между уроками полагается промежутокъ для отдыха въ четверть часа.

§ 80. Число уроковъ по предметамъ и распредѣленіе оныхъ по классамъ обозначены въ приложенной къ уставу таблицѣ, измѣненія въ коей могутъ быть дѣлаемы только Святейшимъ Синодомъ, по усмотрѣнію особой нужды.

§ 81. Методъ преподаванія долженъ помогать правильному развитію природныхъ дарованій и вести къ тому, чтобы все преподаваемое ученикамъ было столь возможно отчетливѣе усвоено ими.

§ 82. Чтеніе учениками полезныхъ книгъ, соответствующихъ ихъ возрасту, должно быть поощряемо. Долгъ учителей указывать ученикамъ книги для чтенія и руководить ихъ въ усвоеніи читаемаго.

§ 83. Ученіе въ училищахъ продолжается въ теченіе цѣлаго года, кромѣ воскресныхъ, праздничныхъ и табельныхъ дней, а также мѣстныхъ наиболѣе чтимыхъ праздниковъ, дней говѣнія, дня помяновенія усопшихъ въ недѣлю мясопустную и ваканцій: зимнихъ съ 22-го декабря по 7-е января и лѣтнихъ, продолжающихся полтора мѣсяца.

Примѣчаніе. Лѣтнія ваканціи въ училищахъ назначаются одновременно съ ваканціями въ мѣстной семинаріи.

§ 84. По окончаніи учебнаго года, предъ лѣтними ваканціями, въ училищахъ производятся экзамены.

§ 85. Для обозначенія успѣховъ, равно какъ и поведенія учениковъ, употребляются слѣдующіе баллы: 5—отлично, 4—очень хорошо, 3—хорошо, 2—посредственно, 1—слабо.

§ 86. Приѣмныя и годичныя испытанія производятся правленіемъ при участіи учителей.

§ 87. Ученики, окончившіе полный курсъ ученія, равно какъ и увольняемые изъ училища до окончанія курса, получаютъ соответственныя ихъ познаніямъ и поведенію свидѣтельства, за подписью членовъ училищнаго правленія и съ приложеніемъ печати училища.

§ 88. Въ каждомъ училищѣ полагается библіотека, состоящая изъ книгъ, необходимыхъ для учителей, изъ учебниковъ и книгъ для дѣтскаго чтенія, а также снабженная достаточнымъ количествомъ учебныхъ пособій, какъ-то: прописей, географическихъ картъ, глобусовъ и словарей.

§ 89. Библіотекою, со всеми ея принадлежностями, завѣдуетъ смотритель, согласно съ правилами, устанавливаемыми училищнымъ правленіемъ.

Гл. XII.—О воспитаніи въ училищахъ нравственномъ и физическомъ.

§ 90. Нравственное воспитаніе въ училищахъ имѣетъ цѣлю положить прочное основаніе религіозно-нравственному образованію учащихся.

§ 91. Достиженію сей цѣли должны содѣйствовать все служащіе при училищѣ лица, ближайшимъ-же образомъ—смотритель училища и его помощникъ.

§ 92. Все служащія при училищѣ лица должны подавать ученикамъ примѣръ неукоризненной жизни и точнаго исполненія христіанскихъ обязанностей.

§ 93. Ученики духовныхъ училищъ преимущественно должны быть причаемы къ неупустительному и точному исполненію христіанскихъ обязанностей; почему все упражненія, располагающія къ благочестію, должны быть свято соблюдаемы и охраняемы въ училищахъ.

§ 94. Ученики ежедневно слушаютъ положенныя молитвы: утромъ и вечеромъ, прежде и послѣ стола, при началѣ и окончаніи каждаго урока въ классѣ.

§ 95. Въ воскресные и праздничные дни ученики неопустительно должны присутствовать при богослуженіи всенощномъ или утреннемъ и литургіи, и участвовать въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ.

§ 96. Въ первую и послѣднюю недѣлю св. сорокастипци все ученики говѣютъ и пріобщаются св. таинъ.

Примчаніе. На послѣднюю недѣлю св. сорокастипци ученики могутъ быть увольняемы въ дома своихъ родителей и родственниковъ; поему попеченіе о говѣніи ихъ въ это время возлагается на сихъ послѣднихъ.

§ 97. Высшею цѣлю религіозно-нравственнаго воспитанія должно быть то, чтобы исполненіе христіанскихъ обязанностей сдѣлалось истинною потребностію сердца воспитанниковъ.

§ 98. Училищное правленіе должно опредѣлить для учениковъ строгій порядокъ въ занятіяхъ и образѣ жизни, и неуклонно наблюдать за его исполненіемъ.

§ 99. Ученикамъ должны быть внушаемы правила вѣшняго приличія, вѣжливости, бережливости, опрятности, и другіе подобныя добрыя навыки.

§ 100. Въ случаѣ какой-либо несправности, шалостей или проступковъ учениковъ, назначаются имъ справедливыя взыскапія, которыя должны быть избираемы со строгою разборчивостію въ отношеніи къ ихъ роду и качеству и соображаемы съ возрастомъ и характеромъ исправляемыхъ; во всякомъ случаѣ они не должны быть грубы, унижательны и жестоки.

§ 101. При недѣйствительности принимаемыхъ справедливыхъ мѣръ, смотритель обращается къ дѣйствию родителей, доводя о семъ до свѣдѣнія правленія.

§ 102. Свободное отъ учебныхъ занятій время ученики употребляютъ на отдыхъ, прогулки, игры и упражненія, способствующія развитію и укрѣпленію тѣлесныхъ силъ.

(Окончаніе будетъ).

РОСПИСАНІЕ

очереднаго проповѣданія Слова Божія Протоіереями и Священниками г. Харькова и подгородныхъ селеній въ Каѳедральномъ Соборѣ въ Воскресные и праздничные дни, приходскихъ и домовыхъ церквахъ въ храмовые ихъ праздники въ теченіи 1885 года.

ПРОПОВѢДЫВАНІЕ СЛОВА БОЖІЯ НАЗНАЧЕНО:

Въ Январѣ:

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 1 Новый годъ. Недѣля предъ просвѣщеніемъ— протоіерей Александръ *Федоровскій*. 6 Богоявленіе—священникъ Николай *Моисенковъ*. Въ домовоі церквѣ: свѣщ. Василій *Вѣтмуховъ*. Въ каѳедр. соборѣ: 13 Недѣля о мытарѣ и фарисеѣ—свѣщ. Стефанъ *Цетровскій*. 13 Поклоненіе веригахъ апостола Петра въ домовоі церквѣ—свѣщ. Стефанъ *Любимскій*. 17 Святаго Антонія Великаго—протоіер. Василій *Добро-творскій*. 20. Въ Каѳедр. соборѣ: Недѣля о блудномъ сынѣ—протоіер. Павелъ *Ковалевскій*. 27 Недѣля Мясопустная—свѣщ. Николай *Гутниковъ*.

Въ Февралѣ:

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 2 Срѣтеніе Господне—протоіерей Сумеонъ *Иларіоновъ*. Въ приходскоі церквѣ: свѣщ. Василій *Лихницкій*. Въ Каѳедр. соборѣ: 3 Недѣля Сыропустная—свѣщ. Іоаннъ *Левитскій*. 10 Недѣля 1 Великаго поста. Торжество православія—свѣщ. Аполлонъ *Ильинцевъ*. 17 Недѣля 2 Великаго поста—священникъ Григорій *Томашевскій*. 24 Недѣля 3 Великаго поста, Крестопоклонная—свѣщ. Георгій *Чеботаревъ*: 26 День рожденія Государя Императора—ректоръ семинаріи, протоіерей Іоаннъ *Кратировъ*.

Въ Мартѣ:

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 2 День восшествія на престолъ Государи Императора—свѣщ. Тимоѣей *Бунжевичъ*. 3 Недѣля 4 Великаго поста—свѣщ. Георгій *Волобуевъ*. 10 Недѣля 5 Великаго поста—свѣщ. Маханлъ *Румищевъ*. 16 Лазарево Воскресеніе—свѣщ. Петръ *Мишулинъ*. 17 Недѣля Ваіи Цвѣтоносная—свѣщ. Василій *Ционовъ*. Въ приходскоі церквѣ—протоіерей Павелъ *Ковалевскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 22 Великіи Пятокъ—свѣщ. Андрей Рудникскій. 24 Пасха Христова—протоіерей Андрей *Дюковъ*. Въ приход. церквѣ—свѣщ. Николай *Соколовскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 25 Благовѣщеніе Пресвятоі Богородицы—свѣщ. Андрей *Любарскій*. Въ приходскоі церквѣ—свѣщ. Василій *Проскуриниковъ*. Въ Каѳедр. соборѣ: 31 Недѣля о Фомѣ—протоіерей Аполлонъ *Ковалевскій*.

Въ Апрѣлѣ:

Въ Каѳедр. соборѣ: 6 День празднованія тысячелѣтія со дня кончины Просвятителя Славянъ Святаго Меѳодія (указъ Святѣйшаго Синода, отъ 25 апрѣля 6 іюня 1884 г. за № 860)—свѣщ. Павелъ *Тимоѣевъ*. 7 Недѣля женъ Муринолицъ—протоіерей Гавріилъ *Федоровскій*. Въ приход. церквѣ—свѣщ. Павелъ *Григоровичъ*. Въ Каѳедр. соборѣ: 14 Недѣля о расслабленномъ—протоіерей Павелъ *Дажневскій*. 17 Преполовеніе—свѣщ.

Васпльіи *Дисницкій*. 21 Недѣля о Самарянинахъ—протоіерей *Дмитрій Федоровскій*. 22 Перенесеніе Чудотворнаго образа Озерянской Божіи Матери изъ Харькова въ Куряжскій Монастырь—свещ. Памкратій *Ивановъ*. 23 Святаго Великомученика Георгія Побѣдосца, въ приходской церкви—свещ. *Михаиль Соколовскій*. Въ Каѳедр. соборѣ: 28 Недѣля о елѣномъ—свещ. *Іоаннь Крушодольскій*.

Въ Маѣ:

Въ Каѳедр. соборѣ: 2 Вознесеніе Господне—протоіерей *Іоаннь Чижевскій*. Въ приходской церкви—свещ. *Григорій Томашевскій*. Въ Каѳедр. соборѣ: 5 Недѣля св. Отець въ Никей—свещ. *Павель Четвериковъ*. 6 Рожденіе Государя Наслѣдника—протоіерей *Павель Солнцець*. 8 Апостола Іоанна Богослова—протоіерей *Іоаннь Федоровъ*. 9 Перенесеніе мощей Святителя Николая Чудотворца—свещ. *Григорій Бѣляевъ*. 12 Пятидесятница, въ приходской церкви—протоіерей *Николай Лашенковъ*. Въ Каѳедр. соборѣ: 13 День Святаго Духа—свещ. *Іоаннь Левитскій*. Въ приходской церкви—протоіерей *Василій Левандовскій*. Въ Каѳедр. соборѣ: 15 Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ—свещ. *Никандръ Оникевичъ*. 19 Недѣля всѣхъ Святыхъ, въ приходской церкви—свещ. *Васпльіи Поповъ*. 21 Святаго Царя Константина и матери его Елены, въ домовой церкви—протоіерей *Іаковъ Булаковъ*. Въ Каѳедр. соборѣ: 26 Недѣля 2 по Пятидесятницѣ—свещ. *Іоаннь Приходинъ*.

Въ Іюнѣ:

Въ Каѳедр. соборѣ: 2 Недѣля 3 по Пятидесятницѣ—свещ. *Андрей Любарскій*. 9 Недѣля 4 по Пятидесятницѣ—свещ. *Васпльіи Витурковъ*. 16 Недѣля 5 по Пятидесятницѣ—свещ. *Андрей Чиркинъ*. 23 Недѣля 6 по Пятидесятницѣ—свещ. *Филиппъ Соболевъ*. 24 Рождество Іоанна Предтечи въ приходской церкви—свещ. *Василій Куницынъ*. Въ Каѳедр. соборѣ: 29 Апостола Петра и Павла—протоіерей *Аполлонъ Ковалевскій*. Въ приходской церкви—свещ. *Николай Пантелеймоновъ*. Въ Каѳедр. соборѣ: 30 Недѣля 7 по Пятидесятницѣ—свещ. *Андрей Дмитріевъ*.

Въ Іюлѣ:

Въ Каѳедр. соборѣ: 7 Недѣля 8 по Пятидесятницѣ—свещ. *Михаиль Соколовскій*. 14 Недѣля 9 по Пятидесятницѣ—свещ. *Васпльіи Марченко*. 20 Святаго Пророка Іліи—протоіерей *Андрей Щелкуновъ*. 21 Недѣля 10 по Пятидесятницѣ—свещ. *Николай Моценковъ*. 22 Тезоименитство Государыни Императрицы—свещ. *Андрей Рудинскій*. 27 Св. Великомученика Пантелеймона въ приходской церкви—свещ. *Георгій Чеботаревъ*. Въ Каѳедр. соборѣ: 28 Недѣля 11 по Пятидесятницѣ—свещ. *Георгій Волобуевъ*.

Въ Августѣ:

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 1 Происхожденіе древъ Креста Господня—свещ. *Іоаннь Левитскій*. 4 Недѣля 12 по Пятидесятницѣ—свещ. *Стефанъ Любичкій*. 6 Преображеніе Господне—протоіерей *Павель Ковалевскій*. Въ приходской церкви—свещ. *Михаиль Румицевъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 11 Недѣля 13 по Пятидесятницѣ—протоіерей *Павель Солнцець*. 15 Успеніе Пресвятыя Богородицы—протоіерей *Андрей Дижковъ*. Въ приходской церкви—свещ. *Васпльіи Проскурниковъ*. Въ Каѳедральномъ

соборѣ: 18 Недѣля 14 по Пятидесятницѣ—свят. Петръ *Миулинъ*. 25 Недѣля 15 по Пятидесятницѣ—свят. Стефанъ *Петровский*. 29 Ускноповеніе Главы Пророка и Крестителя Господня Іоанна—протоіерей Тимофей *Павловъ*. Въ кладбищенской церкви—свят. Іоаннъ *Крушодольскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 30 Тезоименитство Государа Императора—протоіерей Василій *Добротворскій*.

Въ Сентябрѣ:

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 1 Недѣля 16 по Пятидесятницѣ—протоіерей Гавріилъ *Федоровскій*. 8 Недѣля предъ Воздвиженіемъ, Рождество Пресвятыя Богородицы—свят. Николай *Сокольскій*. Въ приходской церкви—протоіерей Николай *Лащенковъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 14 Воздвиженіе Креста Господня—свят. Григорій *Томашевскій*. Въ приходской церкви—протоіерей Андрей *Щелкуновъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 15 Недѣля по Воздвиженіи—свят. Василій *Кунинъ*. 22 Недѣля 19 по Пятидесятницѣ—свят. Павелъ *Григоровичъ*. 26 Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова—свят. Аполлонъ *Ильинъ*. 29 Недѣля 20 по Пятидесятницѣ—свят. Павелъ *Четвериковъ*. 30 Перенесеніе Чудотворнаго образа Озерянской Божіей Матери изъ Куряжскаго монастыря въ г. Харьковъ—свят. Андрей *Дмитріевъ*.

Въ Октябрѣ:

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 1 Покровъ Пресвятыя Богородицы—свят. Тихоной *Буткевичъ*. Въ приходской церкви—свят. Петръ *Миулинъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 6 Недѣля 21 по Пятидесятницѣ—свят. Григорій *Бѣляевъ*. 13 Недѣля 22 по Пятидесятницѣ—свят. Іоаннъ *Крушодольскій*. 20 Недѣля 23 по Пятидесятницѣ—свят. Андрей *Чиркинъ*. 22 Казанскія Божія Матери—протоіерей Сүмеонъ *Иларіоновъ*. 26 Великомученика Дмитрія Солунскаго въ приходской церкви—протоіерей Іоаннъ *Чижевскій*. Въ Каѳедр. соборѣ: 27 Недѣля 24 по Пятидесятницѣ—протоіерей Василій *Левандовскій*.

Въ Ноябрьѣ:

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 3 Недѣля 25 по Пятидесятницѣ—свят. *Цюскурниковъ*. 8 Соборъ Архистратига Михаила въ приходской церкви—протоіерей Іоаннъ *Федоровъ*. Въ Каѳедр. соборѣ: 10 Недѣля 26 по Пятидесятницѣ—свят. Николай *Гутниковъ*. 14 Рожденіе Государини Императрицы—протоіерей Тимоной *Павловъ*. 17 Недѣля 27 по Пятидесятницѣ—свят. Василій *Лисинскій*. 21 Введеніе во Храмъ Пресвятыя Богородицы—протоіерей Дмитрій *Федоровскій*. Въ приходской церкви—протоіерей Александръ *Федоровскій*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 24 Недѣля 28 по Пятидесятницѣ—протоіерей Павелъ *Дажневскій*.

Въ Декабрѣ:

Въ Каѳедральномъ соборѣ: 1 Недѣля 29 по Пятидесятницѣ—свят. Николай *Соколовскій*. 4 Св. Великомученицы Варвары въ домово́й церкви—свят. Инокандръ *Оникевичъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 6 Святителя Николая Миръ-Лікійскаго Чудотворца—свят. Николай *Мошниковъ*. Въ приходской церкви—свят. Папкратій *Ивановъ*. Въ Каѳедральномъ соборѣ: 8 Недѣля 30 по Пятидесятницѣ—свят. Николай *Пантелеймоновъ*.

15 Недѣля Свят. Праотець—святц. Николай *Сокольскій*. 22 Недѣля предъ Рождествомъ—святц. Василий *Марченко*. 25 Рождество Христово—ректоръ семинаріи, протоіерей Іоаннъ *Кратировъ*. Въ приходской церкви—святц. Андрей *Рудинскій*. 26 Соборъ Пресвятыя Богородицы—святц. Павелъ *Тимощевъ*. Въ Кафедральномъ соборѣ: 29 Недѣля по Рождествѣ—святц. Василий *Вьтужевъ*.

С П И С О К Ъ

лицъ, коимъ, на основаніи § 10 Высочайше утвержденныхъ 13 іюня 1884 года правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, предоставлено Харьковскимъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ, съ утвержденія Его Преосвященства, право преподаванія просяго (униинскаго) церковнаго пѣнія въ церковно-приходскихъ школахъ.

1) Учитель народной школы Болчанскаго уѣзда, слоб. Ольховатки, Иванъ Николаевъ *Васильевъ*; 2) діаконъ Харьковской Богородице-Рождественской церкви, Александръ Николаевъ *Поповъ*; 3) исправл. долж. псаломщика Старобѣльскаго уѣзда слоб. Мовсеевки, Прокопій Петровъ *Поповъ*; 4) сынъ священника Василий Георгіевъ *Дашкиевъ*; 5) исправ. долж. псаломщика Купянскаго уѣзда слоб. Каменки, Петръ Павловъ *Филищенко*; 6) исправ. долж. псаломщика Харьковскаго уѣзда слоб. Мерефы, Иванъ Васильевъ *Камтковский* и 7) исправ. долж. псаломщика Старобѣльскаго уѣзда слоб. Половинкиной, Косьма Андреевъ *Бацмановъ*. Всѣмъ этимъ лицамъ (1—7) выданы свидѣтельства 18 октября. 8) Исправ. долж. псаломщика Богодуховскаго уѣзда слоб. Шаровки, Василий Никаноровъ *Котычниковъ*; 9) Сумскаго уѣзда заштатнаго города Бѣлополья Преображенской церкви, исправ. долж. псаломщика Алексѣй Михайловъ *Бутковъ*; 10) города Изюма соборной Преображенской церкви псаломщикъ Андрей Васильевъ *Сидоровъ*; 11) Купянскаго уѣзда слоб. Гороховатки псаломщикъ-діаконъ Александръ Тимошевъ *Полтавцевъ*; 12) Харьковскаго уѣзда слоб. Вертевки, исправ. долж. псаломщика Николай Сергѣевъ *Сьдииковъ*; 13) Харьковскаго уѣзда слоб. Безлюдовки исправ. долж. псаломщика, Сумеонъ Васильевъ *Григоровичъ*; 14) Изюмскаго уѣзда, слоб. Шандриголовой исправл. долж. псаломщика, Сергѣй Елисеевъ *Куниничъ*; 15) заштатный исправ. долж. псаломщика, Георгій Евсигнѣевъ *Пономаревъ*; 16) города Харькова Вознесенской церкви діаконъ Поликарпъ Поликарповъ *Ковилевскій*. Этимъ лицамъ (8—16) выданы свидѣтельства 24 ноября. 17) Города Харькова Александро-Невской, на Запковѣ, церкви діаконъ Теодоръ Николаевъ *Никольскій*, получившій свидѣтельство 2 ноября; 18) уволенный изъ 2 класса Харьковской ду-

ховной семинаріи Тихонъ Васильевъ *Стетурскій*; 19) Харьковскаго уѣзда села Основы Іоанно - Предтечевской церкви діаконъ Теофанъ Димитріевъ *Чернявскій*; 20) города Богодухова соборной Успенской церкви діаконъ Григорій Ивановъ *Антоновъ*; 21) исправ. долж. псаломщика, Изюмскаго уѣзда, слоб. Ивановки Іоанно-Предтечевской церкви Аристархъ Ивановъ *Стетурскій*; 22) сынъ священника Яковъ Ивановъ *Басанскій*. Эти лица (17—22) получили свидѣтельства 4 ноября. 23) Зміевского уѣзда села Кочетка испр. долж. псаломщика, Михайлъ Андреевъ *Семейкинъ*; 24) города Харькова Воскресенской церкви, діаконъ Петръ Сумеоновъ *Бутковскій*; 25) уволенный изъ 2 класса Харьковской духовной семинаріи, Николай Алексѣевъ *Шижкинъ*; 26) окончившій курсъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ, Тихонъ Сумеоновъ *Капустинъ*; 27) уволенный изъ 2 класса Харьковскаго духовнаго училища, Григорій Ильинъ *Петровскій*; 28) уволенный изъ 2 класса Ахтырскаго духовнаго училища, Иванъ Порфирьевъ *Кашлаковъ* и 29) Харьковскаго уѣзда слоб. Ольшаной испр. долж. псаломщика, Федоръ Фотіевъ *Власовскій*. Этимъ лицамъ (23—29) выданы свидѣтельства 27 ноября.

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что въ составъ суммъ Комитета въ ноябрѣ мѣсяцѣ сего 1884 т. поступило: отъ священника Василя Червонецкаго 3 р., собрано священникомъ Василиемъ Червонецкимъ отъ разныхъ лицъ 9 р., отъ священника Іакова Ковалевскаго 3 р., отъ Никифора Иванова Калужнова 5 р., отъ Михаила Зиновьева Кадужникова 2 р., священника Николая Жюкова 3 р., собрано священникомъ Николаемъ Жюковымъ отъ разныхъ лицъ 1 р., отъ Ольги Кочатковой 10 р., отъ Олимпіады Косъминой 3 р., отъ Юліи Коптевой 3 р., отъ Надежды Бантышъ 10 р., отъ Петра Давиденка 2 р., отъ С. Кондо 3 р., отъ Барвары Кантеміровой 1 руб., отъ Федота Димитріевича Малкерова 3 руб., отъ И. М. 3 р., отъ Верхо-Харьковскаго Николаевскаго общежительнаго дѣвичьяго монастыря 10 р. Получено кружечнаго сбора отъ Верхо-Харьковскаго Николаевскаго общежительнаго дѣвичьяго монастыря 2 р. Итого въ ноябрѣ мѣсяцѣ поступило 76 р. А всего съ поступившими съ 1 января 1884 года 2728 р. 82 к.

Всѣхъ ревнителей православія, сочувствующихъ св. дѣлу распространенія онаго между язычниками Комитетъ покорнѣйше про-

ситъ доставлять свои членскіе взносы непосредственно въ Комитетъ при архіерейскомъ домѣ, или вручать своимъ приходскимъ священникамъ.

Въ члены общества могутъ поступать лица всякаго званія, состоянія и пола; отъ члена требуется ежегодный взносъ не менѣе трехъ руб., или-же единовременно не менѣе шестидесяти руб.

Отъ г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

Отъ книжнаго магазина „Народная польза“ въ Петербургѣ (Загородный пр., № 9) разосланы въ минувшемъ сентябрѣ ко всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ печатные циркуляры, съ приложеніемъ 600 экземпляровъ правилъ о церковно-приходскихъ школахъ и каталога учебныхъ книгъ и пособій и съ просьбою о разсылкѣ сихъ каталоговъ во всѣ приходы и школы. Нѣкоторые изъ преосвященныхъ, отославъ присланныя брошюры обратно, просятъ оградить ихъ отъ назойливыхъ требованій означеннаго магазина.

Вслѣдствіе сего Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода считаетъ нужнымъ предупредить кого слѣдуетъ по духовному вѣдомству противъ объявленій означеннаго магазина „Народная польза“ и противъ разсылаемыхъ имъ каталоговъ, въ коихъ, какъ давно уже замѣчено, предлагаются, для книгопродавческихъ цѣлей, въ качествѣ одобренныхъ учебнымъ начальствомъ, такія книги, которыя не только не были одобрены но были отвергнуты, какъ неудобныя или вредныя.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Харьковскій епархіальный училищный Совѣтъ симъ объявляетъ, что при вновь открытой церковно-приходской школѣ въ селѣ Алексѣевкѣ Харьковскаго уѣзда должность учителя состоитъ вакантною. Жалованье учителю 250 руб. въ годъ при квартирѣ и отопленіи. Желаютіе занять означенную должность благоволятъ подать прошеніе на имя Его Преосвященства.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Въ виду того, что бывшіе въ 1883 году на повѣдѣи у приходскихъ своихъ священниковъ причетники не представили окружнымъ духовникамъ свидѣтельствъ о бытіи ихъ у повѣдѣи, по незнанію закона: то объявить, чрезъ напечатаніе въ „Листкѣ для Харьковской епархіи“, къ

свѣдѣнію духовенства, что, на основаніи 69 ст. уст. дух. кон., церковные причетники, въ случаѣ невозможности почему-либо исполнить долгъ исповѣди у общаго духовника,—могутъ исповѣдываться у своего приходскаго или у сосѣдняго священника, съ тѣмъ чтобы они представляли о томъ свидѣтельства общему духовнику.

— 1884 года ноября 27 дня, священникъ Успенской церкви слободы Ново-Серпухова, Зміевского уѣзда, *Теодоръ Ковалевскій* утвержденъ въ должности законоучителя Ново-Серпуховскаго начальнаго народнаго училища.

— 1884 года, ноября 29 дня, священникъ Успенской церкви слободы Полковой Никитовки, Богодуховскаго уѣзда, *Симеонъ Котляровъ* утвержденъ въ должности законоучителя Губаровскаго сельскаго училища, того-же уѣзда, вмѣсто священника *Жуковскаго*, по причинѣ преклонныхъ лѣтъ послѣдняго.

— 1884 года, 27 ноября, окончившій курсъ въ духовной семинаріи воспитанникъ *Николай Власовъ* опредѣленъ на священническое мѣсто къ Троицкой церкви села Черкопа, Валковскаго уѣзда, на мѣсто умершаго священника *Чудновскаго*.

— Въслѣдствіе ходатайства потомственнаго почетнаго гражданина *Дмитрія Суханова*, в согласіи представленію епархіальнаго начальства. указомъ Св. Синода отъ 21 октября 1883 года, за № 3275, при Иоанно-Богословской церкви села Низовъ, Сумскаго уѣзда, открыть самостоятельный приходъ съ причтомъ пзъ настоятеля и псаломщика; настоятелемъ означеннаго прихода состоятъ священникъ *Тимонъ Константиновъ Теодоровъ* (окончившій курсъ семинаріи) съ 23 августа 1884 г., а псаломщикомъ—п. д. псаломщика *Иоаннъ Краснокутскій* съ 23 августа 1884 г.

— Священникъ Троицкой церкви г. Лебедина *Петръ Чижевскій* 23 ноября н. г. уволенъ согласно прошенію отъ должности блюстителя за преподаваніемъ закона Божія въ народныхъ училищахъ 1 окр. Лебедянскаго уѣзда, а на его мѣсто утвержденъ 29 ноября н. г. священникъ Лебедянской соборной Успенской церкви *Николай Ходской*.

— Утверждены законоучителями: къ Смородьковскому начальному народному училищу, священникъ *Георгій Оолинъ* и Новому-Глуховскому начальному народному училищу священникъ *Алексій Юшковъ*.

— Разрѣшено употреблять виѣ церкви черную скуфью священнику Троицкой церкви, сл. Гусаровки, Пзюмскаго уѣзда, *Аристарху Попову*

— Безмѣстный п. д. псаломщика *Андрей Насѣдкинъ* опредѣленъ п. д. псаломщика къ Ахтырско-Богородичной церкви, села Михайловки, Пзюмскаго уѣзда.

— Исправляющій должность псаломщика Иоанно-Предтечевской церкви села Ивановки, Пзюмскаго уѣзда, *Аристархъ Степурскій* переименованъ тѣмъ-же званіемъ къ Вознесенской церкви, сл. Песокъ того-же уѣзда.

— Діаковъ Іоанно-Предтечевской церкви села Основы Харьковскаго уѣзда, *Оеофанъ Чернявскій* по прошенію переѣщенъ къ Харьковской Усѣбновенской кладбищенской церкви, а на его мѣсто п. д. псаломщика опредѣленъ учитель Верхне-Соленовскаго народнаго училища, Купянскаго уѣзда, *Кунцинъ*.

— Исправляющіе должность псаломщика Христо-Рождественской церкви, с. Низшей Верхосулки Лебединскаго уѣзда, *Гавріилъ Малыровъ* и Осодоро-Стратилатовской церкви, с. Тучнаго, того-же уѣзда, *Александръ Рубинскій* 29 ноября н. г. переѣщены, согласно прошенію, одинъ на мѣсто другаго.

— Псаломщикъ Преображенской церкви слободы Ворожбы, Лебединскаго уѣзда, діаконъ *Василій Левитскій* и псаломщикъ Троицкой церкви, сл. Боромля, Ахтырскаго уѣзда, *Владиміръ Роменскій* 4 сего декабря переѣщены, согласно прошенію, одинъ на мѣсто другаго.

— Исправляющій должность псаломщика Борпсо-Глѣбской церкви села Водянаго, Зміевскаго уѣзда, *Василій Калашниковъ* посвященъ въ стижарь.

— Безмѣстный п. д. псаломщика *Николай Трояновъ* опредѣленъ п. д. псаломщика къ Успенской церкви слободы Коробочьяной Зміевск. уѣзда.

— П. д. псаломщиковъ Борпсо-Глѣбской церкви с. Водянаго, Зміевскаго уѣзда, *Василій Калашниковъ* и Всѣхсвятской церкви с. Стараго Мерчика, Валковскаго уѣзда, *Павелъ Измайловъ*, переѣщены однаъ на мѣсто другаго.

— Столопачальнику Консекторіи, титулярному совѣтнику *Семену Калашникову*, за отлично-усердную и ревностную службу епархіальнымъ начальствомъ объявлена благодарность, со внесеніемъ въ послужной списокъ.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: Ахтырской Успенской церкви крестьянинъ *Корнилій Оедоровъ Бирюкъ*; Всѣхсвятской церкви села Вырей, Сумскаго уѣзда, мѣщанинъ *Андрей Петровъ Красицъ*; Петро-Павловской церкви с. Вѣлополя, крестьянинъ *Іаковъ Григорьевъ Губскій*; Воскресенской церкви, села Братеппцы, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ *Андрей Капай*; къ Сорокомученической церкви села Мпрнаго, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ *Илья Мозковой*; 30-го ноября Харьковскій 2 гильдіи купецъ *Евсевій Степановичъ Крамаловъ* утвержденъ церковнымъ старостою на 5-е трехлѣтіе къ Дмитріевской церкви г. Харькова.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Священническія: 1) Въ *Двурѣчномъ Кутѣ*, Харьковскаго уѣзда; 2) въ *Малой Волчей*, Волчанскаго уѣзда.

СПИСОКЪ

пожертвованій на возобновленіе ризницы и украшеніе пострадавшаго отъ пожара семинарскаго храма поступили пожертвованія отъ нижеслѣдующихъ лицъ:

Отъ неизвѣстнаго серебряный вызолоченный 84 пробы крестъ цѣною 48 р.; отъ священника слободы Осиновой, Старобѣльскаго уѣзда, Михаила Ѳедотова 5 руб.; отъ крестьянина А. И. Аггесва 50 руб.; отъ харьковскаго мѣщанина А. 3 руб.; отъ священника слободы Терновъ, Лебединскаго уѣзда, Іоанна Матвѣева и его прихожанъ 10 р.; отъ священника слободы Колюдовки, Старобѣльскаго уѣзда, Іоанна Шишлова 5 р.; отъ священника г. Чугуева и церковнаго старосты Григорія Абушина 3 р.; отъ священника слободы Рубцовой, Изюмскаго у., Петра Полтавцева 5 р.; отъ священника слободы Боровой Купянскаго у. Димитрія Линицкаго 10 р.; доставлены священникомъ семинарскаго церкви Андреемъ Чиркинымъ отъ неизвѣстнаго жертвователя 10 р. и отъ церквей 2 Валковскаго округа 12 р. 40 к. Итого 113 р. 40 к. Всего съ прежде поступившими 1230 р. 74½ к. Правленіе Харьковской духовной семинаріи вмѣняетъ себѣ въ непремѣнный долгъ принести глубокую благодарность всѣмъ вышешюименованнымъ почтеннымъ жертвователямъ.

ВѢДОМОСТЬ

о количествѣ свѣчей, отпущенныхъ изъ Бѣлопольскаго склада снархіальнаго завода съ 1 марта *) 1883 года по 1 января 1884 года церквамъ 2 благочинническаго округа Сумскаго уѣзда, а также нѣкоторымъ церквамъ Лебединскаго уѣзда.

1) Сумскаго уѣзда:

1) Бѣлопольской Рождество-Богородичной церкви 34 п.; 2) Бѣлопольской Пророко-Ильинской 20 п. 30½ ф.; 3) Бѣлопольской Покровской 19 п. 30 ф.; 4) Бѣлопольской Преображенской 13 п. 20 ф.; 5) Бѣлопольской Петро-Павловской 8 п. 1½ ф.; 6) Бѣлопольской

*) *Примѣчаніе 1-е.* Въ заштатномъ городѣ Бѣлопольѣ Сумскаго уѣзда складъ свѣчей снархіальнаго завода открытъ съ 15 февраля, а отпускъ свѣчей начатъ съ 1 марта 1883 года. До 1 марта 1883 года нѣкоторыя церкви округа забирали свѣчи въ Сумскомъ складѣ, а другія, какъ видно было по доставляемымъ огаркамъ, забирали свѣчи въ частныхъ лавкахъ

Примѣчаніе 2-е. Какъ ни мало, повидному, взято свѣчей изъ Бѣлопольскаго склада окрѣпными церквами за означенное время, т. е. за 10 мѣсяцевъ 1883 г., по сравнительно съ вѣдомостями другихъ складовъ, которыя раньше были печатаемы, не хвалясь можно сказать, что какъ духовенство, такъ и церковныя ста-

Архангело-Михайловской (безпричтной) 1 пуд. 3 ф.; 7) Рѣчанской Покровской (двупричтной) 15 п. 1 1/2 ф.; 8) Климовской Успенской (двупричтной) 11 п. 11 ф.; 9) Ворожбянской Покровской (двупричтной) 8 п. 25 ф.; 10) Ново-Андреевской Іоанно-Воиновской 16 п. 35 ф.; 11) Вировской Всесвятской (двупричтной) 6 п. 23 ф.; 12) Ульяновской Пророко-Ильинской (двупричтной) 15 п. 38 ф.; 13) Ободянской Покровской 4 пуд.; 14) Павловской Архангело-Михайловской 13 п. 5 ф.; 15) Ястребенской Василювской 4 п. 20 ф.; 16) Пекрисковской Варваровской 9 п. 20 ф.; 17) Прорубской Троицкой 8 п. 20 ф.; 18) Воробьевской Георгіевской 6 пуд

2) *Лебединскаго уѣзда:*

19) Аннинской Екатеринославской 7 п.; 20) Тучнянской Феодоро-Стратилатовской 2 п. и 21) Верхосульской Варваровской 2 п. 2 ф

росты церквей 2 Сумскаго округа на первыхъ-же порахъ открытія свѣчнаго склада отнеслись къ епархіальному дѣлу сочувственно и тѣмъ показали, что они внимательнѣе прочихъ къ распоряженію на сей счетъ епархіальнаго начальства, къ побужденіямъ мѣстнаго благочиннаго и къ выгодамъ епархіальнаго завода. Желательно было-бы, чтобы всѣ коммиссіонеры непремѣнно по окончаніи каждаго года доставляли, куда слѣдуетъ, свѣдѣнія о заборѣ свѣчей церквами, такъ какъ эти свѣдѣнія сравнительно явно обличали-бы какъ невнимательность въ этомъ отношеніи о.о. настоятелей, такъ и незаконныя дѣйствія г.г. церковныхъ старостъ, до сихъ поръ дерзко ведущихъ дѣло съ парафиномъ, забывая, что они періодически всего нарушаютъ присягу, данную каждымъ при вступленіи на должность.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Краткое извлеченіе изъ отчета Комитета по сбору пожертвованій въ пользу бѣдныхъ церквей и приходовъ Харьковской епархіи.—Освященіе возобновленнаго при Харьковской семинаріи храма.—Отвѣтъ высокопреосвященнаго митрополита Исидора на привѣтствія и благожеланія, высказанныя ему по случаю 50 лѣтняго юбилея его службъ въ архіерейскомъ санѣ.—Заботливость папы и римскаго духовенства въ виду холеры.—Сужденія и мнѣнія печати о пресвѣщеніи простаго народа.—По поводу церковно-приходскихъ школъ.—Средства содержанія церковно-приходскихъ школъ.—Объ упадкѣ знанія церковнославянскаго грамоты.—Судебный процессъ.—Поваго рода миссіонерскій трудъ.—Сила молитвы.

Въ 18-й день октября, подъ предсѣдательствомъ Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Епископа Амвросія, происходило засѣданіе Комитета по сбору пожертвованій въ пользу бѣдныхъ церквей и приходовъ Харьковской епархіи, для слушанія отчета о приходѣ и расходѣ суммъ и о дѣйствіяхъ Комитета, за время, со дня открытія онаго по 18-е октября сего года. При этомъ постановлено отчетъ на счетъ суммъ Комитета отпечатать отдѣльною брошюрою, въ количествѣ 1200 экземпляровъ и послать по экземпляру каждому жертвователю. Рекомендуя своимъ читателямъ подробно ознакомиться съ этимъ интереснымъ отчетомъ по отпечатаніи онаго отдѣльною брошюрою, въ настоящее время мы помѣщаемъ въ извлеченіи изъ онаго только слѣдующее:

Всѣхъ суммъ съ 15-го апрѣля 1883 года по 18-е октября 1884 года поступило на приходъ въ Комитетъ пожертвованій: а) наличными 21,654 р. 48 к.; б) процентными бумагами 3350 руб. и в) получено процентовъ по бумагамъ 1023 р. 93 к. На 21728 руб. 10 к. наличныхъ куплено облигаціей восточнаго займа и одинъ билетъ государственнаго съ выигрышемъ 1-го выпуска, отчего въ приходѣ образовалось: а) процентными бумагами 26,400 руб. и б) наличными 950 руб. 31 к. Всего-же двадцать семь тысячъ триста пятьдесятъ рублей, тридцать одна копѣйка (27,350 р. 31 к.). За отчетное время поступило въ расходъ: а) на отпечатаніе посланій, бланковъ, для приходо-расходныхъ книгъ, квитанцій и отношеній и разныя другія канцелярскія принадлежности 440 р., б) на застраховку съ выигрышемъ билета 1 руб. 10 к. и в) въ пособіе десяти бѣднымъ церквямъ, при опредѣленіи къ нимъ самостоятельныхъ причтовъ, выдано процентными бумагами 13,750 р. и наличными 277 руб.; итого въ расходѣ: а) процентными бумагами 13,750 р. и б) наличными 918 руб. 10 коп. Всего-же четырнадцать тысячъ, шестьсотъ шестьдесятъ восемь рублей десять копѣекъ (14,668 р. 10 к.). Въ остаткѣ по 18-е октября сего года состоитъ: а) процентными бу-

магами 12,450 р. и б) наличными 232 р. 21 к. Всего-же *двадцать тысячъ шесть сотъ восемьдесятъ два рубля двадцать одна копейка* (12,682 р. 21 к.).

Отъ лицъ, обѣщающихъ вносить свои пожертвованія въ теченіи пяти лѣтъ, въ послѣднее четырехлѣтіе ожидается поступленій 28,753 р. Комитетъ надѣется, что и на будущее время число жертвователей какъ на пятилѣтній срокъ, такъ и одновременно, будетъ прибавляться.

Изъ составленнаго Комитетомъ подробнаго отчета видно, что со введеніемъ въ Харьковской епархіи въ 1873 году реформы приходовъ по закону 16 апрѣля 1869 года, 74 церкви оставлены безъ причтовъ; до учрежденія Преосвященнѣйшимъ Амвросіемъ Комитета для сбора пожертвованій на выдачу пособій такимъ церквамъ, при опредѣленіи къ онымъ самостоятельныхъ причтовъ,—къ 12 церквамъ опредѣлены были причты на средства ихъ прихожанъ; по учрежденіи Комитета къ 10-ти церквамъ опредѣлены причты при пособіи онаго, къ 8-ми на счетъ прихожанъ и къ 10-ти на постоянно ассигнованное жалованье причтамъ Св. Синодомъ. Слѣдовательно, въ нашей Харьковской епархіи остается еще безъ самостоятельныхъ причтовъ 34 церкви. Но судя по тому усердію и готовности жертвовать на св. дѣло возстановленія приписныхъ церквей въ самостоятельныя, съ какимъ откликнулась харьковская пастыря на призывъ своего Архипастыря, можно надѣяться, какъ сказано въ отчетѣ Комитета, „что скоро настанетъ время, когда зазвучать колокола при всѣхъ церквахъ нашихъ городовъ и весей, призывая къ слушанію богослуженія, и двери всѣхъ св. храмовъ будутъ открыты для-каждаго“.

— 2-го числа сего декабря мѣсяца Преосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, епископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, совершенно было освященіе возобновленнаго послѣ пожара храма при духовной семинаріи во имя св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова. Въ этотъ день семинарія, можно сказать, праздновала полное свое возстановленіе послѣ постигшаго ее несчастія, а потому день этотъ является особенно знаменательнымъ для этого учрежденія, которое въ теченіи почти пяти мѣсяцевъ лишено было возможности отправлять въ храмѣ богослуженіе и тѣмъ самымъ волюнѣ удовлетворять религіозной потребности своихъ воспитанниковъ, поддерживать и развивать такую составляющую главную и почти единственную задачу духовно-учебнаго заведенія. Да и не для однихъ только воспитанниковъ и служащихъ въ семинаріи важенъ этотъ торжественный актъ освя-

щенія семинарскаго храма, а для всѣхъ жителей Холодной горы, такъ какъ эта церковь есть единственная ближайшая для нихъ церковь, на возобновленіе и украшеніе которой послѣ постигнутаго ее несчастія они и не замедлили принести свою посильную лепту. Въ силу всего этого къ освященію, не смотря на неблагоприятную погоду, собралось множество молящихся. На праздникъ присутствовали г. начальникъ губерніи баронъ А. А. Икскуль, вице-губернаторъ В. О. Сосновскій и нѣкоторыя другія, занимающія видное положеніе въ городѣ, лица. Возобновленная семинарская церковь внѣшнюю сторону производитъ впечатлѣніе несравненно пріятнѣе, нежели прежняя, и въ этомъ отношеніи едва-ли даже оставляетъ желать улучшенія. Г. начальникъ губерніи со вниманіемъ осмотрѣлъ всѣ помѣщенія возобновленнаго зданія. Послѣ осмотра зданія Его Преосвященство, г. начальникъ губерніи, всѣ гости и служащіе собрались въ общей залѣ, гдѣ довольно многочисленный и прекрасно организованный учителемъ музыки г. Прохаско оркестръ изъ воспитанниковъ исполнилъ нѣсколько номеровъ изъ „Жизни за Царя“, а потомъ всѣ воспитанники подъ аккомпаниментъ того-же оркестра стройно пропѣли „Славься, Славься, нашъ русскій Царь“ и „Боже Царя храни“. Въ три часа уѣхалъ Его Преосвященство, а затѣмъ и всѣ гости, выразивъ полное свое удовольствіе по поводу видѣннаго и слышаннаго. Съ этого только дня семинарія начала жить полною, вполне правильною жизнью.

— Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій Исидоръ, въ сердечной признательности къ удостоившимъ его благожелательныхъ привѣтствій, по случаю 50-тилѣтняго юбилея его службы въ архіерейскомъ санѣ, покорнѣйше проситъ, по снисхожденію къ немощной старости, извинить его, что не можетъ каждому отдѣльно выразить глубокую свою благодарность.

— Когда холера изъ Франціи проникла въ Италію, тогда и папа Левъ XIII, вельдъ за свѣтскими властями, не захотѣлъ оставаться бездѣйственнымъ въ виду этого народнаго бѣдствія. Кардиналу Якобини, своему государственному секретарю, написалъ слѣдующее письмо:

„Господишь Кардиналь!

Страшный бичъ, азіатская холера, появившаяся сначала у французскаго народа, сосѣдственнаго съ нашимъ, поразила, какъ того и опасались, различныя части сѣверной и южной Италіи. Она распространилась повсюду, и все еще, хотя медленно, не перестаетъ

распространяться; но въ Неаполѣ, городѣ такъ многочисленномъ, она произвела и производитъ еще сущее опустошеніе и гибель.

Покуда Провидѣніе, по особенной милости своей, хранитъ еще Римъ отъ заразы. Душа наша исполнена чувства признательности (какое гостинное выраженіе!) къ этому милосердію Божию; почему мы воздавали и не перестаемъ воздавать со всеѣмъ смиреніемъ благодаренія божественной благодати. Ежедневно, со всею горячностью нашей души, мы возносимъ къ Отцу всякихъ щедротъ нашѣ голосъ и воздѣваемъ къ нему наши молитвенныя руки, да ходатайствомъ Пресвятой Дѣвы и святыхъ патроновъ этого города благоволятъ его пощадить, и, въ своей божественной благодати, охранить отъ угрожающей язвы.

„Къ несчастію, по причинѣ многочисленныхъ неправдъ, возбуждающихъ негодованіе (опять, что за образъ выраженія!?) божественнаго правосудія и вслѣдствіе сосѣдства зараженныхъ мѣстъ, мы пребываемъ не безъ боязни за *нашъ городъ*, къ которому мы питаемъ особенную любовь. Потому намъ нельзя оставаться безразличными въ виду такого положенія. Почему мы и обращаемся къ вамъ, господинъ кардиналъ, съ настоящимъ письмомъ, чтобы вамъ сообщить о нашихъ намѣреніяхъ по этому дѣлу и ввѣрить вамъ заботу о приведеніи ихъ въ исполненіе.

„Мы знаемъ, что правителями общественныхъ дѣлъ много принято мѣръ съ похвальной заботливостію и мудрою предусмотрительностію, чтобы нападеніе заразы не постигло городъ неожиданно; но и мы, желая быть постоянно готовыми на помощь нашему возлюбленному народу римскому, и мы рѣшили открыть, обзавести и содержать исключительно на собственный счетъ обширный госпиталь по сосѣдству съ Ватиканомъ, чтобы намъ удобно было ходить въ него для личнаго посѣщенія и подкрѣпленія больныхъ.

„Этотъ госпиталь преимущественно будетъ открытъ въ пользу кварталовъ Борго и Затиберья, какъ болѣе приближенныхъ къ намъ.

„Мы желаемъ, чтобы завѣдываніе этимъ госпиталемъ ввѣрено было нашему домоправителю (*majordome*), равно желаемъ помѣстити въ немъ, въ качествѣ директоровъ, двухъ отличныхъ мужей науки, обыкновенно при насъ состоящихъ, гг. профессора Александра Чекарелла и доктора Руджора Валентина. Эти гг. будутъ сообразоваться съ тѣмъ, что уже сдѣлано въ другихъ мѣстахъ, и могутъ, если то понадобится, присоединить къ себѣ и другихъ медиковъ на помощь больнымъ. Какъ ни трудны наши теперешнія обстоятельства, по мы, полагаясь на Промыслъ Божій и на щедроты *католическаго міра*, назначаемъ на госпиталь сумму миллионъ.

„Это ваша обязанность, господинъ кардиналъ, употребить всевозможное, съ вашей стороны, стараніе исполнить нашу волю самымъ полезнымъ и удовлетворительнымъ образомъ. Вдохновитесь тою христіанскою любовію, которая, въ сообразность примѣру нашего божественнаго Учителя, обязуетъ насъ даже душу свою полагать за братію нашу.

„Если-бы зараза (да будетъ угодно Богу постоянно держать ее вдаль отъ насъ) въ послѣдствіи распространилась между нами, то мы имѣемъ въ виду и на этотъ случай употребить *нашъ* Латеранскій *первосвященническій дворецъ*, по мѣрѣ возможности и потребности.

„Примите, какъ залогъ нашего искреннѣйшаго расположенія, предлагаемаго къ вамъ, наше апостольское благословеніе.

„Ватиканъ. 10 сентября 1884 г.“

„Папа Левъ XIII“.

Таящійся въ глубинѣ этого письма, папскій своекорыстный смыслъ въ такомъ видѣ раскрываетъ въ своемъ журналѣ (L'union chr. 1884, mois octobre, стр. 311) почтенный о. Гетте: „Если холера не пришла еще въ Римъ, то это благодаря нашимъ молитвамъ, и если придетъ, то это наши противники привлекутъ ее своимъ нечестіемъ. Въслѣдствіе этого я прошу доставить мнѣ милліонъ, чтобы помочь издержкамъ на госпиталь, отъ котораго вся честь достанется намъ“.

Довольно хорошо рассчитано, прибавляетъ вполнѣ знакомый съ духомъ папства о. Гетте.

Затѣмъ продолжаетъ: „такъ какъ намъ говорятъ, что *папа есть общій отецъ всѣхъ вѣрующихъ*, то мы полагаемъ, что ему слѣдовало-бы подумать о своихъ чадахъ въ Неаполѣ, въ сильной мѣрѣ испытывавшихъ бѣдствіе, прежде чѣмъ думать о жителяхъ Рима, не имѣвшихъ въ то время нужды въ его помощи. Правда, Левъ XIII послалъ туда десять тысячъ: но король Гумбертъ послалъ въ тридцать разъ болѣе и отправился самъ въ Неаполь, чтобы поддержать бодрость жителей. Зачѣмъ папа не послѣдовалъ такому благородному примѣру? Никто не помѣшалъ-бы выѣхать ему изъ Ватикана, чтобы отправиться въ Неаполь для посѣщенія и ободренія подвергшихся заразы“. А мы съ своей стороны прибавили-бы, что, такъ какъ святой отецъ не стѣсняется усвоить себѣ высокій титулъ „на-мѣстника Христова“ (Vicarius Christi), то и все приличіе было-бы послѣдовать примѣру Христа, *иже*, какъ говоритъ Евангеліе, *проходяще гряди вся и вси, ... иля всякъ недугъ и всяку язву въ людехъ* (Матѣ. IX, 35). „Довольно смѣшно, — говоритъ о. Гетте въ заключеніе своей статьи, — оглашать себя узникомъ, владѣя дворцами,

милліонами и имѣя возможность идти, куда угодно. Пора-бы уже и прекратить подобныя комедіи“.

Что касается до итальянскаго духовенства, то и оно, въ своемъ родѣ, не осталось безучастнымъ и бездѣйственнымъ въ виду оупостопительнаго бича Божія. Оно придумало оградить своихъ вѣрующихъ отъ холеры особыми „наплечниками“ (*scapulaires anticholériques*). Западныя газеты такъ описываютъ этотъ предохранительный снарядъ: это—широкій платъ, выкраиваемый изъ разныхъ теплотворныхъ, преимущественно шерстяныхъ матерій, который накладывается на плечи и опускается длинными концами на животъ. На немъ вышито изображеніе Божіей Матери, и всѣ, по изготовленіи, благословляются святѣйшимъ отцемъ (?), напою. Они имѣютъ, по словамъ газетъ, чудесное дѣйствіе: предохраняютъ вѣрующихъ отъ всякаго зараженія и разстройства холернаго, и, наложенныя широкими концами на животъ, мгновенно останавливаютъ поносъ (!!!). Чудесныхъ исцѣленій, произведенныхъ этимъ изобрѣтеніемъ благочестія, со времени появленія холеры, говорятъ газеты, и перечислить нельзя, и указываютъ только лице, отъ котораго можно получить это чудесное средство. Выписывается оно, съ препровожденіемъ по почтѣ 4 — 50 франковъ, смотря по достоинству матеріала и изяществу отдѣлки, — отъ аббата Жибленъ, бывшаго флотскаго священника въ Тулонѣ.

Risum teneatis, amici! Православный Гетте, который сообщаетъ подобное свѣдѣніе, удивляется безстыдству католическаго духовенства и говоритъ: „видимо, не боятся прикрывать постыдныхъ спекуляцій наружностію благочестія“, и прибавляетъ, что „газеты каждый день приносятъ все новыя извѣстія о подобныхъ позорныхъ продѣлкахъ римскаго духовенства“ (*L'union chrét. mois novembre, стр. 347 и сл.*).

Но кромѣ этихъ талисмановъ римское духовенство охраняетъ отъ холеры своихъ пасомыхъ и особенными отъ него сочиненными, или одобренными молитвами. Такъ, по разсказу *Univers*, по инициативѣ одного лица, одушевленнаго большою ревностію по вѣрѣ и пламенною любовію къ ближнему, при появленіи холеры во Франціи, была, съ одобренія духовной власти, перепечатана и въ большомъ количествѣ экземпляровъ распространена между католиками сѣвера, слѣдующая, когда-то во время эпидеміи во Франціи употреблявшаяся, молитва:

„Хвала Іисусу Христу!

„Святая Марія, Дѣва, Мати Божія, Ты, Которая зачата была безъ грѣха, я избираю Тебя госпожею и владычицею этого дома;

„молю Тебя, во имя *Твоего непорочнаго зачатія*, охраняй его отъ холеры, огня, воды, грома, бури, воровъ, отъ схизмы (ужели это отъ нашего православія?!), отъ ереси, отъ землетрясенія и внезапной смерти. Благослови и покрый, Святая Дѣва, всѣхъ живущихъ въ немъ; исходатайствуй имъ благодать избѣгать всякаго грѣха и другихъ несчастій и злключеній.

„И Слово стало плотію, и обитало между нами.

„Да будетъ присно хвала святѣйшему Таинству алтаря.

„Господи, на Тебя возложилъ я упованіе мое, не постыжуся въ вѣкъ.

„Божественное сердце *Иисусово*, помилуй насъ!

„Непорочное сердце *Маріи*, молися за насъ!

„Сохрани насъ также отъ революцій, междоусобныхъ войнъ, анархій и насильственной смерти!“

„Къ печатанію дозволено. Камбрэ, 2 Іюля 1884 г.

К. И. Детомъ, генеральный викарій“.

„Такимъ-то образомъ“, — замѣчаетъ *L'union chrétienne*, изъ котораго мы заимствовали это сообщеніе, — „въ римской церкви не пропускаютъ ни одного случая, чтобы внушить ей исповѣдникамъ ложные догматы и суетвѣрія“.

„Думаютъ, что Богъ явитъ себя милосерднымъ, призрѣвъ на ихъ заблужденія, которыя исповѣдуютъ. Грустно сказать, по видимо, что въ римской церкви спекулируютъ на всемъ и пользуются всѣмъ для поддержки принимаемыхъ ересей, вмѣсто того, чтобы распространять въ людяхъ здравое ученіе“ (*mois août*, № 8, стр. 244 и слѣдующ.).

— Нашъ простой народъ составляетъ въ настоящее время предметъ преимущественныхъ заботъ и попеченій всего образованнаго русскаго міра, всей русской интеллигенціи. Всѣ безъ различія званій, состояній, направленій наперерывъ хлопочутъ о благѣ народа и преимущественно о его просвѣщеніи.

„Чуть не съ начала прошлаго царствованія у насъ постоянно составляются коммисіи для обсужденія вопроса о чтеніяхъ для народа; о театрѣ для народа, о распространеніи просвѣщенія въ народѣ, устраиваются общества, имѣющія цѣлью изданіе книгъ для народа, организацію чтеній, распространеніе „болѣе здравыхъ понятій“ и проч. и проч., — но до сихъ поръ всѣ эти затѣи не привели почти ни къ какимъ результатамъ. Коммисіи заседали, общества хлопотали, а народъ по прежнему, не внимая ничему,

зачитывался „Милордомъ Георгомъ“, покупалъ любочныя картинки — это для развлеченія, а „для души“ — читалъ Псалтырь, Евангеліе, житія святыхъ, часто тоже въ отвратительныхъ переводахъ, въ любочныхъ изданіяхъ. Народъ систематически уклонялся отъ нашихъ книжекъ“.

Что же нужно для того, чтобы наши хлопоты для народа принесли ему пользу?

„Надо заставить народъ повѣрить, что мы съ нимъ единомысленны, что у насъ съ нимъ одно и то же просвѣщеніе, что мы вѣримъ тому, чему онъ вѣритъ, любимъ то, что онъ любитъ — и тогда народъ пойдетъ у насъ учиться, приметъ отъ насъ тѣ сокровища знанія, которыхъ нѣтъ у него. Вотъ чего у насъ не понимаютъ или не хотятъ понять многіе, а непониманіе это именно и повело къ той путаницѣ мыслей, чувствъ и понятій, которая породила многое безобразное и ужасное въ нашей жизни, — породила и безтолковыя конституціонныя вождельнія, и знаменитое хожденіе въ народъ и, какъ вѣнецъ всего — „соціально-революціонную партію“, которая, во имя народа, потеряла все, что любитъ, во что вѣритъ этотъ народъ, — породила, съ другой стороны, возможность чуть не шантажнаго шарлатанства на модную тему „народъ“, обративши это слово въ прихоть моды“. („Южн. Край“).

Къ сожалѣнію, приходится сознаться, что „народъ“ и хлопоты объ его просвѣщеніи дѣйствительно превратились у насъ въ предметъ моды. Сидя въ городахъ и пользуясь всеми удобствами и комфортомъ городской жизни, мы любимъ потолковать — и каждый разумѣется по всему — о народѣ и его просвѣщеніи, предоставляя дѣятелямъ на мѣстѣ трудиться уже не на словахъ, а на дѣлѣ.

— А много ли такихъ дѣятелей для просвѣщенія народа, при поголовномъ бѣгствѣ образованныхъ классовъ въ города, — правдивое слово объ этомъ сказала „записка объ образцовыхъ классахъ при духовныхъ семинаріяхъ“, составленная, по словамъ „Церк. Общ. Вѣсти“, однимъ изъ членовъ состоявшей при Св. Синодѣ комиссіи для устройства церковно-приходскихъ школъ и разосланная на заключеніе всѣхъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ:

„Министерскій, земскій или епархіальный надзоръ, часто недостаточный, до сихъ поръ рѣдко является силою направляющею и охраняющею. Наши сельскія школы только и живы сочувствіемъ и содѣйствіемъ мѣстнаго населенія, да руководствомъ какого-либо мѣстнаго дѣятеля, знакомаго съ школьнымъ дѣломъ и заинтересованнаго въ существованіи и преуспѣяніи школы. За неимѣніемъ

этихъ двухъ условій, сельскія школы влчатъ жалкое, искусственное существованіе, служатъ часто для украшенія официальныхъ отчетовъ, а не для удовлетворенія учебныхъ нуждъ населенія. Едва ли нужно доказывать, что такимъ постояннымъ руководителемъ школы, направляющимъ дѣло въ смыслѣ сочувственномъ мѣстному населенію, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, можетъ быть лишь сельскій священникъ. Образованные міряне, сохранившіе съ Церковью кровную связь, необходимую для пониманія того, чего требуетъ отъ школы нашъ безграмотный народъ, вообще у насъ рѣдки, а при поголовномъ бѣгствѣ образованныхъ классовъ въ города, школьная дѣятельность такихъ людей въ деревенской глуши принимаетъ характеръ рѣдкаго исключенія.

Въ видахъ устраненія неумѣлости, какъ одного изъ главныхъ препятствій успѣшной дѣятельности священниковъ на пользу народнаго образованія, записка предлагаетъ проектъ учрежденія при всѣхъ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ, числомъ 53-хъ, образцовыхъ народныхъ школъ, которыя должны быть не воскресными, а ежедневными, съ 4-хъ лѣтнимъ курсомъ, по программѣ, признанной нормальной для сельскихъ церковно-приходскихъ школъ. Записка представляетъ проектъ подробной программы преподаванія въ такихъ школахъ, съ росписаніемъ часовъ, по закону Божию, русской и славянской грамотѣ, чистовисанію, ариѳметикѣ и церковному пѣнію. Цѣль записки, очевидно, помочь организаціи такихъ школъ, которыя для духовенства должны имѣть значеніе учительскихъ семинарій. Замѣтимъ кстати, что по новому уставу духовныхъ семинарій (§ 120 примѣч.) „учреждается при семинаріи начальная школа съ ежедневными уроками, подъ руководствомъ учителя дидактики и наблюденіемъ ректора“.

— Интересный фактъ, показывающій, какъ народъ самъ заботится о своемъ молодомъ поколѣніи, приведенъ на дняхъ въ „Пензенскихъ Губерн. Вѣд.“ Разумѣемъ одинъ изъ сельскихъ крестьянскихъ приговоровъ. Въ этомъ приговорѣ, между прочимъ, читаемъ:

„Въ нашемъ приходскомъ храмѣ, за неимѣніемъ своего священника, бываетъ богослуженіе не всякій воскресный и праздничный день, поэтому дѣтямъ въ осеннее и зимнее время, въ тѣ воскресные и праздничные дни, въ которые не будетъ въ нашемъ храмѣ богослуженія, ходить въ ближайшій храмъ неудобно, почему и обязуемся препровождать ихъ, не имѣющихъ своихъ лошадей, до того селенія и обратно на мирскихъ пѣдводахъ. Для наблюденія за ними какъ въ храмѣ во время богослуженія, а также и въ домаш-

немъ быту, мы избрали изъ среди себя надзирателей надъ мальчиками, крестьянъ (слѣдуютъ имена), а надъ дѣвочками—крестьянокъ (слѣдуютъ имена), которымъ даемъ право наблюдать за нашими дѣтьми во всякомъ мѣстѣ, а въ особенности въ храмѣ во время богослуженія и невнимательныхъ къ церковной службѣ дѣтей поучать, а объ ослушникахъ сообщать родителямъ и въ случаѣ неприятия ими къ тому должныхъ родительскихъ мѣръ, сихъ послѣднихъ привлекать къ отвѣтственности чрезъ волостной судъ“.

Какъ-бы скептически ни смотрѣть на этотъ приговоръ, который конечно можетъ забыться, какъ забывалось множество разнаго рода другихъ, также полныхъ благихъ намѣреній, приговоровъ; но важно уже то, что крестьяне начинаютъ обращать вниманіе на своихъ дѣтей, растущихъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ „какъ трава въ полѣ“. Долгъ пастырей внушать крестьянамъ заботу объ этомъ дѣлѣ и бесѣдовать съ ними о томъ почаще. Если этого рода заботы и хлопоты пойдутъ объ руку съ заботами объ обученіи дѣтей въ церковно-приходскихъ школахъ, тогда народъ рано или поздно отдастъ должное духовенству, и положеніе пастырей въ народѣ измѣнится.

— Предложеніе высокопреосвященнаго Веніаміна духовенству Иркутской епархіи о церковно-приходскихъ школахъ заключаетъ интересныя свѣдѣнія и практическіе совѣты. Въ селеніяхъ, гдѣ живутъ причты, имѣются уже приходскія училища министерства народнаго просвѣщенія, а въ деревняхъ есть школы грамотности, въ нѣкоторыхъ по двѣ, по три и даже по пяти; въ каждой изъ нихъ среднимъ числомъ 10 учащихся изъ дѣтей болѣе зажиточныхъ родителей. Преосвященный рекомендуетъ духовенству въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ есть министерскія школы, открывать особыя женскія церковно-приходскія училища, относительно же школъ грамотности—принять мѣры, чтобы обучались въ нихъ и дѣти бѣдныхъ родителей, обращаться для вознагражденія учителей къ средствамъ приходскихъ попечительствъ и къ частной благотворительности. Гдѣ нѣтъ помѣщеній для школы, разрѣшается обучать дѣтей въ часовняхъ, поставивъ скамьи по западной стѣнѣ лицомъ къ св. иконамъ. Обученіе часослову и Псалтыри необходимо сопровождать объясненіемъ прочитаннаго; при этомъ условіи часословъ и Псалтырь могутъ содѣйствовать умственному развитію дѣтей въ первомъ возрастѣ не менѣе, чѣмъ классическіе языки въ дальнѣйшемъ образованіи. Лишь только мальчикъ выучитъ часть часослова или Псалтыри, нужно заставлятъ его читать выученное въ церкви или ча-

совнѣ и чтеніе соединять съ общимъ пѣніемъ, которое такъ любитъ нашъ народъ. Соединеніе школьнаго обученія съ упражненіемъ въ чтеніи и пѣніи въ церкви предохранить отъ новой безграмотности (когда разучиваются читать по неимѣнію чего читать).

— Вопросъ объ образцовыхъ церковно-приходскихъ школахъ пріобрѣтаетъ широкую постановку. Въ Кіевѣ епархіальный училищный совѣтъ предполагаетъ открыть нѣсколько образцовыхъ школъ, не менѣе четырехъ. Однимъ изъ членовъ бывшей коммисіи, подъ предѣдательствомъ архіепископа холмско-варшавскаго Леонтія, составлена и разослана теперь на разсмотрѣніе всѣхъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ „записка объ образцовыхъ школахъ при духовныхъ семинаріяхъ“. Съ повсемѣстнымъ учрежденіемъ при семинаріяхъ образцовыхъ школъ должна пасть обычный аргументъ противниковъ церковно-приходскихъ школъ, ссылка ихъ на неподготовленность духовенства къ школьному дѣлу.

— При устройствѣ церковно-приходскихъ школъ капитальную важность представляютъ два пункта: изысканіе матеріальныхъ средствъ и пріисканіе учителей. По слухамъ, сообщаемымъ „Новостями“, будетъ испрошенъ изъ казны особый ежегодный кредитъ въ размѣрѣ 100.000 р. для пособій наиболѣе бѣднымъ школамъ, главнымъ же источникомъ содержанія школъ будутъ средства мѣстныя. Астраханскій преосвященный сдѣлалъ распоряженіе публиковать чрезъ губернскія и епархіальныя вѣдомости, чтобы лица мужскаго и женскаго пола, имѣющія право и чувствующія себя способными быть наставниками въ церковно-приходскихъ школахъ, заявили бы объ этомъ. Духовенство 2-го благочинническаго округа Рѣчицкаго уѣзда Минской епархіи, встрѣтивъ при открытіи школъ большое затрудненіе въ пріисканіи учителей вслѣдствіе недостатка въ той мѣстности грамотныхъ людей изъ крестьянъ, обратилось къ такой мѣрѣ: рѣшило „послать кого либо изъ священниковъ въ м. Любечъ, для отысканія тамъ способныхъ людей и для приглашенія ихъ занять мѣста учителей по деревнямъ, имѣя въ виду, что въ м. Любечѣ грамотныхъ много; народъ тамъ издавна развитой и благочестивый, съ примѣрнымъ развитіемъ въ нихъ любви къ церковности“. Способъ цѣлесообразный!

— Наиболѣе надеждъ возлагается на воспитанницъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, которыя, по отзыву сенатора Шамшина, ревизовавшаго по Высочайшему повелѣнію Саратовскую и Самарскую губерніи, оказываются особенно способными къ преподавательской дѣятельности въ народныхъ школахъ, какъ потому, что

онѣ уже въ самомъ училищѣ получаютъ привычку къ обученію, такъ и потому, что приносятъ съ собою изъ родительскаго дома привычку къ простой сельской жизни, сохраняемую и въ училищѣ, благодаря скромной его обстановкѣ. Въ нѣкоторыхъ епархіальныхъ женскихъ училищахъ дѣлаются уже улучшения въ преподаваніи примѣнительно къ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены къ наставницамъ церковно-приходскихъ школъ. Такъ, въ Симбирскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ, вслѣдствіе заявленія инспектора народныхъ школъ А. Красева, увеличено число уроковъ по педагогикѣ до четырехъ въ недѣлю и открытъ одинъ урокъ по пѣнію. Заявленіе мотивировано необходимостію подготовленія воспитанницъ къ болѣе осмысленному веденію въ начальной школѣ письменныхъ занятій, а также класснаго и церковнаго пѣнія.

— Многіе ставятъ вопросъ, откуда взять средства для содержанія церковно-приходскихъ школъ. При усердіи и настойчивости духовныхъ пастырей средства могутъ найтись. Напримѣръ, изъ села Богданскаго, Суздальскаго уѣзда Владимірской губерніи, сообщаютъ, что мѣстный священникъ Евгеній Лебедевъ долго убѣждалъ прихожанъ, въ церкви и въ домахъ, устроить школу; много разъ собирались крестьяне на совѣтъ всѣмъ приходомъ, но сознавая свою бѣдность не рѣшались устроить училище. Священникъ не переставалъ настаивать и, наконецъ, призвавъ на помощь вліяніе мѣстнаго волостнаго старшины, достигъ того, что крестьяне заняли 1,200 рублей (500 рублей въ земствѣ и 700 рублей у частныхъ лицъ) и на эти деньги выстроили училищное зданіе.— Или другой случай. Настоятель Усманскаго Богословскаго собора, Тамбовской епархіи, протоіерей В. Никольскій рѣшился открыть школу, нашелъ при соборѣ готовое помѣщеніе на 30 человекъ, склонилъ членовъ соборнаго причта преподавать безвозмездно въ школѣ, отыскалъ матеріальныя средства на школу (100 рублей изъ копилочковыхъ суммъ собора и на 3 года отъ себя по 100 руб.) и школа открыта. Мѣстный преосвященный, вмѣстѣ съ изъявленіемъ архимандритской благодарности энергичному о. протоіерею, прибавилъ въ резолюціи своей: „Да подражаютъ и другіе примѣру о. протоіерея Никольскаго“.

— Въ видахъ восполненія средствъ на школы указаны уже были нѣкоторые экстренные источники, къ родѣ спеціальныхъ сборовъ въ дни особенно чтимыхъ святыхъ, между прочимъ—указанъ источникъ, могущій дать прочное обезпеченіе школамъ, это именно общественныя запашки. Примѣненіе запашекъ къ нуждамъ церков-

нымъ уже практиковалось и дало прекрасные результаты въ селѣ Скнятиновѣ, Ярославской губерніи, о чемъ уже извѣщено было въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ № 41. Широкое распространеніе общественныхъ запасекъ съ цѣлью извлеченія изъ нихъ матеріальныхъ средствъ на содержаніе школъ тѣмъ желательнѣе, что этимъ путемъ могла-бы быть достигнута другая цѣль—матеріальное воспо-собленіе духовенству. Оплачиваемые труды въ школахъ могли-бы улучшить бытъ духовенства, даже если-бы плата была не лично священнику, но его окончившимъ ученіе сыновьямъ, дочерямъ или женамъ, на которыхъ, безъ сомнѣнія, нерѣдко будетъ возлагаема обя-занность школьнаго преподаванія. И теперь уже эта обязанность на практикѣ на нихъ возлагается. Въ предложеніи высокопреосвя-щеннаго Веніаміа Иркутскаго читаемъ: „По полученнымъ мною свѣдѣніямъ, заведены домашнія школы, по собственной инициативѣ изъ усердія къ просвѣщенію своихъ прихожанъ, братско-острож-нымъ священникомъ А. Каллистовымъ, обучающимъ дѣтей чрезъ своихъ образованныхъ дочерей, и пачановскимъ священникомъ Н. Малковымъ, занимающимся обученіемъ при помощи своей образо-ванной супруги. Предлагаю консисторіи объявить священникамъ Каллистову и Малкову съ сотрудниками ихъ въ дѣлѣ просвѣщенія прихожанъ мою искреннюю благодарность съ архипастырскимъ благословеніемъ и со внесеніемъ сего обстоятельства въ формуляр-ные о службѣ списки сихъ священниковъ“.

— Народъ жаждетъ просвѣщенія духовнаго. Какъ физически голодающій человѣкъ гложетъ иногда древесную кору или кожу, такъ и народъ бросается въ расколъ или штунду, чая въ нихъ найти удовлетвореніе своему голоду.

Неужели наши пастыри не воспользуются прекраснымъ, пред-ставляющимся нынѣ случаемъ — церковно-приходскими школами, чтобы просвѣтить темный народъ и направить его просвѣщеніе въ должную сторону, къ дому Божію, а не въ непроходимыя дебри религіозныхъ и политическихъ заблужденій? Наши пастыри иногда есмлаются на свои занятія по приходу, мѣшающія дѣятельности ихъ въ школахъ.

„Такъ-ли это, спрашиваетъ одинъ изъ сельскихъ пастырей въ „Ирк. Еп. Вѣд.“? Ужели служба въ церкви и требосправленіе въ самомъ дѣлѣ такое препятствіе къ исправному исполненію обязан-ностей по церковно-приходской школахъ, котораго нельзя преодо-лѣть? Конечно священникъ каждый день и часъ долженъ быть готовъ къ совершенію требъ. Но вѣдь не каждый-же часъ и не

каждый день бываютъ неотложныя требы. А если завести въ приходѣ разумный порядокъ относительно требоисправленія, то неотложныя требы будутъ очень и очень рѣдко падать на учебныя въ школахъ часы. Слѣдуетъ только не предоставлять требоисправленія случаю или произволу прихожанъ, и—неодолимое сдѣлается очень одолжимымъ. Свидѣтельствую объ этомъ предъ своими братьями и сослужителями и подтверждаю свидѣтельство собственнымъ опытомъ. При поступленіи моемъ на приходъ, я нашелъ въ немъ такой порядокъ, что кому когда вздумается, тотъ тогда и ѣдетъ за требою. Помаявшись такъ нѣсколько лѣтъ, я рѣшился ввести свой порядокъ, который я мало-по-малу и ввелъ въ своемъ приходѣ (далѣе описываются заведенныя имъ порядки относительно крещенія младенцевъ, совершенія браковъ, напутствія больныхъ, хожденій по приходу, великопостной службы). Конечно такіе порядки трудно вводить въ приходяхъ, раскинутыхъ на большія разстоянія, но тамъ могутъ быть или министерскія школы, или туда могутъ быть назначаемы хорошіе псаломщики. Да, наконецъ, я еще не упомянулъ о тѣхъ случаяхъ, когда у священниковъ могутъ быть образованныя дочери, сестры или другія родственницы, могущія съ успѣхомъ заниматься въ школахъ“.

— Въ „Руси“ авторъ статьи „Объ упадкѣ знанія церковно-славянскій грамоты въ русскомъ обществѣ и народѣ“—г. Грачевъ, указавъ на факты, что и мужики и солдаты, учившіеся въ земскихъ и солдатскихъ школахъ, или совсѣмъ не умѣютъ читать церковно-славянски или читаютъ очень плохо (что и тѣхъ и другихъ сильно печалитъ), замѣчаетъ:

Школамъ нашимъ (земскимъ и вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія), противъ желанія народа, дано направленіе противоперковное, безъ преподаванія, за немногими исключеніями, церковно-славянскій грамоты, а безъ нея народъ не можетъ читать священно-церковныя кляги—единственныя книги, изъ которыхъ онъ можетъ поучаться благочестію и добродѣтели. Вотъ появилось у насъ по деревнямъ и селамъ немалое число школъ безъ церковной грамоты или съ самымъ слабымъ, небрежнымъ обученіемъ этой грамотѣ. Что-же вышло? Быстро стали пропадать въ народѣ знаніе и разумѣніе церковно-богослужебнаго чтенія и охота къ нему (а затѣмъ начали усиливаться пороки, разгулъ, пьянство).

Авторъ съ большимъ сочувствіемъ относится къ новымъ церковно-приходскимъ школамъ, обращаясь къ народу съ слѣдующими горячими словами:

„Къ вамъ теперь, любезные мои соотечественники, особенно вы, дорогой нашъ простой русскій народъ, крестьяне-мужики, сердечное мое слово. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ и призвавъ въ помощь Бога, примите на себя добрый и святой подвигъ—возьмитесь сами за дѣло грамоты! Вы теперь сами можете заводить церковно-славянскія школы для своихъ дѣтей и, такимъ образомъ, содѣйствовать возрожденію, развитію, распространенію, процвѣтанію и укрѣпленію у насъ знанія церковной грамоты, а чрезъ нее и страха Божіа въ своихъ семействахъ. Итакъ, поспѣшайте открывать у себя эти простые церковно-славянскія училища—по мірскому-ли приговору, или упрасивая подобныхъ Я. И. Лабзину лицъ между вами заводить такія школы, въ большихъ-ли, малыхъ ли размѣрахъ, какъ Богъ приведетъ гдѣ. Выбирайте въ учителя сами по вашему благоусмотрѣнію, съ совѣта и благословенія батюшки, людей богобоязненныхъ, преданныхъ Церкви Божіей (самое главное требованіе!), хорошо умѣющихъ читать священно-церковныя книги—четко и толково, хотя бы это были простые мужички, не учившіеся въ школахъ. А батюшка-священникъ будетъ учить дѣтей закону Божію, объяснять молитвы, св. Евангеліе и службу церковную. Достаточно для нихъ (учителей) общаго довѣрія съ вашей стороны,—и благосердное училищное начальство не потребуетъ отъ нихъ особаго свидѣтельства на право ученія церковному чтенію“.

Г. Грачевъ указываетъ на фактъ формальнаго дозволенія,—даннаго инспекторомъ народныхъ училищъ тремъ простымъ крестьянамъ, нигдѣ не учившимся и не получившимъ никакихъ дипломовъ,—преподавать церковную грамоту въ школѣ Я. И. Лабзина. Авторъ намѣчаетъ даже и путь ходатайства объ открытіи школы:

„Заявленіе и прошеніе о дозволеніи открыть простое церковно-славянское училище нужно подать г. директору или же инспектору начальныхъ народныхъ училищъ, руководясь желаніемъ распространить церковную грамотность въ Россіи, и въ прошеніи прописать, что желая содѣйствовать обученію крестьянскихъ дѣтей церковной грамотѣ, вы для сей цѣли предположили на такія-то средства устроить училище, въ которомъ желаете имѣть священника наставникомъ въ законѣ Божіемъ, а преподавателя церковной грамоты, *подъ его наблюденіемъ и руководствомъ*, такихъ-то своихъ извѣстныхъ вамъ по благонадежности лицъ, крестьянъ (прописать имена ихъ). Почему и просите дозволить вамъ школу эту открыть, и лицъ, приглашенныхъ вами къ преподаванію церковной грамоты допустить, а священнику такому-то быть законоучителемъ и руко-

водителемъ вашей школы исходатайствовать отъ епархіальнаго начальства дозволеніе“.

По новымъ правиламъ о церковно-приходскихъ школахъ не нужно и обращаться къ инспектору народныхъ училищъ, а школу можетъ открыть самъ священникъ, донесши о семъ потомъ епархіальному преосвященному. Или, можетъ быть, авторъ желаетъ, чтобы и земскія школы отнынѣ открывались и организовались по образцу церковно-приходскихъ, т. е. состояли подъ руководствомъ священниковъ? Если такъ, — дѣло доброе!

— Общественное вниманіе, въ послѣднее время нѣсколько отвлекшееся отъ судебныхъ дѣлъ, за отсутствіемъ крупныхъ процессовъ, теперь вновь начинаетъ сосредоточиваться на криминальной области. „Мы—какъ выразилась одна газета— снова вступаемъ въ сезонъ уголовщины. По мутнымъ волнамъ уголовного океана несетя впереди всѣхъ „большой караванъ“ Скопинскаго городского банка. Дѣло о злоупотребленіяхъ въ Скопинскомъ банкѣ разсматривается, съ 22-го ноября, Московскою судебною палатою. Обвиняемыхъ 26 человекъ, изъ коихъ директоръ банка Рыковъ, товарищи его Рудневъ и Иконниковъ, бухгалтеры Матѣевъ и Евтихievъ и коммерціи совѣтникъ Поповъ, находятся подъ стражей, а прочіе 20 обвиняемыхъ на свободѣ. Слушается дѣло въ большей Екатерининской залѣ судебныхъ установлений, приспособленной нарочно для этого громаднаго дѣла, слушаніе коего продлится болѣе двухъ недѣль. На столѣ вещественныхъ доказательствъ и около него наложена груда банковскихъ конторскихъ книгъ. Предѣдаетъ членъ палаты г. Терновскій при членахъ гг. Островскомъ, Воеводскомъ и Манассенинѣ. Обвиняетъ прокуроръ палаты г. Муравьевъ. Гражданскіе интересы конкурснаго по дѣламъ Скопинскаго банка управленія поддерживаютъ прис. пов. Плевако и прис. пов. Дмитриевъ. Подсудимые имѣютъ защитниковъ. Свидѣтелей вызывалось въ судъ 107, но изъ нихъ не явилось 48. Въ составъ присяжныхъ засѣдателей вошли: три чиновника, два купца, три мѣщанина, два цеховыхъ и два крестьянина, одинъ инженеръ-механикъ и одинъ ямщикъ. Чтеніе обвинительнаго акта окончилось въ утреннемъ засѣданіи 23-го ноября. На вопросъ предѣдателя палаты: признаютъ-ли подсудимые себя виновными, Рыковъ отвѣчалъ, защищаясь: „не признаю... да, но только по отдѣльнымъ пунктамъ“. Остальные 25 подсудимыхъ отрицали виновность. Послѣ этого началось судебное слѣдствіе. Свидѣтель, предѣдатель конкурса по дѣламъ Скопинскаго банка, Родзевичъ показалъ, что всѣхъ вкладчи-

ковъ было около 6,000 человекъ, на сумму свыше 11½ миллионъ; вкладчики преимущественно лица духовнаго званія, а также военные и чиновники— всѣ иногородные. Главные должники банка: Рыковъ—около 7 миллионъ, Рудневъ—220,000 р. (оба имѣютъ имущества), Иконниковъ долженъ 80,000, Владиміръ Овчинниковъ—220,000, Иванъ Овчинниковъ—280,000, Барабановъ—100,000, Мейенъ—386,000, Алексѣй Поповъ—563,000, Шестовъ—600,000, Леонасовъ—520,000 р. Суммы эти приведены приблизительно. Далѣе свидѣтель показалъ, что по окончательной ликвидаціи дѣлъ конкурса можетъ оказаться, что кредиторы Скопинскаго банка получать максимумъ отъ 15 до 18 к. за рубль, а если продать все городское имущество Скопина, то прибавится еще по 10 к. на рубль.—О показаніяхъ многихъ свидѣтелей корреспондентъ „Новаго Времени“ говоритъ: „Наивности тутъ не оберешься. Вкладчики вѣрили и газетнымъ объявленіямъ, и хвастливымъ рѣчамъ Рыкова; одинъ рассчитывалъ на прочность банка потому, что у Рыкова были ордена“ и т. п. По поводу нѣкоторыхъ свидѣтельскихъ показаній второстепенные подсудимые, по изложенію того же корреспондента, заявили: „мы что-жъ, мы были такъ себѣ. Все онъ (Рыковъ), а мы ничего не знали, и ни читать, и ни писать не умѣемъ“. Извольте послѣ этого серьезно смотрѣть на директорскихъ „товарищей“ и „кандидатовъ“! Бывшіе товарищами директора, Иванъ Рудневъ, Никифоръ Иконниковъ и Василій Рудневъ, въ заведеніи 25-го ноября, по вопросу о допущеніи учета векселей Рыкова на громадную сумму, несообразную съ его состояніемъ, заявили, что настоящая цифра долга имъ была неизвѣстна и узнать ее было трудно, такъ какъ вся сила была въ Рыковѣ. Иконниковъ заявилъ, что узналъ о приблизительномъ размѣрѣ долга Рыкова въ декабрѣ 1881 г. и говорилъ о томъ городскому головѣ, но тотъ, находясь постоянно въ петрезвомъ видѣ, не придалъ значенія заявленію. Рыковъ довольно пагло объяснялъ на судѣ свои преступленія желаніемъ „сдѣлать пользу городу, промышленности, просвѣщенію и благотворительности“, и затѣмъ выразилъ сожалѣніе (на этотъ разъ, какъ думаютъ, искреннее) о томъ, что „не было узды для банковыхъ дѣятелей“.—Процессъ подвигается медленно.

— Одинъ кievскій (на Подольѣ) священникъ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ „Кievляниномъ“, предпринимаетъ трудъ по истинѣ мисіонерскій и заслуживающій всякаго подражанія: онъ предполагаетъ каждый вечеръ являться въ ночлежный домъ Терещенко для прочтенія вечернихъ молитвъ въ казиданіе собирающимся тамъ ноч-

лежникамъ. Прецедентъ чрезвычайно важный. Этотъ видъ внутренней миссіи, при должной организаціи, могъ-бы послужить могущественнымъ средствомъ для просвѣщенія подонковъ общества, той среды, въ которой по преимуществу гнѣздятся разнаго рода пороки. Ночлежныхъ домовъ много какъ въ Кіевѣ, такъ и въ другихъ большихъ городахъ Россіи, не говори уже о столицахъ. Равнымъ образомъ не мало есть священниковъ съ высшимъ образованіемъ, завѣдующихъ небольшими приходами, для которыхъ не было-бы славникомъ обременительно посвящать часъ времени на дѣло богоугодное.

— Въ Нѣжинѣ, Черниговской губерніи, недавно скончался настоятель греческаго прихода, о. Иліодоръ Топольскій. Въ жизни о. Иліодора была замѣчательная особенность: весь г. Нѣжинъ былъ безусловно увѣренъ въ силу молитвы о. Иліодора надъ больными дѣтьми. Въ келліяхъ о. Иліодора ежедневно толпились десятки женщинъ съ страдающими младенцами на рукахъ. Сначала только слышны ревъ и плачь больныхъ дѣтей, да рыданія матерей. Но вотъ старецъ начинаетъ читать молитвы, помазываетъ дѣтей св. елеемъ, который онъ бережно хранилъ въ теченіе года, отъ великаго четверга, когда, по древнему обычаю, въ Нѣжинѣ совершается общее елѣосвященіе, и дѣти начинаютъ постепенно успокаиваться, такъ что матери всегда уносили домой уже совершенно здоровыхъ дѣтей. Вѣра въ силу молитвы старца была сильна даже у евреевъ. Матери часто полагали больныхъ младенцевъ у ногъ о. Иліодора, чтобы онъ, во время великаго выхода на литургіи, переступилъ чрезъ нихъ со св. чашею, — и дѣти становились здоровыми („Свѣтъ“).

Поступило въ продажу второе, исправленное, изданіе сочиненія:

„КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ МЕТОДИКИ ЗАКОНА БОЖІЯ“

Н. Страхова.

Св. Синодомъ, согласно опредѣленію Духовнаго Учебнаго Комитета, одобрено для библиотекъ начальнахъ училищъ въ качествѣ пособия законоучителямъ и для духовныхъ семинарій въ качествѣ полезнаго пособия воспитанникамъ старшихъ классовъ.

Цѣна за экземпляръ 50 коп., съ пересылкою 60 коп.

Вышеуказаннъ не менѣе 100 экземпляровъ дѣлается уступка 15 процентовъ; книгопродавцамъ обычная уступка; на комиссію изданіе не отпускается.

Складъ изданія въ Харьковѣ: у автора, преподавателя дух. семинаріи **Н. Н. Страхова**, и въ книжномъ магазинѣ (при „Публичной Библиотекѣ“) **В. и А. Вирюковъ**, Московская, 7.

Въ Харьковѣ, въ этомъ году, вышло новое сочиненіе автора „Анти-Энциклики“: напечатанное имъ въ защиту послѣдней отъ сдѣланныхъ со стороны католичества возраженій, и отличающееся еще болѣе рѣзкимъ и обличительнымъ для католичества тономъ, чѣмъ первоначальное, въ защиту котораго писано. Заглавіе его:

Отвѣтъ автора „Анти-Энциклики“ на послѣдовавшее со стороны католичества противу нея возраженіе.

Продается вмѣстѣ съ „Анти-Энциклопедіей“:

Въ **ХАРЬКОВѢ**— въ томъ-же „Складѣ“ у проф. **Н. В. Платонова** (Черноглазская ул., собственный домъ, № 4), изъ котораго объявлена продажа „Анти-Энциклики“; здѣсь-же пахются для продажи нѣсколько экземпляровъ болгарскаго перевода „Анти-Энциклики“; въ книжной лавкѣ Харьковскаго **Покровскаго монастыря** и въ книжныхъ магазинахъ братьевъ **А. П. и П. П. Куколевскихъ**.

Въ **МОСКВѢ**— въ книжныхъ магазинахъ: **Ферапонтова**, на Никольской и **Глазунова** на Петровкѣ, противъ Кузнецкаго моста.

Въ **ПЕТЕРБУРГѢ**— въ книжномъ магазинѣ **Игн. Л. Тузова**, на Большой Садовой, домъ Коровина, № 16.

Въ **КІЕВѢ**— у **Н. Я. Омоблина**, на Крещатикѣ.

Цѣна какъ „Анти-Энцикликѣ“, такъ и „Отвѣту“ въ отдѣльности 60 к., а вмѣстѣ 1 рубль, болгарскому переводу тоже рубль.

Книгопродавцамъ уступка на 20 %. Пересылка на счетъ „Склада“.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

КЪ АПОЛОГИИ ХРИСТІАНСТВА.

О ПРИГОТОВЛЕНІИ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО КЪ ПРИНЯТІЮ ХРИСТІАНСТВА

Богословское и историко-философское изслѣдованіе свѣщ. **М. Г. Дьяченко**.

Цѣна 2 руб. съ пересылкою 2 руб. 25 коп.

Книгу можно получать въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, у **Ферапонтова** и у автора: священника церкви Московскаго Почтамта.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ

НА

ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ И „ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(съ толкованіями на Ветхій Заветъ).

„Церковный Вѣстникъ“ съ 1-го января будущаго 1885 г. имѣеть вступить въ одиннадцатый годъ существованія. Десять лѣтъ — достаточный періодъ времени для выясненія характера, направленія и цѣлей изданія. Въ официальной своей части „Церковный Вѣстникъ“ есть официальный органъ Св. Синода и состоящихъ при немъ центральныхъ учреждений, въ неофициальной-же части онъ есть органъ с.-петербургской духовной академіи. Высшее церковное прикѣльство, избравъ официальную часть академической церковной газеты своимъ официальнымъ органомъ для помѣщенія въ ней своихъ распоряженій и Высочайшихъ повелѣній по духовному вѣдомству и чрезъ то удостоивъ академическую корпорацію высокой степени своего довѣрія, не лишило въ тоже время послѣднюю возможности имѣть въ собственномъ смыслѣ неофициальную часть, въ которой-бы академическая корпорація свободно выражала свои сужденія по церковнымъ вопросамъ, сообщала полезныя для духовенства свѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ давала бы возможность и духовенству высказывать свои нужды и желанія, и такимъ образомъ существовать бы взаимный обмѣнъ мыслей между людьми духовной науки и дѣятелями церковной жизни. Высоко цѣняя такія истинно-настирскія, въ духѣ древней церкви, отношенія высшей церковной власти къ высшей духовной школѣ, академическая корпорація, по мѣрѣ силъ въ теченіе десяти лѣтъ, старалась въ неофициальной части „Церк. Вѣсти.“ осуществлять прекрасный идеалъ свободнаго служенія истиннымъ интересамъ православной церкви на поприщѣ духовной публицистики, — идеалъ, глубокіе корни котораго скрываются въ характерѣ восточнаго православія.

Постепенно и свободно развиваясь, неофициальная часть „Церк. Вѣсти.“ получила въ послѣднее время слѣдующій видъ. Въ ней печатаются прежде всего разнообразныя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ, именно: 1) передовыя статьи; 2) корреспонденціи, статьи и сообщенія вѣстныхъ сотрудниковъ, преимущественно духовныхъ лицъ и 3) „Мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ“. Для помѣщенія различныхъ извѣстій имѣются слѣдующіе постоянные отдѣлы: 4) „Лѣтопись церковная“, представляющая обзоръ вѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ области религіозной жизни нашей отечественной церкви по вѣхамъ ея епархіямъ; 5) Иностранное обозрѣніе, сообщающее извѣстія изъ религіозной жизни православнаго востока и римско-католическаго и протестантскаго запада; 6) „Лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и за границей“, сообщающая свѣдѣнія о вѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ и внѣ его; 7) „Разныя извѣстія и замѣтки“, содержащая разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ лѣтописяхъ и обозрѣніяхъ; въ послѣднее мѣсто занимають здѣсь сообщенія о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ. Немалое вниманіе обращено также и на отдѣлы библиографическіе, которые суть слѣдующіе: 8) „Журнальное обозрѣніе“, представляющее обозрѣніе нашей духовной журналистики (каждый мѣсяць разъ); 9) „Замѣтки читателя епархіальныхъ вѣдомостей“ (два раза въ мѣсяць), сообщающія извлеченіе интереснаго, по преимуществу историческаго матеріала изъ вѣхъ 44-хъ существующихъ епархіальныхъ вѣдомостей (это новый, только что организованный отдѣлъ) и 10) „Библиографическія замѣтки“ или обозрѣніе вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій (нѣсколько разъ въ мѣсяць); этотъ отдѣлъ съ новаго года предполагается преобразовать въ смѣсь полноты и краткости библиографическихъ обозрѣній.

Такимъ образомъ, редакція имѣеть смѣлость думать, что вышеозначенными десятью отдѣлами неофициальной части „Церк. Вѣсти.“ довольно полно обнима-

ютея всѣ важнѣйшія проявленія церковно-общественной жизни, преимущественно въ нашемъ отечествѣ и въ значительной мѣрѣ внѣ его.

„Христіанское Чтеніе“, составляющее прибавленіе къ „Церк. Вѣстн.“, помѣщаетъ разнообразныя, преимущественно ученныя, статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній. Сверхъ того въ немъ печатаются, съ особымъ счетомъ страницъ, „Толкованія на Ветхій Заветъ“. Въ 1885 г. будетъ продолжаться печатаніе „Толкованія на книгу пророка Исаи“, такъ что въ концѣ года выйдетъ особою вкладкою 6-й выпускъ „Толкованій“.

Четвертый (пятый вышелъ въ 1883 году) выпускъ, содержащій продолженіе толкованій на книгу Псалмовъ, выйдетъ въ донабрѣ мѣсяцѣ сего года. Ц. 75 к. безъ перес. и 1 р. съ перес.

„Церк. Вѣстн.“ и „Христ. Чт.“ съ „Толкованіями“ составятъ въ годъ болѣе двухсотъ шестидесяти (260) печатныхъ листовъ („Церк. Вѣстн.“ 142 л. и „Христ. Чтен.“ 124 л.).

ЦѢНА — Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала 7 р. (семь) съ пересылкою отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ 5 р. (пять), за „Христіанское чтеніе“ съ „Толкованіями“ 5 р. (пять). Заграницей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р. (девять), за каждый отдѣльно 7 р. (семь) съ перес.

ПОДПИСКА. — Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: „Въ Редакцію „Церк. Вѣстн. и „Христ. Чт.“, въ С.-Петербургѣ“. Подписывающіеся въ Петербургѣ подписываются въ конторѣ редакціи (уголъ Коломенской улицы и Свѣчнаго переулка, д. № 10—16, кв. № 26), гдѣ получаютъ также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ приимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за одну строку петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 к. — за 1 разъ) и для разсылки при „Церк. Вѣстн.“ (по 5 р. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при книжк. маг. Тузова (бывш. Караблева), въ Москвѣ—при книжк. маг. Фералонтова.

Въ конторѣ редакціи (уг. Коломенской ул. и Свѣчнаго пер., домъ № 10—16, кв. 26), можно получать полныя экземпляры:

„ЦЕРКОВНАГО ВѢСТНИКА“ и „ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ“

за 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1881, 1882, 1883 и 1884 гг. (за 1884 годъ съ января будущаго 1885 года) по пяти рублей за оба журнала за годъ (вмѣсто семл) и по три рубля за годовой экземпляръ каждого журнала отдѣльно

Тамъ-же можно получать:

I. Собраніе древнихъ литургій въ переводѣ на русскій языкъ -- въ пяти выпускахъ; цѣна каждого отдѣльно 1 р. съ пер., а всѣхъ пяти выпусковъ вмѣстѣ (болше 50 печатн. листовъ) 3 р. съ пер.

II. Толкованіе на Ветхій Заветъ—1-й и 2-й выпускъ; цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. (отдѣльно 1-й вып. 1 р. 25 к. съ пер., 2-й вып. 2 р. съ пер.). Третій выпускъ (начало толкованія на книгу Псалмовъ) ц. 75 к. безъ пер. и 1 р. съ пер. Пятый выпускъ (начало толкованія книги пророка Исаи) ц. 75 к. безъ перес. и 1 р. съ пер. Четвертый выпускъ (продолженіе толкованія книги Псалмовъ) цѣна 75 коп. безъ пересылки и 1 руб. съ пересылкою.

III. Христіанскую Апологетику или курсъ основнаго богословія, читанный студентамъ сиб. дух. акад. въ 1881 г. проф. Н. П. Рождественскимъ (издан. сиб. дух. акад.). Цѣна за два большихъ тома (920 стр.) 4 р. безъ пер. и 5 р. съ пер. Для подписчиковъ на „Церков. Вѣстн.“ и „Христ. Чтен.“ ц. за оба тома 4 р. съ перес. и 3 р. безъ перес.

Въ редакціи-же продаются:

I „Христіанское Чтеніе“ за 1822, 1823, 1824, 1826, 1827, 1833, 1836, 1839, 1840, 1843, 1844, 1845, 1846 и 1847 гг. по 2 р. за экземпляръ каждого года безъ перес. и по 3 р. съ пер. Выписывающіе одновременно за всѣ исполненные 14 годовъ платятъ безъ пересылки 20 р., съ пересылкою 25 р. с.

ВЪ РЕДАКЦИИ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ:

Оставшіяся въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ Писанія мужей апостольскихъ, изданныя въ русскомъ переводѣ со введеніями и примѣчаніями къ нимъ свящ. П. А. Преображенскимъ. Цѣна съ пересылкою 2 р.—Кромѣ того:

1) Указатель къ „Православному Обзорѣнію“ за одиннадцать лѣтъ 1860—1870 гг., составленный П. А. Ефремовымъ. Цѣна Указателя 75 к., съ пересылкою 1 р.

2) Псалтирь въ новомъ славянскомъ переводѣ Амвросія, архієпископа Московскаго (Зертисъ-Каменскаго). Москва 1878 года. Цѣна 50 к.

3) Жизнь Господа нашего Исуса Христа. Опытъ историко-критическаго изложєнія евангельской исторіи съ опроверженіемъ возраженій указываемыхъ отрицательною критикою новѣйшаго времени. Свщ. Т. Буткевича. Ц. 3 р. 25 к. съ пер.

4) Сочиненія древнихъ христіанскихъ апологетовъ: Татіана, Аппиатора, Теофила Антиохійскаго, Ермія философа, Мелитона Сардійскаго и Минуція Феликса. Изданіе протоіерєя П. Преображенскаго. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

5) Сочиненія св. Иринея Ліонскаго. I. Пять книгъ противъ ересей. II. Огрывки изъ утраченныхъ сочиненій. Изданіе его-же. Цѣна 3 руб. съ пересылкою.

6) Христосъ. Публичныя чтенія Эрнеста Навиля. Москва. 1881 года. Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

7) Чудеса Господа нашего Исуса Христа. Объяснительныя примѣчанія къ евангельскимъ повѣствованіямъ о чудесахъ Христовыхъ. Сочиненіе Дублинскаго архієпископа Трещи, перевѣден. А. З. Зинovieвымъ. Москва. 1883 года. Цѣна 1 р. 30 к. съ пересылкою.

8) Теорія древле-русскаго церковнаго и народнаго пѣнія на основаніи аэстивическихъ трактатовъ и акустическаго анализа. Сочиненіе Юрія Арнольда. Москва. 1880 года. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

Редакторъ протоіерєй П. Преображенскій.

Отъ Университета Св. Владиміра въ Кіевѣ.

Университетскіи Извѣстія въ 1885 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублѣй и съ пересылкою шесть рублѣй пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода приложеній (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при вышкѣ приложеній, пользуются уступкою 20^о/₁₀₀.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своимъ требованіями къ коммисіонеру Университета Н. Я. Оглоблипу (С-Петербургъ, Малая Садовая, № 4, и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Литова).

Каждая книжка Извѣстій, за исключеніемъ текущихъ официальныхъ свѣдѣній, посвященныхъ Университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ сочиненій и статей научнаго содержания, которыя распределяются въ такомъ порядкѣ: отдѣлъ I—историко-филологическій; отдѣлъ II—юридическій; отдѣлъ III—физико-математическій; отдѣлъ IV—медицинскій; отдѣлъ V—научная хроника, въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ; отдѣлъ VI—критико-библіографическій. Последній отдѣлъ, посвященный критическому обзорѣ выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, составляетъ въ годъ до 500 страницъ. Кромѣ того, въ прибавленіяхъ къ каждой книжкѣ печатаются научные матеріалы и переводы болѣе замѣчательныхъ сочиненій, а также указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Редакція.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1885 ГОДЪ

Иллюстрированный Миръ

VII годъ. Большой Литературно-Художественный Журналъ, годъ VII.

Выходитъ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО, т. е. 52 номера въ годъ, въ форматъ большихъ иллюстрацій, и каждый номеръ заключаетъ въ себѣ отъ 16 до 20 страницъ, со множествомъ художественно выполненныхъ гравюръ; въ годъ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ).

Кромѣ еженедѣльныхъ номеровъ журнала все подписчики получаютъ БЕСПЛАТНО:

„ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ

ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ,

ЛИТЕРАТУРНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ,

въ которыхъ въ теченіи года помѣщаются наиболѣе выдающіяся беллетристическія произведенія всѣхъ европейскихъ языковъ литературы. Въ концѣ года „Еженедѣльные Литературныя Приложенія“ сдѣлаютъ въ пользу самыхъ важныхъ и замѣательныхъ членовъ.

представляющія списки съ лучшихъ капитальныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Изъ которыхъ приложения печатаются съ тѣплымъ. Прекрасная бумага, изящное исполненіе въ гравюрѣ, артистическая печать.—все это даетъ возможность сдѣлать изъ художественныхъ приложений „Иллюстрированнаго Мира“ роскошный альбомъ.

„НОВѢЙШИЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“,

разсылаемыя ежемѣсячно и составляющія полный руководъ модный журналъ. Въ теченіи года дается: около 500 полнотипажныхъ рисунковъ новѣйшихъ модъ, какъ-то: домашнія платья, пріемные туалеты, визитные костюмы для гулянья, выѣздные туалеты, вечерніе для театровъ, концертовъ, балыные туалеты для невесты, для причастія, различныя шубки, пальто, жакетки и пр., а также дѣтскіе костюмы, платье, бѣлье и т. п. руководъ работы, разнообразныя буквы, инициалы, вензеля и пр. Въ каждомъ модномъ номерѣ заключаются слѣдующіе отдѣлы: модный курьеръ (обзоръ моды), описаніе рисунковъ, хозяйство и кухня, совѣты и рецепты, отвѣты подписчикамъ, смѣсь и пр.

Всѣ годовыя подписчики получаютъ главную большую премию: Литературно-художественный

ЖИВОПИСНЫЙ АЛЬМАНАХЪ.

Альманахъ этотъ, украшенный прекрасными картинами, портретами и видами, будетъ заключать въ себѣ: стихотворенія, беллетристическія произведенія (оригинальныя и переводныя), біографіи, историческіе очерки, статьи по искусствамъ, путешествія и пр. Въ концѣ альманаха будетъ помѣщенъ юмористическій отдѣлъ съ карриатурами.—„Живописный Альманахъ“, представляющій массу интереснаго чтенія, по своей изысканности и богатымъ картинкамъ можетъ служить самымъ лучшимъ настольнымъ украшеніемъ въ каждомъ домѣ.

(Желающіе получить альманахъ въ роскошномъ штампованномъ, золоченомъ переплетѣ, прилагаютъ за переплетъ въ серебряной цѣнѣ 1 р.)

Людѣ, подписавшейся на годъ до 15-го декабря, получаютъ съ № 1 журнала тщательно составленный и замѣстанный все необходимыл сдѣлкія:

„ОБЩИЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1885 г.

Подписка цѣна за годовое изданіе „Иллюстрированнаго Мира“ съ преміями в приложениями:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 4 р. Безъ доставки въ Москвѣ, черезъ конг. Л. Метцля 4 р. 50 к.

Съ доставкой въ Сиб. и въ другіхъ городахъ и мѣстечкахъ Россіи—5 р. За границу 6 р.

Принимается подписка на 1/4 года—1 р. 25 к.; на 1/2 года—2 р. 50 к.; и на 3/4 года—3 р. 75 к. Желающіе получать журналъ съ разсрочкою платежа по именной суммѣ, уплачиваютъ: при подпискѣ 2 р., къ 1-му марта 1 р., къ 1-му іюля 1 р., и къ 1-му сентября 1 р.

Желающіе ознакомиться съ журналомъ могутъ получить пробный номеръ, высылая лишь двѣ 7-ми копѣечныя марки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, Невскій проспектъ, № 76 Въ Москвѣ, въ Центральной конторѣ объявленій Л. Метцля Петровка, домъ Солодовникова, № 6.

II. „Христ. Чтен.“ за 1848, 1856, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 и 1868 гг. по 3 р. за экземпляръ каждаго года безъ перес. и по 4 р. с. съ перес.; за всѣ 13 годовъ 30 р. безъ перес. и 35 р. съ перес.

III. „Христ. Чт.“ за 1849, 1850, 1852, 1854, 1855, 1857, 1870 и 1871 гг. по 4 р. за экз. каждаго года безъ перес. и по 5 руб. съ перес.; за всѣ 8 годовъ 27 р. безъ перес. и 32 р. съ перес.

IV. „Христ. Чт.“ за 1872, 1873 и 1874 гг. по 4 р. с. за экземпляръ каждаго года безъ перес. и по 5 р. съ перес.

V. „Христ. Чт.“ за 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1881, 1882 и 1883 гг., вмѣстѣ съ „Церк. Вѣст.“ по 5 р. съ перес., отдѣльно по 3 р.

За всѣ вышеизложенные годы можно получать журналъ и отдѣльными книжками по 75 к. безъ перес. и по 1 р. съ перес.

„Въ „Христіанскомъ Читаніи“ за прежніе годы помѣщены слѣдующія бесѣды Св. Іоанна Златоустаго: а) на кн. Дѣяній св. апостоловъ за 1856 и 1857 года, б) на посланія къ Ефесянамъ и Колоссянамъ—за 1858 г. и в) на посланіе къ Солуніянамъ, Тимоѳею, къ Титу, Филлимону и къ Евреямъ—за 1859 г.

Открыта подписка на 1885 годъ на ежедневную литературно-политическую газету

ВѢСТНИКЪ

Литературный, Политическій, Научный, Художественный.
годъ третій

„Вѣстникъ“ издается по слѣдующей программѣ:

1. Обзоръ внутреннихъ и вѣншихъ событій. Новости ученыя и учебныя. Хроника московской жизни. Провинціальныя корреспонденціи. Отчеты о засѣданіяхъ въ думахъ и земствахъ Судебная хроника.

2. Свѣдѣнія о публичныхъ диспутахъ, лекціяхъ, рефератахъ. Библиографическія свѣдѣнія объ авторахъ, композиторахъ, художникахъ и исполнителяхъ. Содержаніе драматическихъ, музыкальных и художественныхъ произведеній. Рецензіи на нихъ. Театральныя, музыкальныя и литературныя новости русскія и заграничныя.

3. Святцы и свѣдѣнія о храмовыхъ празднествахъ. Подробныя афиши и программы благотворительныхъ, ученыхъ, литературныхъ и иныхъ собраній, частныхъ театровъ, концертовъ, выставокъ, панорамъ, цирковъ, скачекъ и т. п. зрѣлищъ и увеселеній въ Москвѣ и провинціи. Подробныя программы обществъ конскаго бѣга. Свѣдѣнія о спектакляхъ въ Московскихъ Императорскихъ театрахъ.

4. Указатель книжный, судебный, желѣзнодорожный, пароходныхъ обществъ. Прїѣхавшіе и выѣхавшіе. Биржи и рынки. Торговля телеграммы. Адресы. Справочный листокъ.

5. Разсказы и повѣсти. Драматическія произведенія. Стихотворенія.

6. Частныя объявленія, рекламы, стороннія сообщенія.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

Городской . . . 12 м.—4 р.	6 м.—2 р. 50 к.	3 м.—1 р. 50 к.	1 м.—75 к.
Школьной . . . 12 м.—5 р.	6 м.—3 р. 50 к.	3 м.—2 р. 50 к.	1 м.—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1. Въ конторѣ редакціи: Москва, Поварская. Борисоглебскій пер., домъ Писемской. 2. Въ типографіи М. П. Щепкина: Москва, Средняя Писловка, домъ Волковыхъ. 3. Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и конторахъ, принимающихъ подписку на газеты.

Редакторъ-Издатель Ѡ. Гиляровъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ ВЪ 1885 ГОДУ.

Истекающимъ 1884 годомъ завершается *двадцатипятилѣтіе* изданія „Православнаго Обозрѣнія“.

Начавъ свое существованіе въ 1860 г., въ то время, когда оживленная освобожденными началами, внесенными въ предпринимавшіяся реформы гражданскаго строя блаженныя памяти императоромъ Александромъ II, Россія вступила въ новый періодъ жизни, требовавшей усиленной и отвѣчавшей современнымъ ея нуждамъ дѣятельности духовенства и духовной науки, „Православное Обозрѣніе“ приняло на себя полную и трудную задачу—сблизить духовную науку со свѣтскою, облачать богословствующую мысль въ формы, соответствующія запросамъ времени, защищать христіанскую истину отъ нападений современнаго невѣрія, облачающагося въ непринадлежащую ему одежду точной науки и, наконецъ, сблизить изолированное духовенство съ обществомъ и содѣйствовать преобразованію церковно-общественной жизни на началахъ согласныхъ съ православіемъ,—и смѣемъ сказать—съ горячимъ усердіемъ работало надъ осуществленіемъ этой программы въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ. Какъ оно выполняло свою задачу, въ какой мѣрѣ содѣйствовало успѣху духовной науки и проникновенію началъ православной истины въ общественномъ сознаніи и въ взаимныхъ отношеніяхъ духовенства и общества,—не намъ судить объ этомъ.

Благодареніе Богу, даровавшему силы, какъ прежнимъ издателямъ—протоіерею Н. А. Сергѣевскому и протоіерею Гр. П. Смирнову, такъ и настоящему издателю журнала бодрственно трудиться надъ исполненіемъ предложенной задачи и преодолѣть препятствія, воздвигавшіяся отънуды и въ свѣтлыя времена минувшаго царствованія.

Вѣчная память незабвеннымъ іерархамъ Московскимъ — въ Бозѣ почившимъ *Филарету* и *Макарію*, просвѣщеннымъ разумомъ и властнымъ словомъ оказывавшимъ поддержку изданію журнала въ его направленіи къ широкому и возвышенному пониманію истины и началъ православія и разумному прикѣпленію ихъ, въ церковно-общественномъ бытѣ. Вѣчная память и почившимъ—*первому цензору* журнала протопресвитеру *Д. II Новскому* и наиболее поработавшимъ на страницахъ его сотрудникамъ, особенно профессору Московскаго университета *Н. К. Соколову*, посвятившему лучшія силы свои на усиленіе и разработку началъ духовно-судебной реформы, и доселѣ настоятельно требующей движенія къ своему осуществленію.

Глубоко благодаримъ бывшихъ и настоящихъ сотрудниковъ, которые, не прельщаемые высокими гонораромъ, единственно по нравственному тяготѣнію къ задачѣ и направленію журнала, помѣщали на его страницахъ свои почтенные труды.

Сердечно благодаримъ и нашихъ подписчиковъ и читателей, которые своимъ сочувствіемъ поддерживали посильную дѣятельность редакціи и давали, хотя и скромныя, средства къ продолженію изданія. Къ ихъ просвѣщенному сочувствію и поддержкѣ съ полнымъ довѣріемъ обращаемся и нынѣ, въ наступающій періодъ существованія журнала, обѣщаясь съ своей стороны неослабно трудиться надъ осуществленіемъ задачи.

„Православное Обозрѣніе“, учено-литературный журналъ богословской науки и философіи, особенно въ борьбѣ ихъ съ современнымъ невѣріемъ, церковной исторіи, критики и библіографіи, современной проповѣди, церковно-общественныхъ вопросовъ и извѣстій о текущихъ церковныхъ событіяхъ внутреннихъ и иностранныхъ, выходитъ ежемѣсячно книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна съ пересылкою 7 рублей. Подписка принимается въ Москвѣ, у редактора журнала протоіерея при церкви Θεодора Студита, у Пикетскихъ воротъ. II. *Преображенскаго* и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Плотородные благоволятъ адресоваться исключительно такъ: въ редакцію „Православнаго Обозрѣнія“ въ Москвѣ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1885 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархiи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначенiемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала прецрвожждается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.